

3

2007

НИВА

Ф. Байгельдинов. Провинциальная история (повесть)

Б. Самсонов. Мечтатель (окончание документальной повести)

Ю. М. Рюнтю. "Все женщины прекрасны!"

(10 интервью для "Нивы" к Международному женскому дню)

Н. Курпякова. Выбор пути

В. Могильницкий. Судьба актрисы

Г. Муканова. Есиль-нама, или Легенды и быль о "лунной царице" Айганым

№ 3

2007

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Издаётся с 1991 года.

Выходит ежемесячно.

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН** (г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Н. Н. ЖОРОВ** (г. Уральск), **В. Г. КОЧЕНОВ** (г. Астана), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ** (г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ** (первый зам. главного редактора), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

Ф. Байгельдинов. Провинциальная история. *Повесть* 3
О. Бекбулатова. За пределами себя, Где моё лицо? *Рассказы* ... 79

Поэзия

Л. Феофанова. «Читаю снова Пушкина...». *Стихи* 73
Е. Тюнина. «А за окном лиловая прохлада...». *Стихи* 85
Т. Никитина. «Сестра раздумий — тишина...». *Стихи* 112

Документальная проза

Б. Самсонов. Мечтатель. *Повесть (окончание)* 90

© «Нива», 2007, Астана

Культура. Общество. Личность

Юри Мэттью Рюнтю. «Все женщины прекрасны!».

10 интервью для «Нивы» к Международному женскому дню 119

Н. Курпякова. Выбор пути 145

Литературная жизнь России 151

Летопись Евразии

Г. Муканова. Есиль-нама, или Легенды и быль

о «лунной царице» Айганым 159

История без купюр

В. Могильницкий. Судьба актрисы. 170

Искусство

С. Харитоненко. Картины, наполненные светом 176

В семейном кругу

Новое имя

Л. Лихограй. «Зови меня бабушкой...», Что хочет сказать число? Рассказы 178

Изоальбом «Нивы»: из работ Василия Ворохова.

На первой странице обложки — «Посвящение Караваджо», на четвёртой — «Боровое. Звенящая тишина».

«Литературная газета» (№ 5 за 7-13 февраля 2007 г.) сообщила скорбную весть: на 59-м году жизни после продолжительной болезни умер писатель и моряк, лауреат многих престижных премий, руководитель Мурманской писательской организации Николай Александрович СКРОМНЫЙ. Родился он в селе Гуляй-Поле Шортандинского района Акмолинской области. Выросший в казахстанской степи, Николай Скромный с 18 лет — после окончания мореходной школы в Кронштадте — связал свою жизнь с морем, сорок лет служил на Краснознаменном Северном флоте. Морское дело Николай Александрович сочетал с творчеством. Его роман в четырёх книгах «Перелом» стал одним из самых заметных произведений русской литературы XX века о крестьянстве.

В 2003-2004 годах эта эпопея, потрясающая по своей художественной выразительности и глубине изображения народной трагедии, была полностью опубликована в «Ниве».

Николай Александрович Скромный был писателем большого эпического таланта, продолжателем шолоховской школы в отечественной словесности, ярким литературным самородком и удивительно скромным человеком.

Фарид БАЙГЕЛЬДИНОВ

Провинциальная история

Повесть

*... Положи меня как печать на сердце твоё,
как перстень на руку твою: ибо крепка
как смерть любовь; люта как преисподняя
ревность: стрелы её огненные...*

Песнь песней, Ветхий завет

Тем дивно солнечным майским утром он проснулся раньше обычного, с досадой глянул на часы (можно бы и поспать ещё!), сладко потянулся было, но тут же поморщился от боли, ибо тело его мстительно отозвалось каждой натруженной мышцей, каждой потянутой связкой после экстремальных нагрузок на вчерашних областных квалификационных соревнованиях по спортивной гимнастике.

Но он привык уже к таким болям и, более того, он даже любил эту боль растущих, наливающихся силой послушных и эластичных мышц своего великолепного тела, предмета своей тихой гордости и трудно скрываемой зависти и откровенного восхищения других ребят, тренирующихся в их секции юношеской спортивной школы.

А вчера на соревнованиях он каждой своей клеточкой остро ощущал то, с каким восторгом смотрели на него судьи; соперники гимнастического марафона, болельщики на трибунах и, в особенности, разнокалиберные школьные мальчишки; а также и учителя, пришедшие поболеть за своих питомцев, во главе с самим импозантным, седовласым директором — гордостью школы.

Фарид Фазылович БАЙГЕЛЬДИНОВ

родился 12 января 1937 года. Образование высшее, по основной профессии инженер-строитель. Имеет большой опыт работы по организации строительного производства, проектирования и строительной науки. Окончил аспирантуру при НИИЭС в Москве и заочно университет искусств. Уча-

стник многих всесоюзных и республиканских художественных выставок, автор пяти персональных выставок. Стихи, проза и репродукции работ Ф. Байгельдинова неоднократно публиковались в журналах и альманахах (в том числе в "Ниве"), в художественном альбоме "Аquareль Казахстана".

В белоснежной маечке, рельефно облегавшей мощный панцирь грудных и эффектно оттенявшей загорелые эпюлеты дельтовидных мышц, а также внушительные бугры трицепсов и мощь бицепсов; в белом, плотно обтягивавшем великолепные длинные ноги, трико и в белых “чешках” он был прекрасен как молодой греческий бог. И не одно девичье сердечко учениц женской школы имени Ломоносова сладко замирало от неясных ещё, быть может, предчувствий, а, впрочем, вполне возможно, что и от вполне определённых уже чувственных волнений. Там было всё, чтобы волнения таковые не только возникали, но и продолжали теснить распахнутые ожиданию счастья души и томить молодые, наливающиеся внешними соками, тела юных красавиц.

Особенно хорош он был в упражнениях на коне, на кольцах и в вольных упражнениях, словом, там, где весьма важны и очень здорово смотрятся широкие с хорошей амплитудой махи.

Результатами соревнований он сам и тренер его были довольны. А раз так, то значит всё складывалось замечательно, а, следовательно, и жизнь — была р-р-рас-пре-крас-на!..

Цветы... поздравления...поцелуи...

Какое-то время он ещё понежился в сладкой пене воспоминаний, лёжа в тёплой постели, затем решительно встал, чтобы не опоздать на первый урок, один из тех немногих, остававшихся до выпускных экзаменов...

В то же самое утро на другом конце города в сладко пахнувшей девичьей постели проснулась она.

Проснулась от удивительного сна: в куцах оливковых роц Древней Эллады, с луком в руках и совершенно нагой Дианой она гналась за молодым оленем, пока не потеряла его из виду.

Затем она вышла к прозрачному ручью и только было наклонилась зачерпнуть водицы, как вновь увидела в воде отражение того оленя, который каким-то непостижимым образом (возможным только во сне!) вдруг превратился во вчерашнего восхитительного мальчишку, который в туго натянутом умопомрачительном белом гимнастическом трико так удивительно красиво, с такой беззаветной смелостью и непередаваемой грацией взлетал и падал вопреки всем строгостям канонов земной физики и, казалось, наперекор самой неумолимости закона всемирного тяготения. Только теперь стоял он вольно в своей абсолютной ослепительно-притягательной наготе, спокойно и без стеснения глядя прямо в её очарованные глаза и беспомощно трепещущую душу...

Ах, как жаль, что это был всего лишь сон! Но, Боже, какой сон!!!

И теперь она с приятным изумлением вспоминала и пыталась закрепить в памяти всю фантастическую непредсказуемость этого волшебного красивого сна, волнующие детали которого почему-то обретали некую неожиданно загадочную символичность, словно туманные предсказания древнегреческих оракулов, боговдохновенных сивилл и пифий. А то, как неожиданно сон этот плавно и органично вдруг пересекался с реальностями вчерашнего дня, обретая тайный и знаковый характер, почему-то как-то особенно сладко теснило её сердце неясными предчувствиями.

— Мистика какая-то, — попыталась избавиться она от невольных волнений, но безуспешно: похоже, суждено было сну этому стать тайным

камертоном начинающегося дня, — ну что ж, поживём — увидим!.. Однако пора бы уже и поторопиться, чтобы заблаговременно успеть к началу школьных занятий...

Это была самая лучшая в городе мужская школа — гордость гороно, то бишь городского отдела народного образования.

Мужская, потому что в те послевоенные годы в стране почему-то было введено раздельное обучение мальчиков и девочек.

Почему? Да кто ж его знает? Может, чтобы подольше сохранить целомудрие подрастающих строителей коммунизма, а может, и по каким другим соображениям. Правда, такая роскошь была доступна лишь в городах и школах с достаточным количеством ученических мест. А где нет — учились в общей куче, и ничего — целомудрие воспитанников от этого не страдало, да и на успеваемость заметно это не влияло.

Ну да ладно, словом, в нашей школе учились одни мальчишки.

И хотя все они были “оторвягами”, и хотя в подростковой среде той поры в моде был некий полублатный стиль и склонность к лихой хулиганистой шкодливости, только вот к девочкам отношение было рыцарским, во всяком случае, считалось за низость выматериться при них или грязно оскорбить.

Да и сами они (девчонки те) стоили того, потому как было немислимым, чтобы кто-нибудь из них матерился, курил или пил, а уж о наркоте тогда даже и в мыслях не было. Девичья гордость и чистота были в чести и у них самих, и у мальчишек. Конечно, были и тогда так называемые “давалки”, но случалось это крайне редко и считалось чем-то ужасно унижительным и грязным.

Раздельное обучение привело к стандартизации школьной формы и началось это с девчоночьих школьных платиц и фартучков, чёрных для повседневной носки и беленьких с кружевами — для парадных случаев.

Ах какими восхитительно нарядными и недосыгаемо прекрасными были они в этих скромных своих одеждах, да ещё и в сочетании с косичками-бантиками! Феи, да и только! Мальчишки же выглядели поскромнее и победнее, потому как время было трудным — не до роскоши.

Но постепенно выработался некий своеобразный стиль, когда в моду вошли широкие сатиновые, узкие в талии шаровары без ширинки, застёгивающиеся по бокам, наподобие флотских штанов, только стянутых в щиколотке.

Сверху — стали модными вельветовые курточки на молниях и с белыми отложными воротничками навывпуск.

На голове — блатные кепки-шестиклинки с узкими козырьками. Короткие стрижки — “бокс” и “полубокс”, но потом стали входить в моду “полечки” с зачёсываемыми назад волосами. Но никаких там патл или косичек, Боже упаси! Оборжут, а то и накостьляют, — жить не захочешь!

А как же — не позорь мужиков! Всё аккуратно, по-мужски сдержанно, без всяких там нынешних висюлек и выкрутасов.

Женщине — женственность, мужику — мужественность. Каждому — своё!

А 31 августа прошлого года в той самой мужской школе произошло очень даже замечательное и, бесспорно, весьма и весьма волнующее

событие: на традиционной общешкольной линейке, посвящённой началу занятий, среди привычно-знакомых корпусов принаряженных учителей непонятно почему затесалась ладненькая девчонка (видимо, новенькая пионервожатая!) с таким напряжённо-взволнованно-торжественным выражением умного личика, что страшно хотелось отмочить какую-нибудь хохму, чтобы смыть эту сладкую патоку с её славненькой мордашки, сбить дурацкий восторг и спесь и увидеть, наконец, истинное лицо этой *салаги-задаваки*.

— Хочу назад в пионеры! — ёрнически простонал плотный парнишка с нагловатым блеском уверенных глаз и крепкими кулаками чемпиона области по боксу среди юниоров, — хочу *такую* пионервожатую-у-у! — дурашливо захныкал-заканючил он под общий одобрительный приглушённый смехок в рядах выпускников.

Но каково было всеобщее изумление, когда директор школы с какой-то акцентированной учтивостью и почтением представил эту пигалицу как преподавателя английского языка! Ни фига себе — новая “англичанка”!

И тут она сделала свой первый (в буквальном и переносном смысле) шаг вперёд, слегка наклонив смущённо такую юную и изящную головку, да так грациозно-женственно и трогательно-мило, что в то же мгновение сердца всех без исключения особей мужского пола (уверен, даже самого директора школы!) дрогнули в едином порыве беззаветной нежности и неосознанной любви, добровольно и безоговорочно подчиняясь зову Великого Инстинкта продолжения рода человеческого!

Эт-то было СОБЫТИЕ, скажу я вам! Эпохальное событие, ибо отныне жизнь той мужской школы можно было теперь уже, без всякого сомнения, делить на ДО и ПОСЛЕ ТОГО!

И это действительно было так со всех точек зрения.

Ну, во-первых, с точки зрения учебного процесса это был колоссальный шаг вперёд, потому как старая карга-“немка” едва-едва знала английский, а посему и ученики относились к предмету (мягко говоря!) без должного прилежания.

А, во-вторых, в той достославной **мужской** школе, основное поголовье которой находилось пусть на разных стадиях, но всё же единого процесса полового созревания, появление такого удивительно прекрасного, нежного, умного и, главное, доброго **биостимулятора** (как бездушно обозвали бы эту дивную “англичанку” нынешние психоаналитики) переоценить было просто невозможно. Мальчишки (особенно старшекласники!) стали тщательнее следить за своей внешностью, а не выучить английский — отныне почиталось дурным тоном, тупостью, граничащей с дебильностью.

Словом, налицо очередная революция в языкознании, пусть даже только в масштабах одной средней школы. Важен прецедент!

Да что мальчишки!

Даже легендарный школьный физрук (по слухам, игравший за дубль в московском “Торпедо”!) стал франтовато одеваться и превратился вдруг в эдакого заядлого танцора и неизменного её кавалера на всех школьных вечерах.

— Этот своего добьётся! — мучительно ревновал тот чемпион-юниор, что рвался назад в пионеры, — забьёт ведь сукин сын свой победный гол,

ох, забудёт! — безутешно горевал он, и не пытаюсь скрывать своей искренней печали.

Да что уж там физрук, если даже сам завуч и обожаемый всеми учениками физик-математик, недавно демобилизованный капитан второго ранга (говорят, командовавший во время войны подразделением торпедных катеров на Северном флоте и ходивший, прихрамывая, с палочкой в чёрном морском кителе со следами погон, шевронов и с до блеска надрабанными пуговицами), даже он стал ходить без палочки, и уж как-то особенно галантно оказывая знаки мужского внимания своей юной коллеге, чем вызывал жгучую ревность остальных училок, поголовно влюблённых в подтянутого и строгого кавторанга.

Да что там говорить: была она любимицей. Всеобщей любимицей!

И, конечно же, не могла не знать, не чувствовать такого поголовного и безоговорочного поклонения. Она знала и чувствовала. И ей это, безусловно, нравилось.

Но и пугало! Уж очень нагляден был пример красавицы-цыганки Эсмеральды из “Собора Парижской Богоматери” Виктора Гюго, когда в мгновение ока из всеобщей любимицы превратилась она в несчастную жертву.

Такова цена всеобщего поклонения, ибо не случайно же говорится, что от любви до ненависти всего лишь шаг. Толпа, увы, сентиментальна и жестока! И она ни за что не прощает промахов своим кумирам, зато при случае с лихвой вымещает на них затаённую зависть и мстительную обиду за собственную обделённость!

Но она старалась меньше думать о неприятном и опасном, и поэтому была со всеми неизменно равна и приветлива, внимательна и справедлива, причём делала это предельно искренне, ибо по себе знала, насколько противно притворство и коварство вообще, а в школьной среде — и вовсе невыносимо, потому как юные сердца просто не выдерживали такой мерзости на фоне высокого напряжения их юношеского максимализма.

Несмотря на материальные проблемы, изо всех сил пыталась она выглядеть привлекательной и модной и в то же время сдержанно-изысканной, как того требовал учительский этикет. А во что ей это обходилось, сколько изобретательности, бессонных трудов и какого искусства рукодельницы уходило на всё это, не знал никто.

И уж совсем-совсем никто не знал, сколько и каких горючих слёз было выплакано-высказано девичьей подушке-подружке безжалостными одиночными ночами, когда сердце разрывается оттого, что жизнь проходит, а принца так и нет; когда молодое здоровое тело настойчиво требует щедрой мужской ласки.

Была ли она горда, тверда и неприступна в полном соответствии с негласно царившими правилами общественного поведения и нравственными устоями Страны Советов для девушек тех времён? Да, конечно! Вполне и даже более чем!

Кроме того, она была девственно чиста и целомудренна, если, конечно, не считать произвольных, изнурительно-сладостных открытий эротических снов и фантазий, включающих те редкие, вынужденно тайные и почти самопроизвольные ласки бунтующей плоти, приносившие вместе с временным физическим облегчением также и чувство мучительно стыдливой вины.

Иногда в такие минуты она не без некоего сожаления вспоминала те торопливо-судорожные прикосновения безумно нравившегося ей (да и не только ей, а всему их курсу) красавца-преподавателя с кафедры французского языка, едва не стоившие ей дефлорации, во время их краткого и бурного романа на традиционных студенческих сельхозработ. Когда в самый последний уже, казалось бы, момент женской слабости, замутнённой горячей волной сладострастия, именно её внутренняя чистота и девичье целомудрие позволили удержаться на той болезненно острой грани нравственной чистоплотности, противостояв обманчивому соблазну воспалённого воображения и разгорячённой плоти.

Нет, она не была ханжой, она знала о своей сексуальной привлекательности и вполне благосклонно принимала знаки мужского внимания, но она твёрдо знала, что произойдет ЭТО только по тому таинственному зову сердца, которое не обманет и обязательно приведёт к счастью!

Ах, вот только бы точно знать, кто он тот желанный, где он бродит и когда же придёт?!

... И вдруг этот неожиданный, и даже в чём-то нелепый, но такой греховно-сладостный и прекрасный сон! Так неужто этот дивный мальчишка и есть тот самый ОН?.. Чушь, конечно же! Быть того не может и не должно!

Но почему тогда так гулко-тревожно бьётся и отчего так мучительно-сладостно замирает сердце?!. Бредишь, подружка!..

... Он тоже был в числе тайных её поклонников, с глухой тоской осознававших всю бесперспективность своих романтических грёз. Постепенно он даже как-то свыкся с этим и перестал пожирать её глазами в общей толпе воздыхателей.

Хотя... хотя, говоря по правде, несколько раз она приходила в его сладких эротических сновидениях. А однажды (страшно вспомнить!) он неожиданно нашёл её совершенно нагой, склонившуюся к лесному ручью, и... дерзко схватив её, безропотную, за крутые бёдра, мощно вошёл в неё сзади, щедро и упоительно излившись в её таинственные непостижимо сладкие глубины...

— Опять стирать эти слипшиеся и насквозь промокшие трусы! Да сколько ж можно... когда уж закончатся все эти постыдные мучения?!!

Он очень стеснялся этих нескончаемых пятен на трусах и простынях, которые молча отстирывала мать, вдвоём с которой жили они в тесной комнатке коммунальной квартиры.

Отец погиб на фронте в первые же дни войны, и с тех пор на всём белом свете у неё был только он, а у него — она. Они очень любили друг друга, и он был готов умереть за неё. Но внешне это выглядело очень даже спокойно, без особых эмоций, откровений и нежностей.

Лишь иногда перед сном, осторожно присаживаясь на край кровати, она тихо приглаживала его мальчишеские вихры и ласково целовала в голову, пожелав спокойной ночи. Он же делал вид, что уже заснул, хотя сердце его разрывалось от невыразимой нежности и едва сдерживаемого жгучего желания поцеловать её тёплые шершавые руки... Но нельзя, потому как — мужик, а мужику вроде бы и не пристало нежничать. Такая вот дурь, конечно же, но таково было то время и тут ничего не поделаешь!..

А в седьмом классе, когда она случайно нашла выпавшую из книг старую жёлтую, криво обрезанную, изломанную по краям маленькую самодельную фотографию страшно и откровенно развёрнутой (как бы это сказать, чтобы не матюгнуться!) ну, этой самой женской сладкой штучки, она положила на стол эту бесспорную вещественную улику его подросткового грехопадения и глухо спросила: “Что это?”.

Он ужасно смутился, не зная что и ответить на этот дурацкий вопрос. Ну и действительно, не мог же он выпалить общеизвестное, а другое, более приличного слова в русском языке, обозначающего женский детородный орган и несбыточную мечту созревающего поколения, увы, просто не было. Правда, знал он ещё несколько жаргонных наименований, но были они ещё грязнее и скабрёзнее. И вообще, почему эти важнейшие (**детородные же!**) человеческие органы были в такой немилости, что одни их названия носили неприличный, ругательный характер, оставалось необъяснимой загадкой.

Он даже не помнил, откуда и как фотография эта оказалась у него, но в своё время с величайшим вниманием и усердием изучил изображение, судя по всему, переснятое из какого-то учебника гинекологии, потому что стрелочками были указаны наименования тех или иных частей этого таинственно-загадочного и сладостно-привлекательного полового органа, имевшегося между ног у каждой (подумать только!) из этих неприступно гордых воображал из женской школы!

Ужасным было то, что с возрастом проблем с “этим” становилось всё больше и больше, но вскоре самой главной и неразрешимой — стала абсолютная неуправляемость и непредсказуемость жесточайшей эрекции.

При всей своей чистоте, иногда он просто не мог противостоять натиску сорвавшейся лавины, руки самопроизвольно находили восстановленный предмет, стонущий источник жгучего чувственного желания и вынужденно-сладкий “грех” мучительно мужающей плоти на время снимал напряжение, неизменно оставляя тяжесть стыда и чувства непонятной вины. В такое утро он был мрачен и, встречая весело щебечущих и беззаботно-звонко смеющихся девчонок в белых фартучках, невыносимо страдал от комплекса собственной неполноценности, наивно обзывая себя “грязным извращенцем”. Откуда ж было ему знать, что тем же предутренним часом некоторые из этих “белоснежных” прелестниц точно так же решали свои проблемы гормональных перекосов взросления. Просто они — более искусные притворщицы по своей дивно-непредсказуемой женской природе...

... А тем временем этот “сукин сын” совсем обнаглел и отбился от рук, самовольно вставая теперь в полный рост, когда ему вздумается, не считаясь ни со временем суток, ни с местом пребывания, ни с какими-либо другими обстоятельствами. А один такой ужасно постыдный случай запомнился на всю жизнь...

... В один из первых послевоенных годов городские власти сделали горожанам подарок: в городе появился первый и единственный автобус! В общем-то, городок был небольшим, и все как-то привыкли уже обходиться, как говорится, “своими-двоими”. Но *это* новшество было как бы своеобразным волнующим символом, намекавшим на некий переход от суровостей

военной жизни к комфортности нынешней — мирной. Так же как и продававшееся теперь на нескольких перекрёстках мороженое, выдавливаемое из круглых жестяных формочек между двух хрупких, но безумно вкусных вафельных, быстро раскисающих прокладок.

Правда, тот горбатый автобус неизвестной марки (скорее всего, неудачный метис из корпуса трофейной колымаги и отечественной ходовой части) был ужасно древним и поношенным аппаратом, окрашенным в безнадежно унылый серый цвет, с одной дверью и подслеповатыми окнами. Да и ходил он только по выходным дням, делая одну-две ходки (в зависимости от состояния своего ветхого здоровья) по одному и тому же маршруту, перевоза всех желающих от ворот городского парка культуры и отдыха до шумного восточного базара в старой части города без промежуточных остановок.

Хотя бы единожды прокатиться на этом мастодонте считалось не только удачей, но и своеобразным шиком. Об этом потом рассказывали соседям и в школе!

Однажды решился на такую роскошь и он.

В тесном проходе меж двух, протянувшихся вдоль бортов, длинных металлических откидных сидений (видно, всё-таки когда-то предназначавшихся для вояк или полицаев), на которых теперь плотными рядами теснились виновато перепуганные собственным везением счастливики, над которыми угрожающе колыхалась плотно спрессованная стоячая толпа менее удачливых, но всё же чудом запихнувшихся-таки пассажиров, обречённо стоявших теперь с дружно поднятыми вверх руками, чтобы держаться за одну общую продольную трубу. Такая поза не только позволяла совместными усилиями уменьшать амплитуду колебаний этой монолитной массы, но и естественным образом увеличивала вместимость этой глухой железной бочки на колёсах, именуемой простодушно-доверчивыми горожанами автобусом.

Так вот, наш юный герой оказался почти в самом конце этого, с позволения будет сказать, салона, где плотность проживания достигала своих угрожающе максимальных величин, потому что стенки этой, как вы уже остроумно заметили, “бочки”, были всё-таки железными и пока ещё прочно держали форму, в отличие от тел человеческих, болезненно, но обречённо-послушно деформирующихся под воздействием внешних сил, представленных во всём великолепии красных от натуги образин верных ленинцев-сталинцев, с неиссякаемым энтузиазмом готовящих коммунистическое будущее всему человечеству, а заодно весело и с пролетарским напором штурмующих это несчастное транспортное средство.

Говоря короче, наш молодой и горячий строитель коммунизма с неуправляемой эрекцией волей случая оказался намертво впаянным в спину и прочие соблазнительно выдающиеся части роскошного тела вполне упитанной молодой особы, от которой к тому же исходил волнующий запах парных дамских подмышек и изделий отечественной парфюмерии.

Вот тут-то всё и началось! Его своенравный дружок вдруг решил, что наступил его звёздный час для сольного выступления, весь срочно мобилизовался и тут же жёстко упёрся в уютную ложбинку меж упругих ягодиц, озадаченная владелица которых предприняла слабую попытку куда-нибудь сдвинуться, чем вызвала бурю негодования раздражённых соседей.

— Да стой хоть ты спокойно, не ёрзай! — недовольно заворчал её супруг, широкие плечи которого обнимала она теперь, преданно расплещившись о его спину любящими грудями.

— Да уж, как тут не заёрзать, когда сзади к твоей жене пристроился какой-то нахал! — чуть было не лягнула она сгоряча, но вовремя спохватилась, сообразив, в какой скандал это может вылиться теперь и сколько ревнивых упреков ждёт её потом.

Наконец, поняв всю безысходность ситуации и бессмысленность сопротивления, покорились она судьбе, утешаясь лишь невозможностью забеременеть *от этого* и судорожно ища подходящего оправдания, ибо если лукавая баба нашла должное оправдание (а, как говорится, “кто ищет, то всегда найдёт”), то тогда она уже спокойно готова ко всему и способна на многое.

— А что я могу тут поделывать, — резонно спрашивала себя верная супруга, — если этому бесчувственному чурбану (это она о муже!) всё равно, кто и чем упёрся мне в задницу? А, кстати, что ж там за такой горячий нахалюга? Эк, да, похоже, совсем ещё малец, школьник ещё, небось, а туда же... все они кобели сызмальства! — по-философски скорбно и по-бабьи покорно вздохнула она.

Затем, слегка успокоившись, она уже не без некоего любопытства стала отслеживать динамику и мощь нараставшего возбуждения и даже стала, по-видимому, сопереживать, неожиданно получая, пожалуй, определённое удовольствие от пикантности ситуации. Тем более, что и сам парнишка-то, похоже, буквально сгорал от стыда, но тоже ведь ничего не мог изменить.

В конце концов, нервное напряжение, лихорадочное воображение, вынужденно интимная теснота и автобусная тряска довели события до вполне естественного финала с неконтрольными пароксизмами катастрофического “вулканического извержения”, что привело его в дикий ужас с надеждой, что никто об этом не догадался. И напрасно, потому как упомянутый “природный катаклизм” не только не остался незамеченным, но неожиданно привёл соседку в такой немой и ужасающий восторг, что даже вроде бы доставил странноватое, правда, но всё же наслаждение. Как-никак, а приключение, однако!.. Ещё один жгучий порочно-сладкий женский секретик в бесцветно-беспробудной тягомотине привычно-устоявшегося супружеского, так называемого счастья. Будет что вспомнить и похихикать когда-нибудь с подружкой!..

Ей только мельком удалось засечь того чернобрового симпатичного мальчишку, который насмерть перепуганным зайцем вылетел из автобуса на конечной остановке и, прикрываясь сумкой, не разбирая дорог, стремглав понёсся в парк скачками к кустам, растущим вдоль горной речки, пересекавшей этот древний восточный город...

— Ты чё, раздолбай, по шее захотел! — угрожающе рявкнул ему вослед угрюмый квадратный детина, оскалив жёлтозубую пасть с золотой фиксой.

— Совсем от рук отбилась нынешняя молодёжь, никакого уважения к старшим! — привычно огорчилась-опечалилась беленькая благообразная старушка...

Третий урок был у неё в 10 “Б” классе, где с первых же секунд она нашла глазами того мальчишку из волнующего сна, и почему-то ей показалось, что он также тайно чем-то взволнован. До вчерашних соревнований она никак не выделяла его из общего ряда выпускников. В одежде он был ничем не примечателен. Но вчера... но ночью!.. Она даже слегка покраснела, вспомнив своё наслаждение его наготой. Но тут же взяла себя в руки, и урок начался...

Выбирая кого сегодня вызвать к доске, она вдруг почувствовала, что рука в журнале так и тянется к его фамилии, но каждый раз останавливалась усилием воли. А что, давно уже не отвечал, и она вызвала его последним.

Вблизи он был совсем не тем, что на вчерашних соревнованиях и в ночных видениях: там белый принц и греческий лесной бог, а здесь — напряжённо-старательный ученик. И только в серых глазах его угадывался тот спокойно-внимательный и уверенный взгляд, что так разбередил её душу на берегу ручья всего лишь несколькими часами назад.

— Сон! — панически вспыхнуло почему-то и погасло, но тут же вновь всплыло с пугающей настойчивостью пророчества: “сон в руку”.

— Мистика! — досадливо отмахнулась было она, но только теперь уже помимо чисто профессионально-машинального контроля над ответом ученика, всё это независимо от её желания присутствовало в сознании и словно где-то накапливалось, волнуя и мешая.

Ответил он хорошо, и как обычно она пригласила его бегло прочитать отрывок текста на отработку правильности произношения и написания. Он подошёл к столу, наклонился, чтобы взять книгу, и тут..

... Розовые пальцы, а вернее, трогательно нежный мизинчик её маленькой и почти по-детски пухленькой руки указывал на предлагаемый абзац, а от наклонённой головки с завитком за маленьким ушком исходил такой нежный девичий аромат, от которого закружилась голова. Взгляд упал сверху на узкие её плечики, как бы надрезанные бретельками невидимого лифчика, образующего тесную ложбинку, едва угадываемую в вырезе полупрозрачной блузки, и... и произошло самое ужасное, что могло произойти: мгновенная и буйная эрекция! Будь они прокляты, эти лёгкие шаровары, неспособные ничего скрыть!

Он стоял над самым столом и почти спиной к классу, и это оставляло ещё какой-то маленький шанс на то, что разразившаяся катастрофа останется непрочитанной для одноклассников. Что делать, не выбегать же из класса как институтка, прикрывая ладонями взбунтовавшуюся плоть? И она-то сидит так близко, что не заметить *такое* просто невозможно! Он взмок от ужаса и застыл...

Она подняла было непонимающий взгляд на замешкавшегося ученика, увидела *всё во всей красе*, на миг растерялась, и... мгновенно оценив критичность ситуации, тут же взяла себя в руки.

Ровным учительским тоном, твёрдо и спокойно глядя в его испуганно-беспомощные глаза, она предложила ему взять книгу, написать на доске текст, прочитать его вслух два раза, а затем, стерев написанное, заново написать по памяти.

Он понял, что тем самым ему был дан тайм-аут, чтобы, повернувшись спиной к классу, справиться с волнением.

Медленно-медленно, стараясь совсем не думать о случившемся, тщательно выполнил он задание, окончательно успокоился, получил заслуженную четвёрку и, не поднимая глаз, проследовал на своё место. Слава Богу, всё обошлось!..

Да, всё, конечно же, обошлось. Но именно с этих ИХ обоюдно долгих минут и он, и она чувствовали, что теперь между ними произошло то неожиданное и всё же неотвратимое, что должно было свершиться и отныне не может не изменить их отношения, тесня грудь неясными смешанными предчувствиями беды и счастья. Во всяком случае, в течение нескольких последующих дней он не мог уже ни о чём другом думать, кроме как о случившемся! Как и не мог себе даже представить их новой встречи, а потому бдительно следил за её появлением на горизонте, всякий раз панически избегая пересечения маршрутов.

Она тоже долго приходила в себя от волнения, напрасно стараясь снисходительно опереться на комичность якобы ситуации, мол: “бедный мальчик, физиология... издержки роста...”.

Но ничего из этого не получалось. Мешал всё тот же распроклятый сон, ставший восхитительно томительным наваждением! Она бессознательно ждала его повторения каждую ночь. А днём она искала его глаза! Зачем? Да кто ж его знает, зачем?! Но искала! Искала, себе же ужасаясь!

Так прошла неделя, к концу которой она, казалось, окончательно взяла себя в руки, заставляя думать о происшествии как об одном из незначительных курьёзов, случающихся в школьной жизни вообще, а в старших классах — почти неизбежных.

На одном из уроков она назвала несколько фамилий наиболее подготовленных учеников, знания которых достигли, по её мнению, той критической точки, когда некая шлифовка произношения и небольшая, но регулярная разговорная практика могли бы “развязать язык” и стать началом практического владения языком на бытовом уровне. Именно для преодоления этого вполне обычного и даже почти обязательного характерного психологического барьера в освоении чужого языка она решила провести с ними несколько внеклассных занятий у себя дома, поскольку это экономило дефицитное время для домашних хлопот. Да и сама внешкольная атмосфера создавала некий расслабляющий эффект, что способствовало лёгкости общения и творческому началу. Среди названных фамилий была и его.

Первые несколько занятий в тесной комнатухе подслеповатой времянки, которую она снимала у старой пенсионерки, прошли удивительно интересно и даже весело. Сама игровая обстановка, где каждому отводилась определённая роль, под которую требовался сугубо личностный словарный фонд, своя особая эмоциональная манера говорить, думать и двигаться, подразумевали наличие неких актёрских способностей, выдумки и творческого напряжения.

Чтобы не сковывать инициативу участников игры, она почти не вмешивалась в их “английское” общение, милостиво позволяя любые грамматические и фонетические ошибки, которые всё же старалась запомнить и иронично комментировать потом, во время чаепитий под дружный молодёжный хохот, на который несколько раз заглядывала собственной персоной обеспокоенная хозяйка, которой почётно выделялся единственный скрипучий ветхозаветный стул, и все почитали за честь обратиться к ней, как к коронованной особе с подчеркнuto изысканной чисто английской джентльменской вежливостью типа: “А не могли бы Вы, Ваше Высочество, обратить Ваше драгоценнейшее внимание на мою нижайшую просьбу передать этот ничтожнейший стакан с чаем вон тому обалдую, что так жадно выглядывает из-за Вашего королевского боа!?”...

Потом настала напряжёнno-тревожная предэкзаменационная пора, и занятия отступили на второй план перед зубрёжкой билетов, лихорадочным решением контрольных задачек и прочих разных “бякушек”.

Он тоже готовился, конечно, но только без излишней нервозности: во-первых, он был уверен в прочности своих знаний, во-вторых, медаль ему не светила в любом случае, а в-третьих, для поступления в физкультурный институт у него уже был главный козырь — первый мужской разряд по спортивной гимнастике, с которым его приняли бы с большой радостью, даже если бы он вообще не ответил ни на один из вопросов на вступительных экзаменах.

Поэтому теперь к “англичанке” приходили двое: он и ещё один выпускник из параллельного класса, решивший поступать в инъяз. Занятия стали насыщенные, интереснее, продуктивнее, и сдвиги были явно налицо.

К тому же, словно по негласному уговору, и он, и она делали вид, что ничего между ними не произошло. Да, собственно, так оно и было, если не считать того трагикомичного случая и не принимать во внимание того сна и того внезапно возникшего напряжёнnoго поля неодолимого взаимопротивления, создававшего то мучительно-сладостное ожидание НЕИЗБЕЖНОГО, которое владело ими безраздельно, несмотря на все их старания.

Он знал ЭТО, и она ЭТО знала. Они были как бы негласными заговорщиками, только их конспирация касалась, прежде всего, их самих.

Всеми силами они инстинктивно пытались как можно дольше сохранить это состояние неустойчивого равновесия, но каждый из них чувствовал хрупкость и недолговечность возводимых ими преград и ни у кого не хватало мужества и решимости смести к чёртовой матери всю эту чушь, чтобы... чтобы... чтобы... Они и сами толком не представляли, что может стоять за этим самым “чтобы”, только сердца их замирали от неясных и роковых предчувствий.

Так в короткое время накопился такой потенциал неизрасходованных чувств, напряжение достигло такого предела, что было достаточно самого ничтожного иницирующего толчка, самой малой провоцирующей случайности, чтобы произошёл тот чудовищный взрыв, за которым неизбежна цепная реакция неуправляемых событий с непредсказуемыми последствиями. Оба, быть может, не совсем ещё осознавали это, но наверняка чувствовали холодающую души тревогу и с обречёнnoй покорностью принимали: СУДЬБА!

И всё же СЛУЧИЛОСЬ ЭТО — ошеломляюще внезапно...

... В один из тёплых дождливых летних вечеров второй парнишка забежал на секундочку, чтобы только сказать, что у него что-то случилось дома, и тут же убежал, извинившись.

Застигнутые врасплох, они неловко замолчали, и только было собрался он попроситься, как она предложила попить чай по-английски, изъясняясь только на языке Шекспира.

От волнения у него перехватило горло, и он нерешительно смешно затоптался у порога, пока она не засмеялась тихонько и не попросила сбежать за водой к ближайшей колонке, что на углу квартала.

А над городом вовсю бушевал Вселенский дождь, явно грозивший новым Всемирным Потопом.

Сама же, вспомнив о мокнувших под ливнем постирушках, выскочила налегке и тут же вымокла насквозь. Быстренько вытерлась насухо, накинула лучший свой халатик, успела причесаться и только стала готовить торжественное чаепитие, как в прихожей гулко и весело затопал юный Водонос, прекрасный Водолей, словом, — ОН.

Когда он заскочил насквозь промокший, она уже была в весёленьком наряде, стол был празднично накрыт, причём вся праздничность заключалась именно в изящной старинной хрустальной вазочке с малиновым прошлогодним вареньем и двух расписных тончайших фарфоровых чайных чашечках с блюдцами, на которых отсвечивали позолотой две мельхиоровые ложечки с витыми ручками. А верхом изысканности высились два белоснежно-упругих конуса накрахмаленных салфеток, которые до сего момента он видел лишь в трофейных киношках или в пролеткультговских фильмах о проклятом буржуазном прошлом.

Всё это великолепие каким-то непостижимым образом органично вписывалось в жалкий интерьер мазанки с единственным скудным оконцем; старым, повидавшим виды раздвижным диваном, покрытым старым же, но вполне ещё приличным, а главное, тёплым шотландским пледом; шаткой этажеркой с книгами и тетрадками; с низкой фанерной, крашенной казённой голубой краской тумбочкой у изголовья, на которой как-то неуверенно ютилась маленькая настольная лампа с незатейливым жестяным конусом пролетарски красного цвета. А с низкого шероховатого потолка на витом проводе свисала сиротски голая и беспощадно яркая лампочка, включаемая лишь во время уборки или поисков запропастившейся куда-то иголки.

И какую-то совершенно особую неповторимую теплоту этому неприхотливому девичьему обиталищу придавала трогательно милая небольшая фотография в старинной тёмно-коричневой деревянной рамке, где сидели в обнимку, прижавшись головами, два бесконечно родных существа: совсем ещё молоденькая прелестная десятиклассница с толстой косой на вполне уже сформировавшейся груди и седая строгая учительница — её единственная, горячо и нежно любимая мама, одиноко живущая теперь в небольшой комнатке старинного дома на Васильевском острове города на Неве лишь ожиданием еженедельных писем от своей ненаглядной доченьки.

Фотографию эту первым делом и с непонятной жадностью он изучил украдкой ещё в первый же свой приход сюда...

... А в углу по-хозяйски уверенно уже гудел медный примус, создавая тёплую атмосферу домашнего уюта, правда, сильно отдающего продуктами горения и керосином. Но по тем суровым временам это были запахи не только самой жизни, но и жизненного благополучия. Так пахло *то* ВРЕМЯ...

Пока он неуклюже топтался у порога, с него натекала порядочная лужа.

— О, да на Вас, похоже, больше воды, чем в принесённом ведре, сэр! — искренне изумилась она, — полагаю, что Вам следует срочно переодеться, иначе Вы можете простудиться, а болеть сейчас — вовсе даже ни к чему! Не так ли, сэр? — за подчёркнуто вежливой иронией попыталась скрыть свою озабоченность внезапно возникшей ситуацией.

— Sorry, but I don't understand what you mean, mam! — попытался выиграть время обескураженный "сэр".

— Я имею в виду, что Вы должны немедленно снять с себя всю эту несусветную мокроту! И для этого сейчас я Вам, любезнейший, поставлю эту роскошную ширму, — безапелляционным менторским тоном повелела "мэм", — а я пока соображу, во что бы такое вас вырядить? — голосом строгой, но доброй учительницы озабоченно закончила она, устанавливая изящную складную лакированную ширмочку, на шёлковых полях которой с непостижимо прекрасной и какой-то изысканно-неуклюжей грацией самозабвенно исполняли брачный танец белоснежные японские венценосные журавли с роскошными чёрными хвостами на фоне смутно розовеющей в текучих туманах предутренней дымки сакральной Фудзиямы.

А уж какими путями попала такая экзотичная вещица в покосившийся домик провинциальной старушки, можно было только догадываться, и, скорее всего, это было трофейной добычей одного из местных солдат-победителей самурайской Японии, огрубевшее сердце которого нежданно дрогнуло при виде такой Красоты!

Но как бы там ни было, а только ширмочку эту принесла на десятый день после поселения квартирантки сама хозяйка, потому как очень уж глянулась ей такая молоденькая да славненькая, да такая приветливая "учителка", к тому же говорящая (подумать только!) на самом что ни на есть английском языке. Тут на своём-то не всегда найдёшь что сказать, чтобы ладно-то было, а тут — на чужом лопочет, да ведь бойко-то как!? Это ж сколько ж нужно было ума, терпения да прилежания! Не каждая способна на такое, ох, не каждая! Умница, одним словом, и всё тут!..

— Давай-давай проходи и не стесняйся! И вот тебе полотенце и чистая простыня — другого у меня, извини, ничего нет, что могло бы соответствовать твоим габаритам. Обтирайся насухо, облачайся и быстрее к столу! Мигом согреешься горячим чайком, да с малинкой, и никакая хворь к тебе не пристанет! — перешла она в обычную тональность, чтобы смягчить напряжённость и скрыть собственную неловкость — уж очень как-то необычно складывалось всё сегодня, словно кто-то нарочно всё подстроил: тут тебе и этот внезапный "тет-а-тет", и дождь проливной, и всё остальное... ну а об "остальном" даже и думать было боязно!

"... только спокойно, спокойно! Успокойся и не дёргайся: ты — учительница, а он — твой ученик! Так что ничего страшного, слышишь —

НИЧЕГО!.. Держи себя и обстановку под контролем, тем более что он мальчишка скромный и воспитанный...

... да уж, ничего себе скромный! Забыла?!

Да ты что такое думаешь, дурёха?! Разве ж его в том вина?.. А чья ж?..”.

... И тут он вышел из-за ширмы, смущённо разглядывая свои босые ноги...

... Все предыдущие мысли мгновенно унеслись куда-то и бесследно. А в голове лишь пугающе настойчиво и с какой-то жалостливой ноткой отчаянья стучало: “Красив! Ах, Боже мой, как же он красив! Как жестоко и безнадежно красив он!.. Пропала ты, голубушка, пропала, ненаглядная!”...

... А он действительно был безумно красив в этом импровизированном наряде древнеримского патриция, обнажавшем его сильные загорелые руки и округлые дельтовидные мышцы; в этом непрехотливом наряде из простой девичьей простыни, длинные складки которой теперь вольно спадали, красиво обтекая мощную броню грудных мышц, а на крепкой шее прочно сидела голова юного Аполлона с тугими завитками мокрых кудряшек на чистом рутном челе...

“... не хватает лишь золочёного лаврового венка, золотой круглой броши-заколки на плече да золочёных же сандалий с завязками на щиколотке...

Ах, эта юная ступня и без сандалий так волнующе трогательна и немислимо сексапильна, что!..

О чём ты думаешь, подруга!? Совсем с ума сошла! Возьми себя в руки немедленно и сейчас же скажи чего-нибудь простое, обыденное и обязательно слегка ироничным тоном... Впрочем, нет — нельзя, мальчишка-то и без того не знает куда деваться от смущения...”.

— Переоделся? Вот и замечательно, проходи за стол, а то чай стынет!.. Так, надеюсь, джентльмен уступит даме наш единственный стул, а для себя подвинет тумбочку... лампу подай мне, мы её сейчас включим... вот так... видишь, как стало уютнее... выключи, пожалуйста, верхний свет... замечательно! Садись, начнём чаёвничать...

“Ух ты-ы! Какая неудобная холодная и жёсткая, оказывается, эта тумбочка, — мелькнуло в голове, — а всё потому, что под простыней ведь ничегошеньки нет.. и ведь ОНА ЗНАЕТ, ЧТО ТАМ — НИЧЕГО! — ужаснулся он и ощутил, как жаркий трепет волной прокатился по всему телу. И тут же под простыней зашевелился, просыпаясь, его своенравный дружок, как бы недовольно ворча спросонья, мол, “так-то уж и НИЧЕГО... а я вам хрен собачий, что ли?”.

“Заткнись, скотина! — мысленно прикрикнул на него до смерти перепуганный хозяин, — не смей, слышишь! — панически scomандовал он и тут же был вынужден униженно взмолиться, — ну, я тебя очень прошу: будь хоть сегодня человеком!”...

— А вот и чаёк! — откуда-то издалека донеслось ласковое её журчание, и словно из тумана иных пространств и измерений возникла

обжигающая чашечка, которую он принял бесчувственной рукой, потому что в голове пульсировала одна-единственная мысль: “Не заметила ли она? Боже, сделай так, чтобы не заметила!..”.

Однако всё, к счастью, обошлось. Постепенно он успокоился, да и строптивый дружок его тоже слегка вроде бы притих. Так или иначе, но чаепитие вошло в своё приятное русло, и она стала неспешно расспрашивать об их с матерью житии-бытии, охотно рассказывая о “Питере”, о студенческой жизни и о своей мамочке, которой ей так не хватает здесь и теперь...

Как-то легко и непроизвольно между ними возникло то доверительное-душевное состояние, когда любые самые тонкие чувства и самые сложные мысли понимаются с полуслова, а вернее, чутко воспринимаются, скорее, сердцем, чем сознанием, роль которого теперь сводится лишь к анализу и синтезу информации с последующим раскассированием её по архивным полочкам памяти.

Общение стало лёгким и приятным настолько, что совершенно улетучилась куда-то скованность и напряжённость первых минут и он как-то совершенно забыл и о своей наготе под простынёй; и о жёстком сиденье; и о том, что вот эта добрая, чуткая, ласковая и безумно красивая девушка напротив — есть его учительница английского языка, которую он продолжал называть по имени-отчеству, скорее, повинуясь подсознательно укоренившейся школьной привычке, только утерявшей теперь свой прежний покорно-почтительный оттенок и приобретшей милую сердцу ноту ликующего восхищения.

Несмотря на все их различия, многое, очень многое в их миропонимании, мироощущениях, вкусах и даже привычках совпадало на удивление точно, родство их внутренних миров было столь разительно, что можно было подумать, что свои немногие пока ещё годы прожили они если и не в одной семье, то хотя бы рядышком в одном городе, регулярно общаясь и чувствуя друг друга постоянно.

Именно из этого и возникает между некоторыми людьми то полумистическое, таинственно-волнующее необъяснимое чувство, будто знакомы они уже тысячи лет, и непонятно, как это жили они до сих пор, ничтошеньки не ведая ещё друг о друге, и лишь сердцем смутно предчувствуя неизбежность встречи, бессознательно тоскуя о ней всю предшествовавшую жизнь.

Но вместе с этим радостно-взволнованным ощущением расцветающего счастья душа вдруг сжимается и стынет от предчувствия возможности потерять теперь этот такой долгожданный и такой неожиданный подарок Судьбы, ибо всё так текуче-непостоянно и непредсказуемо-хрупко в этом зыбком мире, что вероятность потерь становится угрожающе-огромной и даже почти вопиюще-неизбежной в бессмысленной суете безумной гонки, именуемой жизнью.

Нет, к счастью, они не догадывались и не осознавали ещё полностью своими неопытными молодыми умами всей драмы и трагедии неоднозначного человеческого бытия. Пока ещё они с горящими глазами лишь безраздельно радовались восхитительно-волнующей новизне их раскрывающихся отношений, чутко и точно вибрируя в унисон своими мужско-женскими сущностями, бессознательно-сладостно подчиняясь Великому

Инстинкту Продолжения Рода, не замечая, как по тёмным углам утлой комнатёнки уже неслышно клубились, стелились, витали какие-то беспоконные и неясные пока ещё тени, от которых беззащитно стыли и неслышно сжимались в немых предчувствиях их мудрые и всеведущие сердца... А пока...

И слава Тебе, Боже милостивый! Слава и искренняя Благодарность за (пусть краткую!), но чистую неомрачённость их молодого счастья!..

— А что ты читаешь? Кто твой любимый писатель?

— Да, в общем-то, их немало...

— А вот именно теперь, сейчас?..

— Александр Куприн.

— А что у него нравится?

— Да, наверное, всё.

— Ну а самое-самое?..

— М-м, пожалуй, “Листригоны”, “Гранатовый браслет”, “Суламифь”...

Она засмеялась тихим грудным, каким-то особым интимным и счастливым смехом, тёплым смехом душевного комфорта, смехом счастья оправдавшихся тайных надежд и желаний, смехом неосознанной радости от совпадения вибраций их духовных сфер.

— *“... Милый мой лучше десяти тысяч других, голова его чистое золото, волосы его волнистые, чёрные, как ворон. Уста его сладость, и весь он — желание. Вот кто возлюбленный мой, вот кто брат мой, дочери иерусалимские!..”* — неожиданно цитирует она наизусть, глядя в его глаза, отчего у него ухаёт и проваливается куда-то сердце и кружится голова.

— Это я запомнила и ношу в себе после того, как проплакала ночь после чтения “Суламифи” ещё классе в восьмом, — грустно объяснила она, как бы оправдываясь смущённо, — было бесконечно жаль и смуглую девочку из виноградников Ваал-Гамоны, и зрелого блистательного красавца, мудрого царя Соломона, изъяснявшихся таким далёким и уже непривычным и таким восхитительным языком высокой поэзии Любви, что почему-то стало жаль нас всех, бездумно растерявших этот высокий Дар любить с жертвенной беззаветностью и искренностью, восхищаясь безмерно своими возлюбленными. Я была потрясена зрелой мудростью, беззащитной искренностью и сердечной отвагой по сути моей ровесницы. Но ведь и Джульетте-то было тоже четырнадцать! Мама тогда внимательно выслушала меня и молча принесла старую бабушкину Библию ещё дореволюционного издания, бережно хранимую от чужих мстительно-бдительных глаз. Так я впервые приобщилась к “Песни песней”. Не читал? Ничего, у тебя всё ещё впереди. Когда-нибудь, поверь, начнут всё же издавать и читать Библию, как, впрочем, и многое другое, что сегодня ещё недозволено у нас. “Всему своё время”, как говорит моя мама...

Она помолчала немного, затем как бы всплывая из каких-то неведомых глубин воспоминаний, задумчиво заговорила тихим, проникновенным и почему-то печальным голосом, как бы размышляя вслух, словно не замечая его присутствия.

— Тогда впервые я всерьёз задумалась о мужской сущности вообще и о мужской красоте в частности. До этого я с самодовольной

легкомысленностью обходилась лишь общеизвестной “истиной” о неоспоримости только женской красоты, эдакой глупо самонадеянной привилегией только “прекрасной половины человечества”, видите ли. А тут!.. Словом, пошли в ход многочисленные книги из нашей библиотеки, где было много чего по изобразительному искусству и эпохи Возрождения, и античной скульптуры, и более поздних времён с великолепными репродукциями и глубокими и мудрыми монографиями. Мама молча наблюдала за моим женским эротическим самообразованием, не вмешиваясь и терпеливо дожидаясь момента, когда я сама заговорю с ней, если появится такая необходимость. Педагог!

Зато когда я дозрела до общения, когда я почувствовала потребность в её участии, то более тактичной и предельно откровенной наставницы в этом сложном, тонком и неоднозначном духовном мире женщины найти было бы невозможно. Мы часто и подолгу говорили обо всём, ни капельки не стесняясь, и о физиологии любви и тайнах деторождения, о культуре чувств и о чувственных тайнах женского тела, об истоках женской привлекательности и о высоком предназначении женщин в мире духовности... Словом, не было никакого табу, никаких запретных или так называемых “неприличных” тем. Это было упоительным единением дочери с матерью. С тех пор между нами нет тайн, и это делает нас обеих бесконечно счастливыми и особенно близкими. Мы вместе ходили в Эрмитаж, Русский музей, я хорошо изучила античную и древнеримскую скульптуру... Помнишь, как там у Райкина: “В греческом зале, в греческом зале!..”?

Мы иногда даже спорили о том, кто более красив, кто более сексуально привлекателен. Мне, к примеру, больше нравился прекрасный “Диадумен” Поликлета, а мама восхищалась зрелой мощью статуи эллинистического монарха неизвестного древнего скульптора. Нет, обнажённое человеческое тело (ни женское, ни мужское) никогда не было в ханжеском запрете у нас с мамой! Когда же я увидела тебя на гимнастическом помосте, я вспомнила моего любимого “Диадумена”... — вдруг спонтанно вырвалось невольное признание, — ... и потом... — запнулась она, едва не проговорившись о том своём волнующем сне, густо покраснела и замолчала.

Повисла неловкая тишина.

Он сидел ошеломлённый услышанным, и сердце его разрывалось от необъяснимой печали и бесконечно нежной любви к этой самой прекрасной во всём мире девушке-женщине, ради которой он готов был умереть здесь же и немедленно, если бы так сложились обстоятельства. Он также чувствовал, что должен сказать что-то такое, что соответствовало бы её неожиданному исповедальному рассказу и невольному полупризнанию, но от волнения в голову ничего подходящего не приходило.

— А мне запомнилось *“Да святится имя твоё!”* из “Гранатового браслета”, — наконец тихо признался он, глядя куда-то в сторону, неожиданно и неосознанно вкладывая теперь в эту скорбно-восторженную книжную фразу какой-то свой новый и тревожный смысл.

И она чутко уловила эту тончайшую интонацию, душа её вспыхнула горячей волной любви и нежной благодарности за этот его едва сдержанный восторженный всплеск: *“Да святится имя твоё!”*, на сей раз и впервые в жизни обращённый непосредственно к ней. Он молится на моё имя!

Волнением перехватило горло, а глаза вдруг наполнились невольными слезами...

... Надолго замолчали, думая каждый о своём, но тонко чувствуя сердцем присутствие друг друга.

И только неистовый дождь бушевал за окном, отчаянно-радостно барабанил по какой-то жестянке, да где-то высоко по-старчески глухо ворчал гром, будто недовольно смущаясь своей медлительности, не поспевая за непредсказуемо-мгновенными озорными проблесками ослепительно-трескучих молний...

— Подай мне чашку свою, — вывел его из задумчивости её какой-то по-новому милый и задушевный голос, словно вобравший в себя тихое ласковое счастье служить своему возлюбленному, — чай-то совсем остыл, должно быть, — продолжила заботиться она.

Он встрепенулся и нечаянно неуклюжим движением смахнул стоящую на краю стола чашку — предмет его восторга, предел божественно-хрупкого изящества! И даже ещё не совсем осознавая всего ужаса случившегося, но как бы уже слыша звон разбившейся Красоты, он, безотчётно повинувшись каким-то древним инстинктам и тайным навыкам, мгновенно рванул вниз и, чиркнув костяшкой кисти по полу, успел-таки перехватить фарфоровое чудо за какую-то сотую долю секунды до катастрофы!

И ещё не понимая всего до конца, он уже просто ЗНАЛ, что сделал ЭТО, и теперь с сияющими от счастья и гордости глазами медленно-медленно разогнулся и, по-мальчишески восторженно глядя в её испуганно расширившиеся зрачки, так же замедленно протянул к ней руку с только что спасённой чашкой. Он бессознательно ждал её признания, её женского восторга его удивительной быстротой, его поразительной ловкостью и завидной удачливостью мужчины-охотника, мужчины-спасителя, мужчины, которому спокойно и уверенно можно доверить свою судьбу!

Это в крови у мужчин и это именно та самая ПЕРВООСНОВА, которая, в конечном-то счёте, и толкает его и на смертельно опасные подвиги ради любимой, и на пожизненно-долгие трудные пути самосовершенствования... И которая, по всей видимости, является той тайной силой, что заставляет дрогнуть женское сердце от встречи с избранником, которому, повинувшись Великому Бессознательному Инстинкту Материнства, она доверит стать отцом будущих детей своих, дабы были они ЕГО продолжением ...

Впрочем, как там сказано в притчах Соломоновых: ***“Три вещи непостижимых для меня, и четырёх я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля посреди моря и пути мужчины к сердцу женщины”...***

... Нет, определённо не только ради красоты и роскоши использовали броши-заколки в своём обиходе мудрые древние римляне, любившие просторные и удобные тоги, туники, плащи и прочие предметы своего гардероба, призванные не только прикрывать наготу, но и олицетворять величие и славу...

... Она действительно не успела ни ужаснуться случившемуся, ни отдать должное его восхитительной быстроте и ловкости — настолько всё произошло стремительно... Она только видела, что он вдруг внезапно исчез под столом и уже затем как в замедленной съёмке медленно-медленно разгибался, вставая и протягивая ей чашку. Только теперь он был как бы уже и не тот, что мгновение назад, вернее, не совсем тот, потому что стоял теперь он... совершенно обнажённый как в том волшебном сне, ибо от резкого движения простыня спала и теперь бесформенно лежала у ног восторженного триумфатора, видимо, пока ещё не осознававшего своей ослепительной наготы и божественной красоты...

— СОН...продолжение того дивного СНА...Боже Милостивый, пусть же СОН этот никогда не кончается!.. Мамочка, да что же это со мной?.. Как лавина!..

... Она протянула руку, и пальцы их встретились!.. Как встретились и губы в том произвольном их первом неумелом, но таком мучительно сладком долгожданном поцелуе!.. Отныне и, похоже, навеки...

И в тот же миг две близкие ослепительные молнии с треском рванули в ключья набухшие тучи, и тут же ударил гром такой неистовой силы, что содрогнулся и словно присел на корточки перепуганный городок; будто от страха беспомощно заморгала лампочка; жалобно заскрипели-застонали зыбкие конструкции времянки, и лишь витые мельхиоровые ложечки в тонких фарфоровых чашках рассыпались чуть слышным мелодичным звоном, как бы тихо смеясь и безотчётно радуясь чему-то.

Казалось, само небо салютует, приветствуя-благословляя только что родившийся союз этих двух неискушённых, но беззаветно любящих сердец.

А ласковый тёплый летний дождь заботливой пеленой целомудренно оградил их от всего остального мира, чтобы дать возможность насладиться

тем, так неожиданно открывшимся их юным душам, огромным счастьем и познать сполна тот непостижимо сладостный мир соития, когда в какой-то наивысший миг почти смертельного блаженства обе души вдруг оставляют на время обессилевшие тела, словно возносясь в неведомые огненные сферы, и лица возлюбленных искажены до неузнаваемости жгучей истомой страсти уже где-то на самой грани бытия...

... О-о-о-о!.. Как убийственно горячо... как невыносимо сладостно... как невыразимо прекрасно... какое смертельное счастье... Боже... Боже... Боже!..

“... О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! И ложе у нас — зелень; кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы..

... Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня... Мирровой пучок — возлюбленный мой у меня; у груди моих пребывает..

... Уста его — сладость, и весь он — любезность. Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалимские!..

... Лобзай меня лобзанием уст твоих... ласки твои лучше вина..

... О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской..

... Как алая лента губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими..

... О, как прекрасны ноги твои в сандалиях... Округление бёдер твоих как ожерелье, дело рук искусного художника..

... Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями..

... Два сосца твои, как двойня молодой серны, пасущиеся между лилиями..

... Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоей милостью!..

... Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви её; и груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей твоих, как от яблоков..

... Уста твои, как отличное вино. Оно течёт прямо к другу моему, услаждает уста утомлённых..

... Пейте и насыщайтесь, возлюбленные!..”.

— Где ж тебя носило всю-то ночь?! Я не сомкнула глаз...бессовестный! Что, всю ночь английским занимались, а?..

— Да нет, мам, я после занятий заглянул на минутку к Сашке: он живёт через три дома. А тут дождь как назло, да такой сильный — не пройти, не проехать... Пришлось вернуться переждать, а он лишь под утро кончился..

— А я чего уж только не передумала... ночь да непогода... а как жутко рванула гроза, — сердце зашло от страха: не случилось ли чего

худого — хулиганья-то хватает... Что там у тебя с губой, подрался, что ли, а ну покажь...

— Да не-е, мам, — потупился он, отворачиваясь, — лихорадка, похоже: видать простыл малость, промок ведь...

— То-то простыл... поешь вон котлетки ещё тёплые, чайку попей с вареньем, укутайся да поспи: всё пройдёт, — молод ещё болеть-то... да губу помажь перекисью водорода, а я побегу, а то, не дай Бог, опоздаю. Пока, сынок, до вечера... на обед борщек разогреешь... пока!

Отшумели-отлетели грозы экзаменационные.

Как в горячечном сне прошли последние его школьные денёчки, выпускной вечер, на котором ему удалось станцевать с ней лишь один раз, ибо отбоя от кавалеров у неё не было: так хороша была она в роскошно благоухающем цветении женского счастья, пышно распускающегося от безоглядной, беспредельной, всепоглощающей любви.

Мужчины просто балдели от экстренных гормональных выбросов, а женщины завистливо вздыхали, не сводя восхищённых глаз с этой маленькой счастливицы, купающейся в сверкающем ореоле всеобщего поклонения.

Королева бала!

Он танцевал со смущавшейся матерью, на глазах которой нет-нет да предательски блеснёт счастливая слеза гордости за своего ненаглядного: самого стройного, самого сильного, самого красивого!

— Вот бы отец порадовался бы, глядячи-то (Царство ему Небесное)! Господи, счастье-то какое!.. Спасибо Тебе, Создатель, спасибо!.. Такая награда за все беды-печали мои вдовьи, — думала-шептала она, незаметно смахивая слезу и ласково поглаживая его по-мужски крутое плечо...

А он нежно и очень внимательно ухаживал за матерью, с тоской ища взором свою возлюбленную, которая тоже тосковала по глазам возлюбленного. И когда взгляды их неслышно пересекались, сердца начинали биться в унисон с такой силой, что, казалось, всем-всем было слышно, как преданно и беззаветно любят они, как *немыслимо-невозможно* и жить-то им теперь друг без друга!

Но, к счастью, никому не было до них никакого дела, никто ни о чём не догадывался, всем было легко и радостно сегодня, и все веселились безоглядно! И правильно: веселись пока можно, тем более что такая ведь это редкость веселье в жизни-то беспросветной! Словом, удался выпускной вечер, удался на славу!..

И лишь когда объявили “белый танец”, она вдруг словно выросла перед ними, вежливо поздоровалась и... попросила разрешения у дамы-мамы пригласить её сына-кавалера “на тур вальса”, как насмешливо-чопорно изволила выразиться, пытаясь скрыть смущение.

— Хороша! — тревожно отчего-то мелькнуло у матери. — А мой-то, мой-то смутился-то как! — глянула мельком на сына. — Но тоже — хорош, ничего не скажешь. Славно смотрятся-то как: даром что учительница! — горделиво огляделась вокруг успокоенно...

... А они самозабвенно плыли-кружили в ритмах “Дунайских волн”, совершенно забыв обо всём и обо всех на свете, каждой клеточкой тела,

каждой частичкой души, каждым биением сердца чувствуя своего единственного и неповторимого возлюбленного, купаясь в бездонных высотах своей невыразимой любви...

... Высокий, статный, темноволосый и маленькая, гибкая, светло-кудряя со стройными быстрыми ножками на тонких высоких каблучках... Загляденье...

И многие восхищённо провожали их потеплевшими взорами: кто, вспоминая свою юность; кто, неосознанно тоскуя по непредсказуемости и недолговечности Красоты в суете-маете кратковременного Бытия; а кто в завистливой печали о несбыточном...

И как оказалось впоследствии, многим и сам-то вечер тот запомнился именно из-за этой так ладно танцующей пары. Впрочем, запомнился и забылся до поры до времени, пока... Но не будем забегать вперёд.

Только именно тогда-то впервые толкнулось что-то тёмное в чуткое сердце матери. Дрогнула она в дурном предчувствии, обвела беспечно веселящихся растерянным взглядом и одёрнула себя привычно: “Сдурела совсем, старая! Раскаркалась, каргой бестолковою... совсем одичала, голова бедовая!”.

В хлопотах-заботах как-то сам собой распался тот весёлый кружок “англичан”, и даже будущий “инъязовец” укатил куда-то в деревню к бабушке, чтобы набраться сил, так сказать, “от земли-матушки” перед вступительными баталиями. Но, как говорится, “нет худа без добра”, а потому индивидуальные занятия с одним учеником становились всё результативнее и плодотворнее.

Нет, правда, без всяких там шуточек и намёков: несмотря на их, скажем так, “несколько преобразившиеся взаимоотношения”, языком (а вернее, и языком!) они продолжали заниматься с похвальной и регулярной настойчивостью, что не могло не сказаться на вполне реальных и ощутимых результатах: он успешно преодолел-таки пресловутый психологический барьер и *заговорил* всё увереннее день ото дня, чему бесконечно и как-то по-детски искренне радовалась она больше, чем он сам.

И как же оказались всё-таки правы все эти учёные психологи и психоаналитики, ставящие во главу угла любого успеха, прежде всего, важность и необходимость правильной мотивации. А уж в этой-то ситуации действенность этойкой-то мотивации была такой созидательной силы, что ожидать иного результата было бы непростительным легкомыслием!

Вот уже двадцать девять незабываемых дней, каждое утро ровно в семь ноль-ноль, с где-то по пути сорванным незатейливым цветком (жёлтым одуванчиком ли, целомудренной ромашкой ли, веткой ли сирени или белой акации) он с точностью швейцарского хронометра был у ног своей обожаемой учительницы с тем, чтобы всё это катастрофически быстротекущее время до закатного часа (после того разговора с матерью больше на ночь он не оставался!) упражняться (в кратких перерывах между традиционно-восхитительно-сладостными занятиями возлюбленных) в изъяснениях романтически-восторженным языком Ромео

и Джульетты с подачи бессмертно-гениального знатока человеческих душ Уильяма Шекспира.

В тридцатый же юбилейный день он принёс душистый букетик ландышей и тут же был награждён таким незабываемо-юбилейным же поцелуем, что на некоторое (скажем так из деликатности) время Шекспир и все остальные (прошлые, равно как и нынешние) обитатели Земли были напрочь преданы забвению. И правильно, ибо, как мудро и справедливо говорится: “делу — время, а всем остальным и всему остальному — хватит и часа”.

Ибо сказано в Писании:

“... И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью...”

— Спасибо тебе, милый, я обожаю ландыши! Это мой самый-самый любимый цветок, так что лучшего подарка я себе и представить не могла... а ты!.. Вот отстоит он, сколько ему отведено, засушу его, букетик весь, и останется он нашим талисманом на всю оставшуюся жизнь! Он и пахнет-то тобой, ландыш ты мой серебристый!.. Ты мой славненький, умненький, благоразумненький!.. Иди, иди ко мне, ненаглядный мой!.. О-о-о, наслаждение ты моё, о-о, блаженство!!!

Потом, спустя какое-то время, обессиленно возлежав на его груди, она сначала рассказала о том своём первом “грешном” и, как оказалось, вещем сне, потом надолго замолчала и вдруг расплакалась по-детски безутешно, и так же по-детски не объясняя причин этих внезапных слёз. И только после того как он ласково успокоил её, нежно осушая слёзы губами и тихо-тихо нашёптывая умиротворяющие слова, она призналась, что именно сегодняшней ночью ей привиделось как бы точное продолжение той изначальной истории, только...

— Представляешь, стоим мы с тобой на разных берегах того самого ручья и лишь только вошли в него, чтобы воссоединиться, как из ветвей и кустов со всех сторон вдруг повывлезали разные мерзко кривляющиеся мелкие лесные твари и оскаленные звериные рожи, поднявшие такой визг и вой, что нам ничего не оставалось, как погрузиться с головой в прозрачные воды ручья, дно которого стало как-то странно и страшно опускаться... Тут я и проснулась от ужаса, еле дождавшись твоего прихода!.. Милый, мне страшно отчего-то, страх этот вошёл в меня и теперь я чувствую, как он точит-разрушает меня изнутри, а душа моя стонет в бессилии и трепещет от дурных предчувствий... Помоги мне, милый, обними крепче и целуй до изнеможения, чтобы забыться-отделаться от всего этого кошмара, будь он неладен! Ты же не оставишь меня одну с этой бедой, а?! — и она вновь залилась горько-горько такими беззащитными сиротскими слезами, что у него самого перехватило дыхание и направились слёзы.

— Ну что ты, милая, что ты, моя хорошая... как ты могла только подумать такое... да я жизни не пожалею ради тебя!.. И запомни, я тебя никогда и никому, ни зверью, ни людям не дам в обиду... И ничего не бойся: мы с тобой муж и жена отныне и до самой смерти!.. Успокойся, милая, ведь сегодня у нас с тобой первый юбилейный день, а сколько их таких дней,

месяцев, лет и десятилетий ещё предстоит — не счесть, только встречать их будем уже старенькими и седыми. Представляешь, каким лысым да пузатеньким буду я тогда кавалером, а? — засмеялся он, чтобы как-то разрядить обстановку, обняв её, а она беззащитно-доверчивым зверьком крепко прижалась всем телом, словно пытаюсь войти-проникнуть в его сильное надёжное тело, чтобы защититься-спрятаться от всех бед и страхов...

... И вновь горячая волна невыразимой нежности залила трепещущие сердца возлюбленных, и вновь сплелись в страстном порыве их молодые сильные тела, чтобы в мучительно-сладостном огне ослепительного безумия наивысшего наслаждения на мгновение почувствовать смертельное прикосновение Беспредельности и впасть в бессильное беспамяństwo нирваны немислимого блаженства, на самом-самом, казалось, краю земного бытия...

Следует сказать, что за это время у них как-то непроизвольно начало складываться что-то вроде зачатков семейных отношений. Во всяком случае, как-то само собой главенствующую роль в хозяйственно-бытовом отношении взял на себя он, поскольку многое знал и умел, живя с матерью без отца. Он чинил всю бытовую технику и электропроводку и для них, и для хозяйки; перепилил и переколол все имеющиеся дрова; отремонтировал забор и калитку; вскопал грядки небольшого огородика, и всё легко и играючи. Словом, оказался хозяйственным малым на все, как говорится, руки. Женщины в нём не чаяли души.

Даже соседки стали вроде как незлобиво, но подшучивать, мол, вот тебе, старая, и кавалер-хозяин нашёлся на старости лет. Или зятёк-работничек при жиличке-то, а?..

— Цыть, дуры вы старые, ишь размечтались-раскудахтались!.. Всё бы языками чесать... А люди, можно сказать, язык иноземный(!) постигают! Не то что вы, потому как ничего путного окромя сплетен да глупостей от вас, дурёх, и не дождёсси!.. А то, что по хозяйству помогает, так это он по душевности своей и из уважения ко мне да к учительке своей! Так-то вот, балаболки бессовестные! Уразумели? То-то и оно!..

— Получила я письмо, сынок, от двоюродного брата отца твоего (дядей, значит, тебе приходится). Пишет, мол, ждём, пусть приезжает. Разместимся как-нибудь: в тесноте, как говорится, да не в обиде! Так что поначалу забот-то тебе вроде как поменьше будет. А там, коли поступишь (дай-то Бог!), то и в общежитие, глядишь, определишься, чтобы лишней обузой людям не быть. Оно хоть и родня, конечно, но денешки и заботушки-то у каждого свои... Документы ты отослал, знаю, а когда ехать-то? Через две недельки, говоришь?.. Вот-вот и я говорю: надо вещички-то перестирывать-перештопать, да и ботинки купить нужно новые — зиму в таких не проходишь, да и город там — не чета нашему!

— Да не беспокойся, мам, я ещё и в этих перехожу: не рваные же ещё!

— Знаю, знаю, — скромняга ты у меня, только и приbedняться-то особо не стоит — не богачи мы с тобой, конечно, но и не нищие. Ты вот лучше скажи, неужто ни одна девчонка до сих пор не глянулась тебе? Ведь вижу я, как едят тебя поедом глазищами-то бедолаги! Сохнут, поди, уж и не одна...

— Ну о чём ты, мам!?

— А чего ж, вон у сменщицы моей на той неделе свадьба — дочку замуж выдаёт: вместе с аттестатом зрелости заодно и свидетельство о браке вручат, потому как на третьем месяце уж... Хорошо, парень-то честный попался, хотя и сопля соплёй ещё, но характером — мужи-ик... Ну а то что ты такой у меня спокойный насчёт *этого*, так это правильно, сынок: всему своё время, никуда всё это от тебя не денется. Молодец! Вот закончишь институт, тогда и оженим тебя по всем правилам. Я уж тут и невестушку для тебя присмотрела: славная девчушка! Малявка пока, но к тому времени расцветёт в самый раз, — не налядишься! Так что ты там учишь себе спокойно, а уж мы-то тут приглядим за ней с её-то матерью, будь спок!.. Чего покраснел-то, или кто уже у самого есть на примете, а? Признавайся!

— Да ну тебя, мам! Заладила!..

— И то верно, слава Богу, никуда не бегаешь пока... Разве что на английский уж очень ретиво зачастил! Чем вы там занимаетесь, стоило бы поглядеть. Дуже молода да красива учителька-то! Уж не влюбился ли ненароком? Ну-ну, не сердись, это я так — сдуру лягнула! Ты ж у меня умница, да и старовата она для тебя, сам понимаешь... Ты скажи мне хоть что-нибудь по-ихнему-то, по-иностранному для примеру. Потешь маманю-то, сынок!

— O, mine kind mum! I like thee very much, but if thee have ceased to speak nonsenses, I will be liked even more!..

— Ишь ты, как складно чешешь!.. Только вот непонятно о чём это ты: может, и ругнул меня, старую, в сердцах-то, а?

— Успокойся, это я признался тебе в любви... Ну, я побежал, мам! Пока...

— Пока, сыночек, пока, родной...

Пёс у хозяйки доживал последние дни только из её чисто сердобольной милости, потому как пользы от него никакой: глухой, слепой, беззубый, облезлый и больной всеми болезнями старости. Лёжа у будки без всякой цепи, он, не поднимая головы, различал приходивших лишь по запахам. Вот и теперь он узнал кислый запах вздорной старушки-соседки, изредка приносившей куриные косточки из забродивших щей.

Она зачем-то забежала по соседским заботам, да только хозяйки не было дома: замок висячий на двери. Зато на двери времянки замка не было, и она торкнулась, чтобы узнать у жилички, когда придёт соседка, но дверь была заперта изнутри. И уж совсем было развернулась, чтобы дальше бежать по делам своим старушечьим, да только словно что-то подтолкнуло её к подслеповатому оконцу, к которому она и припала, разинув от удивления и любопытства беззубый рот профессиональной сплетницы...

— Ой, бабоньки! — через минуту отчаянно причитала она уже перед сидевшими в ряд на скамейке товарками, — щас такого сраму наляделась я, такого сраму, какого ни в жисть не доводилось видеть за все мои годы! — тут она взволнованно перевела дух, не столько чтобы глотнуть воздуха, сколько насладиться произведённым эффектом.

— Заглянула, значит, сейчас я к соседке, а той — нет. Замок на двери. Я к времянке, дай, думаю, спрошу... а дверь на крючке. Ну я и заглянула на всякий случай в окошко-то, а там... — тут она закатила глаза, выжидая нетерпение замерших старух, переставших от напряжения даже семечками плевать...

— Да не томи ты, брехунья старая! Чего там-то? — не выдержала одна.

— Голые! — выдохнула зловещим шёпотом брехунья, обводя подруг остекленевшими от ужасающего восторга бесцветными глазами, — голые, все как ни на есть нагисом... в чём мать родила! — продолжила опять же шёпотом, почему-то опасливо озираясь, будто обнародовала страшную государственную тайну.

— Да говори ты толком, кто голые-то? — взволнованно загалдели заинтригованные сплетницы, звериным чутьём чуя неожиданно свалившееся удовольствие вдоволь посмаковать-насладиться “клубничкой”, остро осуждая чью-то безнравственность и тем самым как бы автоматически утверждая собственную замшелую добропорядочность, предвкушая такую сногшибательную сенсацию, по сравнению с которой всякие там разговоры про атомную бомбу — семечки!

“Ну наконец-то! — облегчённо подумала она с удовлетворённым злорадством, — ишь, заглотили наживку-то, аж глаза по-щучьи от любопытства повылазили, — с мстительным достоинством держала паузу ведунья, потупив на всякий случай глазки и кокетливо вытирая платочком уголки поджатых губ, — потерпите, дорогуши, помайтесь, любезные, дозревайте, голубушки вы мои!..”.

Наступила тишина томительного ожидания.

— Так вот, лежит, значит, на спине и спит как младенец этот женишок-ученичок наш, а на груди его широкой-то примостилась-прикорнула его учительница, и в ладошке-то своей маленькой держит его срамоту... Ну ни дать ни взять, — Адам с Евой, после греха во саду Эдемском!

— Врёшь!!!

— Вот те крест!

— Ах, бес-с-стыжие!!!

— Вот до чего дожили!..

— Разврат-то какой!.. Вот они учительки-то нынешние!.. Мальца-то малого... у-у-у сучка бессовестная!

— Вот вам и высшее образование! А с виду-то — такая фифочка, ведь и не подумаешь...

— А я вам чего талдычила? Чувала я сердцем, что неладно тут что-то... А мне — “дура”, “тарахтелка” и прочие разные гадости... Знаю я эту интеллигенцию: с виду только вроде как порядочные до первого угла до тёмного... недаром — “гнилая интеллигенция”... так оно и есть!..

И пошло-поехало...

Поползла, зазмеилась по дворам-закоулкам злая сплетня, запылали гневом праведным заскоруждые истосковавшиеся сердца горьких одиноких баб-солдаток, и скоро уже весь городок, от мала до велика, судил-рядил на все лады потрясающую новость, смакуя невероятные подробности того, как **“бессовестная и развратная “англичанка” безжалостно и коварно совратила своего невинного ученика”**.

И как это обычно бывает, до поры до времени не знали, не ведали обо всём об этом сами виновники обжигающе-смердящей сплетни,

лишь изредка недоуменно лоя непонятно долгие липкие взгляды и невнятно змеящееся шипение за спиной: “С-с-совсем с-с-стыд рас-с-стеряли... обнаглели вконец... и как только земля ещё держит таких раз-з-звратников? Тьфу!”.

— Привет, подруга! — неожиданно окликнул её на проходной издавая знакомый, но и давно уже не слышанный и оттого изрядно подзабытый чей-то прокуренный голос, — идёшь и не замечаешь, уж не загордилась ли часом? — не без ощутимой доли ехидства в сильно подкрашенных глазах вопрошала загородившая дорогу дебелая блондинка, настолько сильно потёртая жизнью, что в ней с трудом угадывалась прежняя одноклассница, когда-то считавшаяся первой красавицей не только в классе, но, возможно, и во всей школе.

Нет, никогда ни прежде, ни потом не были они подругами. Уж слишком разными были они и внешне — (пышнотелая блондинка и стройненькая брюнетка), и внутренне — (развесёлая, разбитная жеманница, типичная роскошная славянка, и сдержанно-строговатая, принципиально-неуступчивая “татаруха”, как пренебрежительно называли её между собой завистницы).

А завидовать было чему, потому как и училась она удивительно легко и ровно, и танцевала и пела — заглядишься-заслушаешься, да и парни не сводили с неё робко-восхищённых взглядов, опасаясь её строгого нрава и острого языка.

Но зависть и неприязнь достигли своего апогея, обретая форму открытой враждебности, лишь после того, как самый видный парень всей их школы сразу же после выпускных экзаменов предложил ей руку и сердце. Счастье молодой четы было воспринято соперницами не иначе как катастрофическое поражение и крушение девичьих надежд с горькими слезами и злобными проклятиями.

А с молодых, как с гуся вода: были они до безумия влюблены, и вскорости родили прекрасного малыша.

Девчонки тоже повыходили замуж кто за кого, тоже пошли детишки, и жизнь, в общем-то, была распрекрасна, пока однажды несколько маниакальных идиотов-политиков не развязали вторую мировую войну! Будь она проклята! И трижды прокляты — все эти так называемые “сильные мира сего”, окончательно обезумевшие от своих сатанинских амбиций!

И всё полетело кувырком. Полегли во сыру землю вчерашние ещё мальчишки, разом овдовели вчерашние девчонки, осиротели едва успевшие народиться детишки. Пришла огромная беда — одна на всех.

Беда-то она, конечно же, общая, но бедовали всё-таки каждый по-своему.

Почернела от горя, ссутулилась от непомерного груза ещё более построжавшая “татаруха”, похоже, добровольно возложившая на себя епитимью безбрачия. Словом, блюла себя в строгости в память о муже и в честь сына.

Хвала и честь великая тебе, верная Жена и самоотверженная Мать!

Работала денно-нощно, не жалея сил, всю душу вложив в воспитание своего единственного и ненаглядного сыночка, который радовал её подрастая и становясь всё больше похожим и на отца своего русака-красавца, и, как ни странно, одновременно и на деда своего богатыря-татарина. Значит, сошлись-поладили эти две кровушки в мальчонке-то на радость матушки, да и всего честного народа. И как тут не поверить после этого в святую, видать, Истину, что только Мир да Согласие — созидательны, а любая вражда — вредна и разрушительна!

Да только много ли слушают-то ту Истину те, кому она предназначена? Увы... увы... увы!.. Предпочитают копошиться в навозе жизни как черви безмозглые, лишь исправно перерабатывая хлеб свой насущный в дерьмо и не утруждая себя лишним раз всякими там неудобными мыслями о чести, о совести, о своём высоком человеческом предназначении...

Ах, люди-люди, когда ж вы человеками-то сделаетесь?!

... И совсем иначе сложилась судьба той блондинки, муж которой погиб в одном бою с предметом, если можно так выразиться, её зависти к бывшей однокласснице, с той лишь разницей, что не успели они сварганить детёночка, а потому и сиротки-горемыки не оказалось. Осталась лишь свадебная фотокарточка в рамке деревянной, которую она сняла со стенки из деликатности, когда вскорости после похоронки очень выгодно вышла замуж за лощёного красавца-майора интендантской службы, отхватив счастливый билет Судьбы.

Жизнь — малина, на зависть всем подругам! Ни тебе голода, ни тебе холода! Сыта, в тепле и холе, да к тому же и самец (о-го-го какой!) под боком. Сашулька-то (помните, тот, у которого якобы коротал ту дождливую ночь сын “татарухи”?) — сыночек майорский, рождённый в тепле и сытости.

Только вот беда-то какая: перед самым концом войны вдруг арестовали того майоришку, да с конфискацией всего нажитого имущества! Хорошо хоть домишко не догадалась продать: свой угол — оно понадежнее чужих хором! К тому же объявилась его прежняя жена! Значит, многожёнцем оказался этот проворовавшийся кобелина, этот сукин сын!

Мимолётным оказалось счастье блондинки нашей. Пошла как все на завод. Но баба-то она видная, к тому же теперь свободная, вот и завелись вокруг удалые мужички-фронтовички да щедрые на посулы и скорые на любовь военную офицеришки всяко разного калибра. Закружила-завертела карусель весёлая!

Одна беда — не успевала оклематься от одного аборта, как тут же подкатывал новый. Совсем истоцилось-истончилось нутро её бабье, пока, видать, из сердоболья не перевязали хирурги ей какие-то там трубы.

Ну а уж тут пошла *такая* гульба, что поначалу соседские мужики и бабы в глаза называли её шалавой городской! Затем как-то постепенно стихли и они жалеючи, потому как прямо на их глазах из местной королевы-красавицы превращалась она в неопрятную, противную, непотребную “мочалку-алкоголичку”.

С “татарухой” почти не встречались, да и толковать-то им было не о чем. Только старая вражда не проходила в сердце, отравленном обидой, а со временем уходила всё глубже и становилась всё ядовитее. Это только

добрых по натуре людей горе да страдания делают добрее, а злые сердцем — стерженеют!

А после одного случая — совсем-таки осатанела баба!

Дело в том, что после того как очень даже солидный да порядочный мастер цеха (несбыточная мечта многих одиноких бабёнок) вдруг неожиданно овдовел, наша блондинка предприняла отчаянную последнюю попытку отвоевать у судьбины своё бабье счастье. Год кружила-колдовала, а тот возьми да предложи проклятушей “татарухе” выйти за него замуж!

А та гордячка хренова поблагодарила, значит, сердечно мужика за честь оказанную и... и отказала! Все вокруг аж ахнули, а сердце блондинки зашло от боли и совсем почернело лютой ненавистью... И вот теперь-то уж...

— И то, как тут не загордиться-то, небось и в знаменитости городские метишь теперь-то, когда фамилия ваша у всех на устах, а?! — криво усмехаясь, мстительно торжествовала “мочалка”, — или ни о чём таком по-прежнему не желаешь ни знать, ни ведать, гордячка ты наша, а?!

— Ты о чём... какие знаменитости... и причём тут наша фамилия?

— Тю, тю, тю! Вы только поглядите на сиротку нашу казанскую, на чистюлю, на честь и совесть нашу беспримерную! Ничего не знает, ничего не ведаёт святая мамаша наша о том, что вытворяет сынок её ненаглядный!..

— Да ты... чего ты мелешь?! — выдохнула побледневшая мать, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

— Мелешь? А ты у людей-то лучше порасспроси, да глаза-то свои нахальные разуй, тогда и поглядим, кто из нас чего мелет. Весь город только о том и талдычит, как сладко сыночек твой спит с учителькой своей аглицкой-то! Уж скоро, поди, и внуков понаделают ей, а она ни ухом, видите ли, ни рылом! Так тебе и поверили, притвора ты драная, змеюка подколодная! И ублюдок твой — весь в тебя!.. Одна порода басурманья!.. Будьте вы прокляты!..

— А ну иди, иди сюда да покажи глаза твои бесстыжие!..

— Ты чё, мам?..

— Не придуряйся только, мне уже люди всё рассказали... Позорище! Все вокруг всё знают, а мать — дура дурой! Ну спасибо, сынок, отблагодарил!

— Да о чём ты, мам!?..

— Да всё о том, милоч, всё о том, как ты на виду у всего города развратничаешь со своей потаскушкой-англичанкой!.. Как позоришь имя-фамилию отца своего, как мать свою зачислил в сводницы бесстыжие!.. Всё о том!.. Скажи мне, правду скажи: спишь с ней... ну, живёшь как с женщиной или нет?! Только не ври, прошу, только не ври!.. Да или нет?!

— Да, только прошу тебя, пожалуйста, не оскорбляй её, не называй такими словами!..

— Ишь ты! А как прикажешь мне величать эту тварь подколодную, которая моего единственного сына втоптала в грязь, и меня заодно? Как?..

— Мам! Я прошу тебя... это самый дорогой для меня человек... любимая моя женщина... самая лучшая, самая чистая...

— Ах, вот, значит, как!? Женщина, говоришь? Самая чистая, значит!?. Самая дорогая, значит!?. А я, значит, уже и не в счёт!?. Бессовестный!.. Ведь я ж тебя выносила, я ж тебя родила и выкормила, я одна тебя вырастила такого умного... я ж на тебя всю жизнь свою положила, никому из мужчин и рукой не позволила прикоснуться, чтобы, не дай Бог, никто не мог посмеяться над тобой, чтобы никто не мог сказать тебе “сучий сын”!.. И всё это не в счёт?! И ради кого? Ради какой-то развратной бабёнки, заманившей “сладеньким” невинного мальчонку?! Моего кровного!.. Да я глаза её нахальные повыдираю!.. Не отдам, не отдам!.. Думают, — управы на неё нет! Фигушки, нате-ка!.. Так прижучу, — света белого неувидит!.. Убью суку подзаборную!..

— Тогда убивай вместе со мной! Я её никому в обиду не дам и никому не позволю оскорблять её последними словами!..

— Ах ты щенок! Ты на мать свою голос повышаешь?! Если тебе она дороже матери, можешь убираться к ней хоть сейчас!..

— И пойду... я её одну в беде не брошу! А тебе, мам, спасибо за всё!..

— Иди-иди... скатертью дорога!

Он увидел, окликнул и догнал её, когда она возвращалась с базарчика, тяжело гружённая двумя авоськами. Она обрадованно и устало улыбнулась:

— А, это ты? Как хорошо... а я шла и думала о тебе... Что-то случилось, милый? Ты выглядишь расстроенным...

— Нет ничего... ничего особенного... дома расскажу...

Когда они уже почти подходили к калитке, стайка уличных мальчишек девяти-десяти лет при виде их вдруг стала вызывающе громко хохотать, несвязно выкрикивая какие-то невнятные, но явно издевательские слова в их адрес. Никогда прежде ничего подобного никто не только позволить себе, но даже и подумать не мог, а тут... Молодые тревожно переглянулись.

— А ну... чего разгалделись, чертенята! — прикрикнул было на них выглянувший на шум пьянчужка-сосед, но, увидев кому адресовано всё это бесстыдство, криво усмехнулся и отвернулся, не здороваясь.

Тем временем обнаглевшие от безнаказанности стали обниматься и делать непристойные телодвижения, недвусмысленно изображая половой акт, а один, тыча указательным пальцем в свёрнутую ладонь, сладострастно закатывал глаза и гнусно подвывал, пародируя оргазмические конвульсии. Тут сосед не удержался и заржал в паскудном восторге: “Вот артисты, мать вашу!”...

... Бессильный гнев, унижительный стыд и невыносимое омерзение...

Они буквально влетели в калитку, почти столкнувшись с хмурой хозяйкой, демонстративно не ответившей на их приветствие.

Все люди вокруг, похоже, открыто презирали и люто ненавидели их, словно сговорились и взбесились разом. Сплошной звериный оскал...

И только старый пёс, единственное живое существо, не знавшее человеческих законов, узнал своих по запаху и, не поднимая головы, приветствовал беглецов слабым биением хвоста...

Это был шок, парализующий как удар тока!

Оглушённые, они молча сидели какое-то время, едва закрыв на крючок хлипкую входную дверь в сенцах, единственную их защиту от озверевшего мира людей. После случившегося они как бы инстинктивно избегали не только взглядов, но и любых разговоров.

Первым пришёл в себя он. Тяжело и молча поднялся, зачем-то закрыл на задвижку дверь в комнату, задёрнул окошко, разгрузил авоськи, выпил холодного чаю сам и поднёс чашку ей.

Она машинально сделала несколько глотков и вдруг расплакалась тихо и горько, так бесконечно горько, как плачут от безнадёжности лишь обречённые.

Ни слова не говоря, он обнял её, прижал к груди, нежно и успокаивающе целуя в сладко пахнувший пробор, пока вконец обессиленная от слёз не уснула она на его груди... Потом уснул и он...

... А среди ночи, с оглушительным треском разбив стёкла и запутавшись в занавеске, в уютную темноту комнаты влетел булыжник — пресловутое “оружие пролетариата”...

Ничего не понимая спросонья, он схватил в сенях черенок лопаты и рванул навстречу враждебному мраку... но подлецов и след простыл.

На всякий случай наспех соорудил что-то вроде ставен, приспособив ветхую дверь от старой кладовки, которую хотел починить накануне.

И уж, конечно, больше уснуть они уже не могли...

Долго лежали молча в темноте, прислушиваясь к ночным звукам снаружи, пока она не спросила его шёпотом:

— Скажи мне, милый, чего они все хотят от нас, чего мы им такого сделали, что они так дружно и, главное, так дико ненавидят нас?

— Говоря по правде, я и сам не могу понять этого... только вчера ещё всё было хорошо, а сегодня все как взбесились!.. Даже мама словно взбеленилась! Не узнать прямо-таки... Говорит, что город весь “на ушах” из-за нас с тобой, что я опозорил её и память отца... да и много чего ещё наговорила сгоряча... выгнала меня из дому, одним словом! Иди, говорит, к своей...

Замолчали, горестно размышляя о свалившейся беде.

— И это только ещё начало, — судорожно вздохнула она, — чует моё сердце, не оставят они нас теперь в покое... не оставят, пока не изведут вовсе! — заплакала она вновь, и от слов этих вдруг повеяло такой жутью, что сердце заныло от тоскливой безнадёги.

— Пусть только попробуют, — напрягся он, — пусть только попробуют! — пригрозил злобной темноте за окном, и прозвучало это так по-мальчишески беспомощно, что он и сам почувствовал собственное бессилие перед железобетонной тяжестью беды.

— Милый, милый защитничек мой! Рыцарь ты мой отважный! Ничегошеньки не сможем мы с тобой поделаться с целым городом! Это я во всём виновата... я старше и должна была всё предусмотреть... это моя и только моя вина, хотя виновата лишь в том, что люблю тебя больше жизни, и за это придётся расплачиваться мне одной, ибо не могу я ломать твою жизнь! У тебя всё ещё впереди: институт, работа, семья — вся жизнь! А у меня —

тупик, начало и конец пути! Так коротко и так глупо! Нет, прости меня, не глупо, потому, что я люблю тебя и я счастлива, счастлива и тебе благодарна за счастье это бесконечно, несмотря на всё, что мне уготовано!

— Родная моя! Что же ты такое несёшь-то! За кого ты меня принимаешь!? Неужели ты хоть на секунду могла себе представить, что я брошу тебя когда-нибудь? Отныне и вовеки веков моё место рядом с тобой. Ничто, слышишь, ничто, даже смерть не сможет нас разлучить! Раз уж мы не сможем победить весь город, ну и Бог с ним, с этим городишком! Мир велик, а я силён, а вдвоём нас с тобой ни одна беда не одолеет! Уедем куда глаза глядят, я буду работать и учиться заочно, и заживём мы с тобой не хуже других, я обещаю...

— Да-а-а? Только вот жена тебе, похоже, досталась староватая малость... ведь женщины вообще увядают раньше, а тут — на целых шесть лет!

— На пять, вернее, на пять с половиной!

— А-а, видишь, значит, подсчитывал всё-таки?!

— А как же! *“Чай не корову, а жану присматриваю, да кабы не оплошать-то!”*... Дурёха ты моя разлюбезная, да разве ж найдётся на всём белом свете хоть кто-то, кого бы мог я полюбить так, как люблю тебя? Ты одна, понимаешь, родная моя?! Одна! И, говорю же, — на веки веков! Аминь!..

... И прервала она возлюбленного своего таким долгим и таким благодарным поцелуем, что разом куда-то унеслись-улетели вверх тормашками все сомнения и печали; убежали-спрятались все страхи и беды; и во всей безмерной вселенной остались только два неистовых сердца, сливаясь и разлучаясь, умирая и воскресая бесконечно в огненном вихре соития Мужского и Женского Начала — Великой Основы Мироздания в беспредельном круговороте Жизни, движущей силой которого является всё та же чистая и прекрасная Любовь...

... Проснулся он под утро. Прислушался: спит любимая, спит родная и пусть спит, сил набирается, а то совсем извелась после того страшного сна, а силы ей теперь ой как нужны, потому что ей-то во сто крат труднее, чем ему... Беречь её надобно, беречь родимую... Он надолго задумался над тем, как всё вдруг закрутилось-завертелось.

— Ведь неспроста же, — размышлял он, — значит, кто-то первый подглядел, наверное, и разболтал остальным... Ну а там — дело понятное, дай только повод языки-то почесать, да ещё и на такую-то тему! Но кто? Кто мог сотворить такую пакость и как, ведь двери всегда на запоре? Разве что в окошко только?.. В окошко!!! Сколько раз ловил себя, что не задёрнута занавеска!.. Ведь шкурой чувствовал опасность, а видать, проглядел! Да и как тут не проглядеть, когда напрочь теряешь всякую осторожность, забываешь обо всём на свете в *такие-то* минуты!.. Милая, милая, ишь как сладко посапывает во сне-то... Так кто же тот подлец, что заварил всю эту канитель? Хозяйка? Нет, быть того не может! Во-первых, она никогда бы не позволила себе подглядывать; во-вторых, если бы даже чего и увидела, то ни за что не разнесла бы сплетню. Нет, это порядочный человек! Правда, вчера вела себя почти враждебно, но и это можно понять: мало ли чего напелели-нажужжали в уши эти осатанелые от одиночества бабки! Если

даже мать моя так озлилась!.. Эх, мама-мама! Прости меня, конечно, но теперь я не могу иначе, теперь я в ответе и за неё... да и, в случае чего, жить трусом и подлецом я не смогу и не захочу!.. А ведь как славнотомогло всё обернуться, не отрави сплетней всё вокруг чей-то змеиный язык: ну ладно, увидел случайно что-то, увидел — и помалкивай... неужели и на самом доньшке не осталось мозгов куриных и хоть капельки, если и не человеческого благородства, то хотя бы элементарной совести, чтобы не визжать от подлой радости и не лить грязь взахлёб изо рта своего поганого!?.

... И мама, мамочка моя бедная!.. Кто ж знал, что накроет нас лавой огненной Любовь наша неожиданная? Ну а раз случилось, ведь сплошь и рядом творится эдакое... сама же рассказывала, как выдаёт замуж дочку твоя же сменщица! Что же с тобой-то случилось, кто ж тебя так завёл, кто ж так ожесточил твоё доброе сердце, что и слышать ты меня перестала?.. Ну так что с того, что старше она меня?! Люблю я её, понимаешь!.. А уж какая она умная да пригожая — сама ж мне не раз говорила! Это ли не счастье, что именно такая полюбила сына твоего и она будет матерью твоим внукам?! Так неужели не поладили бы, живя вместе, пока я учился бы? Ведь во всём белом свете лишь вы обе — два самых близких мне существа!.. А теперь... как теперь-то всё обернётся и что будет со всеми нами? — и две невольные горькие слезинки скатились в уголки губ...

Какое-то время он ещё полежал недвижно, боясь потревожить любимую, и совсем уже почти заснул вновь, как в разбитое окно вместе с предутренней свежестью отцветающего уже сада совсем близко вдруг ударила тугая соловьиная трель, да такая звонкая, да с такими забористыми коленцами, что замерло сердце его от дивного и, видимо, какого-то неосознаваемого до конца чувства Красоты и Гармонии этой тревожной ночи, уходящей перед несущим радость бытия едва забрезжившим рассветом, торжествующим вестником которого и была эта ликующая песнь, льющаяся из горячего сердца такой маленькой, неприметной на вид птахи, щедро осыпающей спящий ещё мир прозрачными хрустально-звонко скачущими горошинами. Это был радостный гимн Любви и долгой счастливой Жизни, предназначавшийся, казалось, только им двоим...

... А она тоже лежала не двигаясь, боясь разбудить любимого, только что проснувшись от того, что сквозь непрочную пелену тревожного сна услышала ликующую соловьиную трель! Жизнеутверждающую песнь Утра!..

И не знала, не ведала она того, что под покровом именно этой ночи свершилось Великое Чудо, о котором не могли и подумать ни мудрый литовский князь из свиты славного Гедиминаса, ни верный и отважный нойон из великой когорты чингисхановых “людей длинной воли”. Кто ж мог знать-угадать, что через многие кровавые века, после столетий непримиримой вражды и жестоких битв будет угодно Провидению, чтобы где-то в затеряншемся на просторах планеты маленьком провинциальном городке, в уютной времянке на стареньком продавленном диване два разных их потомка зачнут третьего, которому суждено будет

погасить, наконец, многовековые распри своих предков, явив миру достойный сплав лучших качеств своих далёких и славных пра-пра-пра-пра-прадедов!

Неисповедимы Пути Господни, чудны Дела Его Славные! Аминь!

— ... И что мне делать? Ума не приложу... ведь ушёл... ушёл ведь к ней... ушёл от матери родной... ушёл как телок на верёвочке... не может, видишь ли, оставить её в беде... а мать, что, мать можно, значит, бросить одну да в такой-то момент! — рыдала Мать на необъятной груди своей единственной и пожизненно верной подруги, к которой прибежала в горе, в последней отчаянной надежде найти сердечное сочувствие и хотя б какую-нибудь поддержку или совет.

— Так ведь сама ты и отправила его, можно сказать, выгнала...

— Да сдуру я, с горя да со зла!.. Стыдоба-то какая: родную мать бросил ради потаскушки какой-то! С ума сойти!..

— Ну ты напраслину-то не городи, какая ж она тебе потаскушка! Ну влюбилась девка, ну сдурела — с кем из нашего брата не бывает, а ты такими-то словами... охолонись, возьми себя в руки! Поумерь-ка злобу-то свою, а то ведь так, и впрямь, и до беды недолго! Ну что уж такого непоправимого случилось? Что, это первый случай такой? Ну да, ну учительница, ну старше... ну и что? Если и впрямь любят, — пускай женятся себе на здоровье! Ещё внуков нянчить будешь, радоваться снохе своей — такой умной да красивой... и детишки с малолетства будут говорить по-английски... ведь не шалава какая же... главное, любят, — значит, всё будет хорошо! А людям что, людям лишь бы языки от скуки почесать! Почешут, почешут да надоест... а ты им только масла в огонь подливаешь, мол, глядите, люди добрые, как убивается бедная мать из-за злодея-сыночка!

— Да ты никак совсем охренела! Что ты такое несёшь!? И ты против! Я-то, дура, к ней со своей бедой да болью, а она мне несёт какую-то ахинею! Не отдам я ей сына моего, не отдам — и всё тут!..

— Ну и что ж ты такого особенного поделать можешь теперь-то, а! Чем теперь дело поправить можешь?!

— Напишу заявление в школу, пусть примут меры... или гонят её к чёртовой матери из школы... из города... за разврат и бесстыжество!..

— И разобьёшь сердце сыну своему, и разрушишь счастье их молодое, и спалишь любовь их первую...

— Э-э, да сколько таких любвей ему предстоит ещё!.. Пусть выучится сначала, а уж потом и детишек плодит! Кормить-то чем будет? То-то и оно!.. Она-то, небось, получила образование, а он у ней в работничках да кормильцах ходить будет? Да ни в жисть! Не отдам я его в сучьи лапы её! Хотя убей вот!..

— Ну, как знаешь! Ты спросила — я ответила... Только вот тебе мой добрый совет: не бери грех на душу! Остынь! Не бросай их глупых да опытных одних — сожрут ведь оглоеды и не подавятся, помоги им теперь, а там видно будет... жизнь сама рассудит: где правда, а где — нет!

— Ишь ты умная какая выискалась! Со стороны-то оно легко советовать!

— Да как язык-то у тебя поворачивается на этакое! Как это “со стороны”! Нешто чужие мы с тобой?! Ну спасибо тебе, подруга сердечная, ну спасибо!..

— Да уж и тебе спасибочки! Обласкала-успокоила! Дальше некуда!..

— Так я ж от чистого, можно сказать, сердца... не мочить же подол друг дружке из жалости! Ты уж прости, коли что не так, но только и головы-то терять незачем! Добром тут надобно, а не злобой!..

— Да ну тебя совсем! Молчи уж, а то вовсе разругаемся. Прости меня тоже... Пока...

— Директор-то у себя?

— Нет его... в гороно вызвали. А что, может, я чем помогу?

— Да нет, мне с самим поговорить нужно было бы.

— Тогда ждите.

— Долго ли?

— А кто ж его знает, когда начальство отпустит? Заседание там какое-то.

— Тогда, видать, надолго. Не могу я долго-то, и так с работы едва отпросилась... Хотела ему в руки, а придётся, видать, тебе оставить заявление моё.

— Положите вон в ту красную папочку с надписью “Входящие”.

— Спасибо тебе, пока...

— Не за что! Заходите!..

... Так уж получилось, что после окончания той же самой школы (тогда ещё не было отдельного обучения) она никуда не поступила и осталась помогать матери, которая всю жизнь проработала здесь уборщицей-техничкой, а заодно и сторожем по совместительству. Да и жили-то они здесь же в заднем дворе школы во времянке, что рядом со складом разного школьного имущества. Потом директор школы из сердоболия принял её на работу техническим секретарём по делопроизводству с исполнением обязанностей начальника отдела кадров, потому как скудным штатным расписанием должности такой не предусматривалось, а дела-то вести кто-то должен был. Так что всё вроде как образовалось по уму, да и денежек прибавилось.

Девушка она была неглупая и старательная, а посему со временем стала незаменимым работником и даже с определённым влиянием, потому как личные дела сотрудников с анкетами и автобиографиями, к тому же приказы на отпуска, приём-увольнение, взыскания и поощрения и всякие прочие сведения из жизни каждого — это вам не “халам-балам”, и почти вся подноготная любого была ей ведома и хранима в стареньком сейфе, замурованном в стену.

Словом, жизнь всего коллектива как на ладони. Ну что тут скажешь: начальник не начальник, а всё ж человек при важном и почти секретном, можно сказать, деле! Зауважает: хошь не хошь!

Даже мать, если случилось им встретиться днём на работе, прилюдно обращалась к ней на “Вы”, хотя, по правде говоря, бывало такое крайне редко, потому как вела она, скорее, “ночной образ жизни”, ибо уборку

начинала поздно вечером, когда пустела школа от шума-гама, а охранять-то нужно было только ночью.

Директора она уважала (и даже почти любила) беспредельно ещё со школьных своих лет, а потому берегла, как могла, и даже изредка баловала чайком, за что он ласково журил её: “Напрасно вы барство это развели... Благодарю сердечно, но, прошу вас, не беспокойтесь более!”. Старые учителя обращались тоже на “Вы” и позволяли лишь тёплую фамильярность, называя её ласково-уменьшительным именем.

И было бы ей совсем уютно, если бы не боялась она “химичку”, то бишь учительницу, преподававшую химию с незапамятных времён. Боялась каким-то непонятно-смертельным страхом, вызывающим нервное оцепенение и глухую ненависть этого доброго по сути своей и практически беззащитного существа. Что-то вроде покорного ужаса кролика перед гипнотическим всесилием удава.

... “Химичка” знала свой предмет безукоризненно и... тайно ненавидела его всей своей холодной и жёсткой душой, потому что именно он напрочь привязывал её ко всей этой бестолково шумной, безмозглой и бесконечно осточертевшей братии, именуемой учениками этой донельзя и более чем *средней* школы — приюта бездарей и неудачников.

Нет, это был не её мир, и призвание своё она чувствовала в другом, так как считала себя прирождённым лидером, водителем масс, властной личностью, вынужденной, увы, копаться во всём этом “школьном дерьме”. Оттого и с коллегами своими держалась на презрительно-отчуждённом расстоянии, а уж с учеников сдирала, что называется, “семь шкур”, за что и те, и другие дружно не любили её, интуитивно остерегаясь, как опасаются ядовитых пауков и гадюк. И именно эта-то опаска, как ни странно, и доставляла ей некое чувство извращённого, если и не удовольствия, то, во всяком случае, удовлетворения: “А ведь бояться, гниды, боя-йтс-я-а!”. Нравились ей внушать страх.

И это притом, что была она хорошо сложена, и с лицом у неё было всё вроде бы в порядке. А точёный носик с лёгкой горбинкой — вообще загляденье! Только вот некую сумрачность придавали низковатые прямые чёрные брови над бездонно-чёрными (настолько, что не видно зрачков!) жгучими немигающими глазами, да вечно плотно сжатые принципиально некрашенные губы. Эдакая неподвижная маска — суровый символ неумолимо-непредсказуемой угрозы.

К слову сказать, мужики боялись её как огня ещё со студенческих лет и не нашлось ни одного камикадзе, чтобы рискнуть лишить её девственности, потому, как, видно, чувствовали шкурой смертельную опасность, вроде той, что чувствует после спаривания самец богомола или некоторых видов паучьих, удирая со всех ног, чтобы не быть сожранным своей ненасытной возлюбленной. Так что была она *задубелой* старой девой, что превратило её в хроническую стерву, отчаянно ненавидящую как мужиков, так и баб, и питающую острое отвращение ко всей этой “грязи половой жизни”, что, впрочем, не мешало ей в “минуты слабости”, повинаясь диктату гормональных выбросов, остервенело ублажать горячую плоть свою бабью подолгу и помногу раз, потому как стоически сдерживаемый темперамент её был поистине сатанинским. И вполне возможно, что именно это и чуяли нутром мужички, за версту

обходя её стороной. Правда, после таких “минут слабости” она ненавидела и себя, и всех остальных, потому как слабость людскую активно презирала всегда и во всём!

Образцом же человека “с большой буквы” для неё были “несгибаемые большевики-ленинцы”, о которых она, конечно же, знала ровно столько, сколько было дозволено лукавой коммунистической пропагандой, умело гримировавшей их под бескорыстных революционных романтиков! Но ей хватало и этого, чтобы строить свою жизнь по их подретушированному образцу и подобию, а потому она стала фанатично преданным членом партии уже на втором курсе университета.

В школе не было первичной партийной организации из-за недостаточного количества членов, а была партячейка, входившая в состав парторганизации горono. А когда окончательно уже отправили на пенсию безнадёжно обветшавшего отставного подполковника госбезопасности (преподававшего военное дело в старших классах), наконец-то она добралась до власти, поскольку на эту небольшую, вроде бы, но весьма и весьма влиятельную партийную должность и райком партии, и горono настоятельно рекомендовали хорошо проявившую себя “химичку”. Вот тут-то она и развернулась, живо прибрав к рукам всю и пионерско-комсомольскую, и партийно-профсоюзную жизнь, и вопросы нравственного воспитания преподавательского состава и учеников, тактично контролируя учебный процесс и даже хозяйственно-финансовую деятельность школы.

Поскольку была она близорука, то только на ночь снимала с точёного носика изящное пенсне без оправы на интеллигентской цепочке, бывшее, по всей вероятности, единственной в своём роде достопримечательностью в этом городке, потому как никто другой такого не носил. И неизвестно, по простой ли случайности, но на заседаниях педагогического совета она неизменно садилась под портретом члена Политбюро партии, министра внутренних дел СССР Лаврентия Павловича Берия. Никто этому не придавал значения, пока однажды у физрука не вырвалось испуганно-тихое “Берия!”, потому как что-то общее углядел он тогда то ли в похожем поблёскивании их пенсне, то ли ещё в чём-то. И лишь соседка удивлённо глянула искоса на него и, проследив его взгляд, поняла всё; да сама “химичка” шестым чувством уловила-поняла и удовлетворённо приняла этот тихий возглас испуга: “А он не так уж и прост, каким кажется, футболист-то наш! Надобно будет приглядеться к нему, да повнимательней!”

С тех пор негласно и прочно прилипла к ней зловещая кликуха “Берия”. И вот тогда-то и “завербовала” она технического секретаря, без особых усилий превратив её в своего “сексота”. Так называли осведомителей или “секретных сотрудников” органы безопасности, и так бездумно клеймили мы, ребятня, ябед в своей среде, не зная жуткой и подлой подосновы этого смертельно оскорбительного для любого порядочного человека словца. Отныне любая молва, любая бумажка должны были незамедлительно доведены до её сведения, прежде чем станут достоянием кого бы то ни было! Иначе — кара, скорая и жестокая. Жуть, одним словом! Жуть стылая, жуть безнадёжная!

... Когда секретарша, наспех пробежав глазами заявление и зарегистрировав документ должным образом в журнале, постигла, наконец, его

смысл, её вдруг сковал такой инстинктивный страх, что в сердце больно толкнулось: “Беда! Ой, какая же огромная и чёрная беда! Какая жуткая ошибка!”.

Первой мыслью было порвать бумажку, бежать найти и отговорить заявительницу. И тут же сомнение: а вдруг та заочевряжится, тогда всё падёт на её же невинные плечи, и никому ничего ведь не докажешь! Номер-то уже стоит в проклятом журнале! Безнадёга!.. Эта стерва-“химичка” не простит ни за что!..

... Так заявление попало в руки “химички”, а затем уже в папку директора. Колесо закрутилось, и ничто уже не могло остановить его убийственного хода! Советская партийно-государственная машина пришла в действие...

Голубой мечтой “химички” было неодолимое желание уйти с опостылевшей педагогической стези на красные ковровые дорожки номенклатурной аппаратной работы в советские, а затем, может быть (чем чёрт не шутит!), даже и в партийные органы.

Но для этого было необходимо, чтобы её заметили, оценили должным образом и забрали. Именно и даже обязательно *забрали*, ибо в жестковатом слове оном ей чудился скрытый элемент желанного насилия, но не в общепринятом контексте зловещего “воронка”, а некоего сладостного принуждения всесильной государственной машины, не могущей, видите ли, обойтись (нет, вы только представьте себе!) без неё незаменимой.

Женщина же всегда и во всём (даже в вопросах карьеры!) остаётся кокеткой! Её обязательно должны хотеть, а она — лишь уступать: “Куда ж от вас, мол, денешься, коли так приспичило!”.

И хотя она “из кожи лезла”, чтобы засветиться должным образом, только много ли достигнешь в рутине школьного болота!

И вот оно! Наконец-то громкое, из рук вон скандальное дело!

Нужно только правильно всё обставить! Главное — привлечь к нему максимальное внимание городских партийных органов, властей и общественности города с тем, чтобы во всём блеске явить себя в нужном свете и чтобы высокопоставленное руководство мысленно (а лучше бы вслух!) не только восхитилось, мол, какой кристально чистый, принципиально честный, бесконечно преданный, неутомимо трудолюбивый и талантливый работник так бездарно пропадает на уроках какой-то там химии, но и устыдилось своей недалёковидности и нерешительности в подборе и расстановке руководящих кадров.

Итак, вперёд к голубой мечте!

— Так что же будем делать, Евгений Иванович? — с вежливой, но требовательной настойчивостью повторила она свой вопрос растерянному и пригорюнившемуся директору.

— Ума не приложу, Тамара Иосифовна! — уныло пробормотал он, помолчав. — Может, просто рассмотрим на нашем педсовете и примерно напомним... там, скажем, строгий выговор... и прочее, а?

— Просто?! Боюсь, что просто теперь уже не получится!

— Это почему?

— Да хотя бы потому, что я уже сообщила о нашем ЧП (чрезвычайном происшествии) и в парторганизацию гороно, и в отдел образования и культуры горкома партии!

— Да кто же просил-то Вас об этом?!!

— А не надо меня просить! Это мой долг коммуниста своевременно информировать верхние эшелоны власти о состоянии дел в низах! Да и шила в мешке не утаишь, ибо уже весь город только об этом и говорит! Хороши же будем мы с вами, когда сверху спросят, мол, знаете ли вы, дорогие наши товарищи, что творится под вашим носом, а если знаете, почему скрываете? Потворствуете, значит, вместо того чтобы вскрывать и принимать меры?! Вы этого хотите? Впрочем, Вам-то, возможно, видней и поступайте, как сами знаете, а меня уж — увольте!.. Так что, думаю, деваться нам некуда и тянуть с решением этого вопроса, простите, — не советую. Сейчас я пойду, с Вашего позволения, а как определитесь, давайте обговорим все детали, ибо здесь ошибаться нам нельзя! — сухо откланялась “химичка”.

— Стерва! Сухарь бездушный в пенсне без оправы! — мысленно ругнулся он неумело в закрывшуюся дверь, затем перечёл ещё раз заявление, положил под язык мятную таблетку валидола и, вызвав звонком секретаршу, устало промямлил: “Пригласите на завтра к девяти часам эту... — замешкался, забыв от волнения имя-отчество, — ну... эту... “англичанку”! — совсем уж как-то по неуставному закончил он, смущённо извинившись, — простите, Бога ради, что-то нездоровится мне сегодня!..

Назавтра, ровно в девять утра в приёмную вошли оба виновника ЧП.

— Вы проходите — директор ждёт Вас! А ты подожди здесь, позовут, если понадобится! — распорядилась секретарша, оглядев их с трудно скрываемым любопытством и отметив с неожиданным сочувствием, — лица на ней нет, едва на ногах-то держится, видать, тяжело бедняжке!

Они были ровесницами, и секретарша глухо завидовала ей не только потому, что “англичанка”, сколько потому, что видела, как увивается возле неё физрук — давнишняя и безнадежная уже её девичья мечта! И оставшись наедине с её избранником, она с ревнивым недоумением сравнивала этого пусть даже и симпатичного “желторотика” с мужественным физруком.

— Дуры мы, — мысленно пригорюнилась она их общей бабьей доле, — губим себя из-за этих кобелей, а им — хоть бы хны! Ох, и дуры!..

— Здравствуйте, Евгений Иванович!

— Здравствуйте, — попытался поофициальнее поздороваться директор, но, взглянув на разительно изменившуюся от горя и тревог “англичанку”, устыдился собственной чёрствости и проговорил неожиданно мягко и почти задушевно, — проходите, голубушка, присаживайтесь, — и словно упёрся в тупик, не зная как вести разговор дальше. Помолчал...

— Вот, заявление поступило, извольте взглянуть...

— Заявление?! — испуганно вскинула она глаза. — Какое... от кого?!

Прочла, побледнела и застыла в отчаянном безмолвии...

Директор боялся поднять глаза. Повисла тягостная тишина общей беды...

— Что же нам делать, Евгений Иванович?

— Не знаю, голубушка, что и посоветовать... ждать...

— Чего?

— По всей видимости, решения педсовета. Я-то думал тихо-мирно разобраться во всём внутри своего же коллектива, да теперь, похоже, вряд ли... стараниями кое-кого, будь они неладны!..

— Может, мне написать заявление об уходе и навсегда уехать из этого города?

— Я думал об этом, только вот уволить тебя по твоему заявлению я не имею права, — незаметно перешел он на “ты”, словно заговаривал с дочкой, — потому как молодой специалист обязан отработать как минимум ещё два года. Слушай, может, вам срочно оформить брак, расписаться, так сказать, а? Всё, глядишь, было бы полегче: семья и всё прочее...

— Не получится — ему исполнится восемнадцать только в августе.

— Ну бывают же там какие-то исключения... тем более, что тут разговор о какой-то паре месяцев...

— Только для беременных невест ...

— Ах, незадача!.. Ты вот что, уж не “дразни гусей” на педсовете-то... повинись, ибо, как говорится, “повинную голову меч не сечёт”.

— В чем виниться-то, что полюбили мы друг друга? Так мы ж ничего не украли, никого не убили, не предали Родину!..

— Ну, тут Вы, голубушка, неправы! Вы педагог, не забываете этого! Советский педагог обязан отвечать высоким требованиям чести и морали, и помнить об этом необходимо в любой ситуации. Это прежде всего! А потом... свой же ученик, да ещё и несовершеннолетний... заявление родителей при желании, а, судя по всему, желающих найдётся и немало! Так что лучше не ершиться, — будет хуже! И при всём своём желании я ничем уже помочь не смогу!

— Понятно! — прошептала она обречённо. — Спасибо Вам за всё и простите меня великодушно, Евгений Иванович! Прощайте!

— До свидания, голубушка. Простите и Вы меня! Да не убивайтесь Вы так заранее, поберегите силы... может, всё как-нибудь ещё и образуется! Мы Вас пригласим...

— Ну чего там? — с надеждой кинулся было он навстречу, на что она только махнула рукой в отчаянии. — Понятно! — вздохнул, беря её под руку.

— Милый, давай зайдём в поликлинику к невропатологу, а то я с ума сойду от бессонницы и головных болей!

— Давай...

... Пожилая докторша внимательно осмотрела пациентку и удивилась крайне истощённой нервной системе.

— Это как же вы умудрились довести себя до такого состояния!? Такая молодая, а руки трясутся, как у паралитика! — неожиданно грубовато пожурела она девушку и тут же опомнилась. — Простите!

Давайте вначале нормализуем функцию сна, для чего я выпишу люминал, только употреблять его нужно точно по моим рекомендациям, чтобы не было беды. Любая, даже самая малая передозировка может привести к катастрофе! Вы меня поняли?! Через недельку придёте, и мы займёмся восстановлением и укреплением ваших нервов. А пока идите и спите спокойно не менее десяти часов в сутки, и лучше — в ночное время, ночной сон самый лечебный. И не волнуйтесь, пока никаких особых проблем, просто временное функциональное расстройство. Удачи и здоровья!

Последним в повестке дня заседания бюро горкома партии значился вопрос “Об итогах учебного года и задачах подготовки нового”, докладчик — заведующий горно. Это был первый её “блин” на новом поприще отраслевого секретаря горкома, курирующего вопросы культуры и народного образования, а потому она, естественно, слегка волновалась, чтобы первый блин “не вышел комом”, ибо, как говорится, “лиха беда — начало” или, как говорят англичане: “A good beginning is half the battle”, что означает “хорошее начало — половина сражения”!

Она собственноручно тщательнейшим образом отредактировала и сам доклад, и проект постановления, чтобы всё прошло “без сучка, без задоринки”.

Так оно, к счастью, и случилось. Первый секретарь горкома партии был явно доволен всем. И весьма благожелательным обсуждением чётко сбалансированного доклада, поскольку в нём были точно отдозированы умеренная самокритичность, тактичная и конструктивная критика, деловая и оптимистичная перспектива, и всё это в лучших традициях партийной этики и эстетики, если хотите! Доволен он был и тем, что проект постановления был принят единогласно без единой поправки.

Молодец, одним словом, и теперь при случае можно будет в разговоре с первым секретарём обкома, как бы вскользь, похвалить его протеже, чтобы сделать ему приятное. А общеизвестно, что если делаешь начальству приятное, то это самое “приятное” потом к тебе же и вернётся, ибо начальство — тоже живой человек. Причём, как правило, начальство дюже памятливое, как на хорошее, так и на плохое. Плохое, кстати, почему-то помнится начальством дольше, а посему, если ты не совсем дурак, делай ему только хорошее и, желательно, — почаще, чтоб не забывалось!

Дело в том, что два месяца назад её привёз и лично представил пленуму горкома сам первый секретарь обкома (негласно именуемого коротко и почтительно “ПЕРВЫЙ”), что помимо великой чести для протеже означало ещё и личную его поддержку, а такое — дорогого стоит, скажу я вам!

Да и то верно, что выдвигать на ответственную руководящую должность и лично представлять пленуму такую женщину, такого кадра, выпестованного в недрах областной партийной организации, было крайне приятно.

Да и смотрелись они вместе как-то уж очень даже симпатично: высокий, дородный, осанистый мужчина с красивым мужественным лицом и идущей ему благородной сединой рядом с высокой, стройной, удивительно красивой женщиной, дивная статья которой могла бы украсить любую представительницу любой монаршей династии. Царственная особа на фоне “объединившихся пролетариев”!

А путь её на местный Олимп (пусть пока только городского масштаба) начинался ещё с самых что ни на есть детсадовских горшков и стульчиков, потому как с тех младенческих лет она уже была не иначе как в центре всеобщего внимания (детшек и воспитательниц), которые не чаяли души в этой ангельски красивенькой, умненькой и доброжелательной девочке, к тому же щедро одарённой всевозможными талантами.

Триумфальное шествие продолжилось и в средней школе, и на историческом факультете университета. Только теперь уже к прежним её добродетелям и достоинствам прибавилось необычайное трудолюбие и усидчивость, а также и недюжинные организаторские способности вкупе с очевидной склонностью к лидерству. Прирождённый лидер чувствовался в ней за версту.

По гороскопу она была ярко выраженной Девой со свойственной этому знаку практичностью в сочетании с женственностью. И увлечение у неё по тем временам было довольно необычным, потому как свободное от занятий время она отдавала углублённому изучению английского языка. Нравилось ей это!

Но истинным её увлечением было искусство красноречия. А поскольку, как справедливо считала она, возможность выражать свои мысли и чувства словами было дадено лишь человеку, то и важнейшим качеством его должно было стать умение делать это наилучшим способом! Конечно, решающими являются умение мыслить глубоко и ясно, аналитические способности и способности синтезировать познанное, чётко расставляя всё по своим местам с безошибочным определением приоритетов и акцентов.

Однако чем больше она проникала в этот увлекательный мир, тем больше понимала всю условность и приблизительность древнегреческого афоризма “кто ясно мыслит — тот ясно излагает”. Потому что даже самая огромная сумма самых ясных знаний, любая самая глубокая и самая оригинальная мысль, любое самое яркое и удивительное чувство — всё это неопределимое богатство души человеческой остаётся абсолютно бессильным и бесполезным багажом, пока не обретёт соответствующую словесную форму. Только великая магия животворящего СЛОВА придаёт всему этому великую созидательную или разрушительную силу, меняя ход Истории и преображая самих землян и их планету, и которая является тем издревле высоко почитаемым искусством риторики, так поразившим воображение молодой интеллектуалки. Она с превеликим усердием и удовольствием прочитала всё, что можно было достать по риторике, от великого римского трибуна Цицерона до искуснейшего адвоката Кони, и постепенно настолько усовершенствовала собственную манеру мышления и изложения, что ею заслушивались не только студенты и преподаватели, но и родные, близкие друзья в обыденном общении. Ясность и краткость, гранёная чёткость и предельная отточенность,

яркая образность, изысканное остроумие и тактично-мягкая ироничность её речи превратили юную красавицу в неотразимо обаятельного собеседника и блестящего оратора. А посему и популярность её была велика и вполне закономерна.

К постоянному вниманию мужчин у неё давно уже выработался своеобразный иммунитет, и теперь она не то чтобы не реагировала на их присутствие, нет (она реагировала и вполне даже адекватно), только оценочная планка её была столь высока, что многие не могли не только перепрыгнуть её, но даже и дотянуться. Кто-то, возможно, и обижался, только гордячкой её не считали, потому как была она со всеми ровна и дружелюбна.

На пятом курсе, перед самым распределением, когда обычно вовсю бушуют сексуально-метромониальные вихри студенческих свадеб, она внезапно удивила всех, предпочтя красавцам-воздыхателям неприметного доселе дылду-фаната с физмата, настолько ошалевшего от свалившегося счастья, что на все завистливые поздравления он только сладко жмурился из-за толстенных очков, мычал что-то нечленораздельное (то ли про интегральные исчисления, то ли про какую-то всеобщую интеграцию) и на всё согласно кивал рановато лысеющей головой. Сдурел окончательно, бедолага! “Крыша” поехала от счастья!

Пользуясь случаем, шустрые подружки тут же прибрали к рукам рассерженно-обиженных красавчиков, и теперь, не скрывая торжества, приторно-сочувственно задавали ей разные ехидно-недоуменные вопросы.

Она же в ответ лишь загадочно усмехалась: “Поживём — увидим, лапочки!”. И оказалась-таки права, ибо большинство патентованных красавцев оказалось довольно хлипкими для семейной жизни, а её избранник был по-прежнему надёжен, покладист, умён, к тому же очень даже приемлем и стабилен в сексуальном плане. Более того, с годами он становился всё более интересным и глубоким. Типичный Козерог, одним словом!

Правда, быстро и почти окончательно облысел, заметно погрузнел и стал вполне степенно-респектабельным кандидатом физико-математических наук, мечтой и грозой студенток-первокурсниц, млевших от гениальных (как им казалось) острот молодого заведующего кафедрой местного пединститута. Она же лишь посмеивалась по этому поводу, зная его козерожью беззаветную преданность.

Любила ли она его все эти годы? Она и сама не раз задавала себе этот коварный вопрос, мысленно отшучиваясь. И лишь иногда, отмечая в зеркале те немногочисленные ещё и заметные только её глазу приметы предстоящего увядания, она вдруг ловила тень тоскливой тревоги: “Убегает молодость, а с нею и любовь! А была ли она — любовь-то?”. И несколько дней после этого она ходила вроде как притихшая, задумчиво приглядываясь к нему, такому привычно-надёжному, грустно ласкала его нежнее обычного, на что он отвечал какой-то особо благодарной ретивостью. И всё вставало на свои привычные места, и вновь им было хорошо и спокойно вместе.

Но ни разу не позволила она себе малейшего, даже самого лёгкого флирта на стороне, безжалостно пресекая в корне любую возможность подобного. И постепенно все рьяные претенденты на её сердце и прочие прелести увядали, а за ней шла слава неприступной и очень порядочной

женщины необыкновенного ума, безукоризненного воспитания и ослепительной красоты. К тому же педагог из неё был прекрасный, знания — поразительные, говорила она всегда увлекательно-интересно, а знание английского в сочетании с тонким юмором делали её просто изысканно-тончённой английской леди, сверкающей звездой на небосклоне тихого провинциального городка, пусть даже и областного масштаба.

В конце концов все эти достоинства и выдвинули вскорости её на арену общественно-политической жизни, где на трибуне одного из партийно-хозяйственных активов такого яркого педагога и оратора впервые приметил первый секретарь обкома партии. Её пригласили на собеседование и предложили работу в аппарате обкома. Так она стала партийным функционером и номенклатурным работником.

Три года непростой и успешной аппаратной работы придали ей своеобразный лоск и уверенность, и вот теперь она — молодой и перспективный партийный работник на ответственном участке идейно-идеологического фронта борьбы за светлое коммунистическое будущее.

Однако вместе со всем этим вдруг как-то неожиданно пришло и, похоже, прочно поселилось в сердце неясное пока, но и тревожно-радостное чувство к этому сильному, властному, умному и по-мужски неотразимому ПЕРВОМУ!

Её не в шутку волновал его голос, такой властный и такой нежно-внимательный взгляд его карих глаз, его уверенная походка и молодецкая стать.

Встречались наедине они нечасто, да и то чисто по служебным делам. И был он неизменно ровен и внимателен настолько, насколько требовала того служебная этика. Никакого повода для какой-либо двусмысленности! Хотя каким-то необъяснимым, чисто бабьим чувством она улавливала тончайшие вибрации бесконечно волнующих биотоков и интуитивно чувствовала его растущий интерес к ней. И с каждым разом, с каждым днём ощущение их какого-то тайного духовного родства и неодолимого влечения росло и крепло в её сознании, и с каждым днём он занимал всё больше и больше места в беспокойном пространстве её мятущейся души.

Мысли об этом она гнала, как могла. И лишь когда увидела вдруг его в своём самом бессовестно-откровенном, безжалостно-яростром эротическом сне, она вдруг по-бабьи бессильно и по-детски беззащитно-горестно расплакалась оттого, что поняла: влюблена в него по самые уши, безнадежно и навеки!

А однажды совершенно неожиданно поймала себя на невыносимо щемящем желании выносить под самым сердцем, вскормить всеми своими зрелыми бабьими соками и щедро одарить самой нежной любовью маленькое, беззащитное и такое бесконечно дорогое существо, крошечную копию тайного возлюбленного своего, который бы с каждым днём, с каждым годом становился таким же сильным и гордым мужчиной, наполняя её сердце несравнимой ни с чем материнской радостью и гордостью за своих мужчин!

СВОИХ?!! Да-да, именно своих! И она даже испугалась: тогда, выходит, что муж-то, оказывается, *не свой*! А чей?.. Всю жизнь — *“не свой”*?! И навсегда?!?

Но она также и понимала, что никогда (слышите, НИКОГДА!) не быть им вместе, ни при каких условиях! Безднадёга! И от того семейная жизнь её разом потускнела и стала невыносимо горькой и абсолютно пресной.

Так эта вынужденно недоступная и оттого глубоко несчастная любовь мгновенно перевернула всю её жизнь, разом превратив её (привыкшую считать себя счастливой избранницей Судьбы!) в несчастнейшую из всех земных женщин, и она уже не раз ловила себя на унижительной зависти ко всем молодым и влюблённо-счастливым, так легко, беззаботно и безоглядно пользующимся своим законным правом любить, этим Богом дарованным чувством!

Всё вроде бы есть: есть здоровье и молодость пока, да и красота ещё не потускнела; есть призвание, признание и уважение, есть достаток и прочная семья, в конце концов. А вот счастья-то, элементарного бабьего счастья, похоже, нет! Есть тупая боль и едучая зависть! И что, и так до конца оставшихся дней?!? Ужас!..

А на днях, перед тем самым вышеупомянутым заседанием бюро горкома, утром, во время ежедневного доклада о событиях во вверенной сфере, заведомом вроде как мельком упомянула о ЧП в одной из школ, ставшим предметом сплетен, взбудоражившим сонную жизнь провинциального городка.

— Тьфу ты! И это перед самым бюро! — досадливо мелькнуло в голове, и она раздражённо бросила, — так разберитесь и примите меры!

Целый день настроение было отвратительным и почему-то из головы не шла эта возмутительная история. В конце дня она ещё раз вроде как невзначай поинтересовалась принятыми мерами, на что заведомом с готовностью доложила, что завтра же на расширенном педсовете с участием горно и горкома комсомола вопрос будет рассмотрен со всеми вытекающими последствиями.

Что-то в этом бойком докладе встревожило её, и эта угодливая поспешность заставила поморщиться: “Ишь как копытом бьёт! Землю роет, стерва старая!”

“И чего это я на неё так вызверилась?” — удивилась сама себе, а вслух, неожиданно повинувшись какому-то неясному ещё чувству, она глухо произнесла:

— Попродержите пока педсовет и пригласите-ка для начала ко мне эту учительницу английского языка. На завтра, скажем, часам к десяти утра.

От неожиданности у подчинённой округлились изумлённые глаза, секунды шока, и уже потом тихо-испуганное: “Х-хорошо! Р-ровно в д-десять!..”

... И уже перед самым сном, смывая перед зеркалом наложенную на лицо косметическую маску, она вдруг почему-то вздрогнула и досадливо повела плечом, подумав: “И зачем только я её пригласила? Неужто только из любопытства? И какого такого ещё любопытства!? Хотя, конечно же, случай, прямо скажем, неординарный... Да и отзывы о ней вроде бы самые положительные, не какая-то там беспутная бабёнка!.. А поди ж ты!.. А может.. может, и впрямь — любовь, та самая ЛЮБОВЬ, о которой написаны

лучшие стихи и романы, о которой рассказывают нам экраны кино и подмостки сцены, от которой текут скорые бабьи слёзы и по которой глухо тоскуют наши растревоженные сердца и замордованные бытом души?!!

На душе стало тоскливо-тревожно, тут же в сознании возник призрачно-желанный образ ПЕРВОГО, и уже гася ночник, она вдруг с непонятной, но и такой отчётливой неприязнью отметила жирную спину и тускло отсвечивающую плешь уснувшего уже и сладко похрапывающего мужа.

“Спать! — раздражённо одернула она себя, — спать!..”.

... Медленно встала она и вышла из-за стола, когда завождем ввела в кабинет приглашённую.

— Оставьте нас.

— Слушаюсь!

— Проходите and set down, pleas! — внезапно перешла хозяйка кабинета на английский, и весь дальнейший разговор вёлся уже на этом языке.

— Благодарю вас! — сдерживая волнение, ответила внезапно севшим голосом приглашённая, и как-то деревянно прошагав к предложенному креслу, с неожиданным восхищением подумала: — Как же ослепительно красива она, Боже, как величественна! Королева — прямо Ваше Величество какое-то! **Majesty!**

“Какая же она молоденькая и прелестная! — с неподдельным интересом и симпатией подумалось “величеству”, — правда, эти тени под глазами и тревога во взгляде говорят о многом, но ничуть не портят, а напротив, — что-то трогательно-беззащитное вносят в её такой юный и очаровательный облик! Кого же она мне напоминает?.. Сольвейг! Да-да, именно Сольвейг из оперы “Пер Понт” Эдварда Грига! Такая же дивная и такая же грустная... Ах, молодость-молодость! Как же ты хороша и как недолговечна, увы!.. И чего это ты вдруг запричитала по-старушечьи как-то, а? Стареешь что ли, мать? Завидуешь?!”.

Потом состоялся неожиданно долгий и обстоятельный разговор, во время которого как-то незаметно улетучилось напряжение первых минут и, похоже, этому способствовало и то удовольствие, которое обе испытали от возможности поговорить на любимом и при том хорошем английском впервые за много лет. К тому же “величество” была приятно удивлена тем, как легко и изящно, несмотря на начальное волнение, изъясняется эта молодая особа, что, безусловно, было следствием и отражением той глубокой культуры и утончённой духовности, которую так высоко ценила она в людях.

Именно это и сблизило их, чётко обозначив ту изначальную безотчётно-взаимную симпатию первых минут и какую-то высокую исповедальную ноту, по которой, похоже, обе отчаянно истосковались уже, сами того не ведая.

За чашкой чая “величество” почти по-родственному просто, очень тонко и тактично порасспросила её о семье, детстве, студенчестве и нынешней работе.

А “Сольвейг” в ответ с бесхитростной готовностью поведала ей обо всём, тепло рассказав о маме своей ненаглядной и особенно подробно — о последних годах их совместной ленинградской жизни, по которой тоскует она бесконечно. И всё так искренне и красочно, что “величество” заслушалось

зачарованно, не перебивая и давая возможность излиться сполна и, в то же время, внимательно вглядываясь в эту чистую и добрую душу, пыталась понять, что же толкнуло её на такой нелепый и безрассудный поступок. Ведь умница же и, безусловно, светлый человек! А?!? Не хочется (ох как не хочется!), но ведь надо задать этот дурацкий вопрос, ради которого, в общем-то, они и встретились, в конце-то концов! Будь он неладен!

— Простите меня, простите, возможно, мою бестактность, но я не могу не задать вам *этот* неприятный вопрос: “Как же могло случиться... ну, словом, *то*, что случилось?”. Я вот всё слушаю вас и никак не могу понять, что могло толкнуть вас на такое безрассудство?! Нет, поймите меня правильно, я не осуждаю или, вернее, не совсем осуждаю, но до меня просто не доходит: как можно было так безоглядно, так опрометчиво поставить на карту всё: и, безусловно, блестящую карьеру педагога, и женскую репутацию, да и всё своё будущее благополучие?.. Что вас заставило... что? Объясните мне как на духу, и я попытаюсь понять! Ручаюсь: вряд ли кто-либо из остальных попытается сделать такое же, поверьте мне, и уж наверняка всё это останется между нами, будьте уверены!..

... Повисло долгое, бесконечно долгое и тягостное молчание. Из кабинета словно внезапно выкачали воздух, и, казалось, сердца должны задохнуться в глухом безжизненном вакууме тишины, грозной тишины надвинувшейся беды.

“Величество” молча встала, медленно прошла и открыла окно, в которое вместе со свежим воздухом ворвались такие простые, такие обыденно-привычные звуки жизни, на которые мы, как правило, просто не обращаем внимание, но в которые так жадно вслушиваются несчастные после глухих железобетонных подвалов одиночек, ведомые на казнь, или приговорённые смертельно-безжалостным диагнозом безнадежные больные, пригвождённые к своему последнему земному одру...

... А там, за окном, шумно вздорили вездесущие воробьи, где-то далеко капризно канючил чей-то ребёнок, на соседней крыше нежно ворковали голуби и совсем уж под окнами озабоченно и дружно шелестели тугими сочными молодыми листьями могучие ветви старого дуба ...

... Наконец она заговорила каким-то новым, незнакомым голосом, порождённым тяжёлым раздумьем, идущим из самых глубин её сущности, и это почему-то прозвучало так неожиданно, что заставило “величество” быстро обернуться и пристально вглядеться в лицо говорившей, словно ожидала увидеть и уличить какую-то подмену.

А та говорила медленно и глухо, отрешённо вглядываясь в какую-то лишь ей одной видимую точку (или пространство), словно отвечая не кому-то там извне, а самой себе — изнутри. И было в этом что-то мистически-жутковатое, что-то ледяще-потустороннее.

— Что заставило, спрашиваете?.. Нет, это не то слово: “заставило”... Заставить, именно заставить, то есть принудить полюбить, я думаю, никто и ничто, к счастью, не может. И именно “к счастью”, ибо любовь — это и есть то самое Счастье, о котором говорят и мечтают люди со дня их сотворения, отказываясь во имя этого от многого, включая самое безбедное

райское существование, а не то, что какой-то там карьерный рост, репутация и всё остальное!..

А вот что касается того, “как могло случиться *такое*”, я и сама в последнее время только об этом и думаю. И, знаете, пришла к твёрдому убеждению, что, оказывается, всю свою сознательную жизнь я осознанно и неуклонно шла к этому. Всё моё предыдущее нравственное, этическое и эстетическое воспитание, все мои девичьи мечты, все мои духовные и женские устремления, все мои идеалы сошлись, сфокусировались именно в этом городке, в это самое время и на этом самом единственном человеке, которого сердце моё приняло сразу и безоговорочно, будто знала и ждала его вечно. Это и есть, видимо, то самое, что люди называют Судьбой. И я с первых же минут нутром почувяла и приняла Её, чем бы это мне ни грозило впоследствии.

И хотя я отчётливо понимала всё, что вы вложили в слово “безоглядно” и пыталась сопротивляться своему чувству, но, скажу честно, **я хотела этого**, ибо знала, что такое бывает только раз, и если я предам это, то никогда больше ЭТО не повторится, и никогда уже я не буду счастлива, как бы Фортуна не благоволила мне потом. Видит Бог, я была честна и сама с собой, и никого я специально не обольщала и не совращала, но когда он потянулся ко мне, я доверилась, я целиком отдалась своему чувству без колебаний, и (какое счастье!) мы абсолютно точно совпали абсолютно во всём! Это невероятно, но мы нашли-таки друг друга среди миллиардов нам подобных, мы нашли друг друга среди гор, морей и пустынь планеты, мы нашли друг друга в безмерных просторах Мироздания! И да будет благословен этот провинциальный городок, где довелось-таки нам повстречаться, как бы он к нам ни относился, какие бы грязные сплетни ни плёл, и как бы ни злобствовал!..

А всё потому, что ничего нет на свете такого, что могло бы сравниться с красотой и величием этого Богом дарованного чувства, этого божественного ощущения счастья слияния наших сущностей, восхитительной гармонии звучания каких-то неведомых доселе энергетических вибраций двух наших душ, непонятно как раздельно существовавших до этой встречи. Впрочем, скорее всего, неясным предощущением, трепетным ожиданием неизбежности пересечения наших судеб...

Простите, возможно, говорю я несколько высокопарно, бессвязно и непонятно, но я почему-то совершенно бесстрашно и безотчётно верю Вам в твёрдой убеждённости, что буду Вами правильно понята, а потому говорю предельно искренне, как, наверное, ни с кем и никогда ещё не говорила и, вполне возможно, никогда больше не смогу говорить. Не удивляйтесь, но я в полном восхищении от Вас, от Вашей удивительно тонкой женской красоты, от Вашего какого-то завораживающего грациозного величия. И это не лесть, поймите меня правильно, это искреннее моё чувство! Вы... Вы редкая женщина, я чувствую это и потому так откровенна... Возможно, Вы и только Вы сердцем почувствуете и поймёте то, что скажу я Вам сейчас.

Долго, очень долго, практически всю свою жизнь, как только осознала я себя Женщиной, меня не покидали разные мысли о великом таинстве Любви, о Жизни и Смерти, о нашем женском предназначении в круговороте Бытия и о многом другом...

И вот что я поняла для себя: нет в мире ничего прекраснее и чище, чем Любовь в самом широком и всеобъемлющем её понимании, и Любовь мужчины и женщины в частности. И последнее, а именно взаимоотношение этих двух основополагающих Начал, — является самым главным, самым трудным, самым жизненным, самым насущным вопросом нашего с ним, да и не только нашего, а и общечеловеческого бытия, решение которого каждый должен осуществлять сам на свой страх и риск. И это не просто слова, а именно “страх и риск” потому, что, разрешая так или иначе проблему своего извечного влечения к противоположному Началу, каждый этим самым, по сути, решает не только свою земную Судьбу, но и последующую участь свою в Вечности, ибо любая ошибка может стать роковой и низвергнуть в гибельную бездну, не только тебя самого, но и стать источником неисчислимых бед и для твоего избранника, и для детей, внуков и всех последующих поколений! Страшно подумать!

Но многие ли люди осознают это в полной мере? Увы! Слишком многие сходятся, как попало, по воле случая, часто без любви, без красоты, без взаимопонимания. А ещё хуже, когда руководствуясь лишь сухим расчётом, экономическим ли, политическим или прочими соображениями, далёкими от искреннего и всепоглощающего чувства. И теряется *Великий Инстинкт Любви*, и превращается этот великий Дар Божий, это благородное орудие отбора, эволюции и совершенствования в убийственно примитивное, сугубо животное половое чувство, неуклонно ведущее к неизбежному физическому и нравственному вырождению... А это чудовищное предательство не только самих себя и своих близких, но и всего Мироздания и самой Божественной Красоты Жизни!..

... Да что я Вам всё это говорю, ведь Вы сами знаете и чувствуете это не хуже моего, а может, во сто крат тоньше и глубже! Такая, как Вы, — не может не любить, не может хитрить и выгадывать, предавая тем самым Любовь! — и “Сольвейг” впервые подняла свои огромные измученные глаза, в которых светился какой-то невысказанный вопрос-утверждение чрезвычайной важности.

“Величество” сидела напряжённо с закрытыми глазами, и густые ресницы траурной каймой оттеняли неестественно побледневшее лицо...

... Неожиданно и резко зазвонил телефон. По правительственной “вертушке” говорил ПЕРВЫЙ!

“Ах как не вовремя!” — мелькнуло досадливо, но она справилась с секундным замешательством и заговорила привычным почтительно-внимательным голосом, в точном соответствии с требованиями субординации и служебной этики.

— Добрый день, — пророкотал в трубке его низковато-бархатный баритон, — я звоню, чтобы поздравить Вас с удачным дебютом. Мне доложил подробно о вчерашнем заседании бюро Ваш шеф и поблагодарил за такого дельного работника. Поздравляю и рад, что не ошибся в Вас!

— Благодарю Вас за тёплые слова и, если позволите, я перезвоню Вам позже! — едва сдерживая волнение, глуховато произнесла она в ответ, покосившись на поникшую “Сольвейг”.

— Понимаю... позвоните, как освободитесь. Буду ждать! — и короткие гудки...

Она помолчала какое-то время, откинувшись на спинку кресла с закрытыми глазами, как бы заново переживая этот вынужденно краткий разговор. Она видела, как движутся его властные, чётко очерченные губы, как поглаживает он седоватую прядь, придававшую (как ни странно) моложавость его крупному лицу, и... и вдруг весь его такой мужественный, родной и бесконечно недосягаемый облик каким-то непостижимым образом связался в её сознании с последними словами "Сольвейг": **"предавая тем самым Любовь!"**. Она пока не совсем ещё понимала этой внезапно возникшей причинно-следственной связи, но почему-то именно эти слова несли какую-то неясную тревогу и ощущение неотвратимой беды! Она медленно открыла глаза и с досадливым беспокойством глянула на собеседницу: "... не заметила ли та чего-либо лишнего? Да вроде бы — нет. И слава Богу, не хватало ещё и этого!.. Однако нужно продолжать и, пожалуй, пора заканчивать разговор. На чём же мы остановились? Ах, да, — на Высокой Любви!" — почему-то саркастически-цинично мелькнуло в её встревоженной голове, но она тут же строго одёрнула себя.

— Скажите, а чем Вы объясняете тот скандал, ту всеобщую неприязнь, тот отрицательный общественный резонанс, уж простите за вынужденную прямоту вопроса?

— Ну что Вы, прямой разговор неизбежен без неудобных вопросов и, возможно, жёстких определений. Так что заранее прошу прощения... Поверите, мы и сами ночей не спим, всё пытаемся понять: чем же мы и перед кем *так* провинились, что все *так* ненавидят нас?! Ведь мы ни у кого ничего не украли, никого не обманули, никого не убили и не предали! Даже слова недоброго никому не сказали! Так чем же мы вдруг стали столь неуютными, что все желают нам лишь гибели? Ведь мы погибнем друг без друга!..

И знаете, мы, кажется, поняли причину их лютой ненависти, вернее, некую цепь вроде бы нескольких разных, на первый взгляд, но и, несомненно, взаимосвязанных причин: во-первых, и в основном — это дремуче-плебейское воинствующее невежество, круто замешанное на ханжестве, двуличии и бесчестии; во-вторых, смертельная провинциальная скука замшелых обывателей, для которых самая гнусная сплетня — великолепный повод поразвлечься, блеснуть остроумием, поиздеваться и продемонстрировать собственную добропорядочность на фоне безнравственности соседа (каков сукин сын, а!), чужой неудачи (а он всегда был "тюфяком") и чьей-либо оплошности (а ещё — в шляпе, корчит из себя интеллигента!); и, в-третьих, элементарная чёрная зависть при виде чужого самого простого везения или (не дай Бог!) — счастья! Увы, чьё-то персональное счастье вдруг превращается во всеобщее, объединяющее всех и вся — несчастье! И объединяются они, сбиваясь в стаи, теряя человеческий облик, обнажая жёлтые клыки ненависти и истекая розовой слюной бешенства!

Почему, спросите Вы? И это, видимо, самый сложный, но и самый ключевой вопрос, на который не так-то просто ответить коротко. Однако основной причиной, на мой взгляд, является их всеобщее и хроническое Несчастье, от которого человек тупеет, теряет людское обличье, превращается в безжалостного зверя, безжалостного не только ко всем окружающим, но, прежде всего, по отношению к самому себе. Отсюда — пьянство,

разврат, убийство и самоубийство... Увы, люди наши в большинстве своём несчастны и оттого жаль их до бесконечности, но я не знаю, как и чем можно исправить эту всеобщую беду! Стыдно и горько видеть всё это и не иметь возможности хоть чем-то помочь!..

“Рехнулась! Совсем рехнулась! Не понимает, чего несёт, где находится и с кем говорит! — пронеслось в голове у “величества”. — Несчастливая, ведь это явная оголтелая антисоветчина со всеми вытекающими последствиями! Провокация?.. Нет, не похоже! Истерика?.. Нет, это не истерика...”.

— Вы, наверное, решили, что я сошла с ума? — неожиданно как-то светло и доверчиво-грустно усмехнулась она, и тут же пелена обречённости едва заметной вуалью легла на её усталое лицо, — нет, к сожалению, я отчётливо представляю где, с кем, как и о чём говорю, и горько мне оттого, что это первый наш и, скорее всего, и последний разговор, вы уж простите мою, возможно, излишнюю прямоту, но Вы ведь сами хотели откровенности, и правильно, ибо в противном случае это бы вылилось в пустую бабью болтовню или формальное общение “для галочки”. Не скрою, Вы мне очень понравились и, пожалуй, Вы единственная, с кем я разговариваю с удовольствием и без опаски быть преданной, тем более, что если кто-то, скажем, даже и подслушивает (кто знает?), то ничего всё равно не поймёт из-за нашего английского. И потом (и это, пожалуй, самое главное!), сейчас мне просто по-человечески необходимо, чтобы хотя бы одна душа честно и до конца выслушала меня, пытаюсь понять и милосердно посочувствовать. Мамочка моя — безнадежно далеко, а мне — невыносимо тяжело...

Повисла долгая тягостная пауза, и каждый погрузился в собственные размышления, как бы получив своеобразный тайм-аут.

— Ну хорошо... и что же Вы хотите предпринять в сложившейся ситуации? Чего бы Вы хотели, на что рассчитываете?

— Мы бы хотели получить возможность быстрее уехать без каких-либо осложнений и компрометирующих записей в документах, чтобы я могла беспрепятственно трудоустроиться на новом месте и содержать семью, пока он не закончит учёбу в физкультурном институте. В том что он поступит, у нас нет никаких сомнений. Понимаю, будет туговато, но мы сдюжим. Я говорила об этом с директором, и он вроде бы и согласен, но не может уволить меня как молодого специалиста без отработки положенного срока, что поступило заявление его мамы, которое взято под контроль парторганизацией, оно будет рассмотрено на расширенном педсовете с участием вышестоящих организаций, где и дадут исчерпывающую оценку случившемуся и определят мою (вернее, нашу!) судьбу! Господи, как государственных преступников!.. — у неё задрожал подбородок и навернулись слёзы. — Ведь можно же по-человечески, по каким-то там семейным обстоятельствам, тем более что так оно и есть...

— Да, но вы ещё не муж и жена, насколько я информирована...

— Так пусть регистрируют нас хоть сегодня, ведь то, что ему до совершеннолетия всего-то каких-то полтора месяца — пустая же формальность, если учесть, что речь идёт о судьбе двух любящих, о судьбе молодой семьи! Ведь бывают же исключения в любых ситуациях! Так почему же все и всё против нас? И что это, если не чёрная зависть и подлая месть за чьё-то нестандартное счастье, за чью-то нерегламентированную любовь?!

— Ну-ну... Вы особо-то не горячитесь, так ведь можно Бог весть до чего договориться! Кто вам мстит? Советский народ, советское государство, власти?!! Не заговаривайтесь, милочка, не советую!

— Простите мою излишнюю горячность и глупую откровенность...

— То-то же! А советские законы на то и существуют, чтобы жить по ним и выполнять неукоснительно, и мы никому не позволим брать под сомнение их справедливость! Поэтому раньше нужно было думать, прежде чем бросаться в любовь, как в омут головой! Нужно уметь держать себя и свои чувства в рамках социалистической морали... — и тут она вдруг осеклась, как бы увидев мудрую сочувственную усмешку ПЕРВОГО, окончательно выбившую её из нравоучительной колеи. Она опасливо покосилась на “англичанку”, но та пришибленно молчала...

— Что ж, пора прощаться, — перешла она к завершению разговора, вставая из-за стола. — Не скрою, Вы произвели на меня весьма хорошее впечатление, тем более что я испытала истинное удовольствие от вашего английского. Такое, увы, у нас ещё крайне редко встречается и очень жаль, что встреча-то наша состоялась в связи с такими не очень, прямо говоря, добрыми обстоятельствами. Я подумаю, как и чем вам помочь, хотя, сами понимаете, возможности мои тоже не безграничны, тем более что и дело-то, к сожалению, зашло слишком далеко, став достоянием широкой общественности. Но вы не отчаивайтесь, может, что-то ещё и удастся сделать. Будьте здоровы, коллега, и крепитесь. Прощайте!

Когда дверь за “англичанкой” закрылась, она выждала какое-то время, затем, пригласив секретаршу, предупредила, что ей нужно побыть одной и что *ни для кого* её нет: “Даже на прямые звонки отвечать не буду. Понятно?”.

Оставшись одна, она выпила таблетку цитрамона и устало прилегла на небольшой диван в маленькой комнатке отдыха без окон, где помимо дивана был тесноватый шкафчик для одежды и умывальник с зеркалом.

“Удивительно, с чего это я так устала? То ли стареть начинаю? Да рановато вроде бы ещё! Но отчего же такая пустота и тревога в душе после разговора с этой девочкой?..

Впрочем, какая же она девочка? Нет, детскостью здесь никакой и не пахнет, это вполне зрелый и даже по-своему мудрый уже человек с такими глубинами, которые недоступны (увы!) и многим довольно пожилым уже людям.

Откуда же всё это в её-то возрасте, неужто результат только начитанности? Нет, одной начитанностью здесь не обойтись, ибо прочитанное — лишь сумма знаний, то бишь эрудиция и не более. А здесь не только блестящие аналитические способности, но и умение синтезировать познанное и осмысленное, умение складывать из разрозненных фрагментов связную, логически стройную мозаичную картину миропонимания со своими личностными характеристиками и глубокими выводами. И так восхитительно ясно и образно излагать!.. Нет, здесь налицо тонко организованная, талантливая индивидуальность, редкостная во все времена, а потому — бесценная!

В этом её бесспорное преимущество и, увы, столь же очевидная уязвимость, ибо она крайне беззащитна и ранима, я бы даже сказала,

смертельно ранимая, ибо абсолютному большинству и в голову не приходят те тонкости и сложности, из чего сплошь состоит её сверхчувствительная натура. И то широко распространённое хамство, та грубость и толстокожая бесчувственность в обычной для большинства дозировке, может оказаться смертельной для хрупкого мира такой личности. Такая нежная хрупкость и всякие там тонкости обычным людям просто недоступны и непонятны, а посему вызывают опасливое подозрение у тупого большинства и жёлчную зависть и раздражение у мало-мальски мыслящей части человеческого стада, легко превращающегося уже в злобную стаю с её непримиримостью и жестокими нравами.

Таких человечество безжалостно и поодиночке уничтожало всегда, во все времена! Вся История — сплошь кровавые пятна! Зато потом, умиротворённое жертвоприношением, то же самое человечество начинает скорбно причитать по им же убиенным, облизывая слёзы и сопли на окровавленной морде и устанавливая памятники собственной же кровожадности и ханжеству!

И вот ведь странность какая: казалось бы, следовало бы этому раннему меньшинству объединиться, чтобы хоть как-то противостоять общепринятому террору серости, ан нет, похоже, отсутствует напрочь у них чувство стадности, стыдно, видите ли, им объединяться в оборонительные стаи! И непонятно чего здесь больше: то ли мешает им их ярко выраженная индивидуальность, то ли явно сниженный животный инстинкт самосохранения, придающий им некий ореол жертвенности во имя повышенной духовности?

А может, и впрямь нельзя идти дальше чистым путём духовного восхождения, не оставив позади груз страха, ненависти, обид, зависти, ревности, жадности, трусости и жестокости; не избавившись от подлой привычки кого-то осуждать и обвинять, от липкого плена сплетен и губительного тлена лени, от повседневной лжи и животной похоти; не простив без чувства мести чужой слабости, подлости и предательства, словом, всего, что и составляет низменную основу нашего земного нынешнего бытия, от которого нам никак не уйти в течении жизни. Невозможно, да и не нужно уходить от всего предлагаемого жизнью, для чего нам, собственно, и дано физическое тело со всеми необходимыми органами, мозгами и чувствами. И не требуется от нас прятаться от соблазнов по норам, скитам да монастырям, искусственно умерщвляя Богом данную плоть, ибо мужественно пройдя назначенный жизненный путь, постичь уроки земной жизни во всех её проявлениях, найти, распознать и выполнить своё предназначение в этом своём воплощении — вот главная наша задача. А сверхзадачей является, — пройдя сквозь все соблазны, испытания и препятствия, не упасть, не испоганиться, не оскотиниться, а напротив, возвыситься Духом, прибавив хотя бы маленькую, но обязательно **светлую** чёрточку к тому, с чем ты явился на свет Божий...

Но... но сколько мужества, сколько жертв самоотречения, сколько силы Духа, сколько мучительных поисков верного пути и горьких потерь, сколько безрадостных размышлений, сомнений и разочарований нужно пройти!..

А эта девочка, выходит, многое уже прошла и продолжает идти трудным путём Света! И когда только успела, ведь не только за её годы,

но даже за несколько жизней не пройти-достичь такого уровня! Тут призадуматься... А ты гадаешь: откуда в ней вся эта премудрость, чистота и высота!..

Таким надо помогать! Очень хочется помочь. Только чем же я могу помочь практически?! Тут надо хорошенько подумать. Так, попробуем нащупать приемлемые варианты...

Во-первых, нужно срочнейшим образом официально узаконить их отношения, чтобы выбить почву для грязных сплетен и измышлений. Семья — ячейка государства, и тут никто не сможет посягать на их союз! Так? Так! И, в принципе, сделать это не так уж и трудно, намекнув на желательность такого варианта соответствующим органам. Это позволит сразу снизить остроту проблемы, и это — хорошо!

Затем параллельно необходимо каким-то деликатным способом повлиять на мамашу забрать это дурацкое заявление, обезвредив тем самым жаждущих мести или расправы, что в принципе, одно и то же!

Итак, сперва нужно сделать всё, чтобы спустить дело на тормозах, потом посодействовать тихому увольнению без компрометирующих записей в документах, чтобы дать возможность благополучно трудоустроиться где-нибудь в другом городе, ибо здесь уже всё безнадежно испорчено. И тут уже я пас...

Да, задачка не из лёгких, и мне самой вряд ли удастся выполнить её своими силами. Придётся заручиться поддержкой моего нынешнего шефа, который вроде бы не похож на излишне скандального мужика, тупо упёртого в свою партийную принципиальность функционера. Неплохой, похоже, мужик. Поглядим. Ведь это будет первым нашим настоящим деловым контактом, тем более по такому щекотливому поводу. После обеда нужно будет сходить к нему, хорошенечко аргументировав свою позицию”.

И она не поехала обедать домой, а спустилась в горкомовскую столовую, чтобы выиграть время для размышлений...

— Здравствуйте, здравствуйте, коллега! — галантно приветствовал приподнимаясь над столом и делая приглашающий жест пожилой первый секретарь горкома. — Мне сказали, что вы слегка занемогли, а вы, я вижу, всё так же хороши! А я по-стариковски похвастал уже ПЕРВОМУ о наших с вами вчерашних достижениях, — и, улыбнувшись не без ласковой лукавинки, уселся в кресло.

“Вот это да... лихо работает служба слежения и информации! — слегка растерялась от неожиданности она, — тут нужно уши держать остро, чтобы не попасть впросак! Кто же такой торопкий-то, а? Секретарша? Ладно, разберёмся!” — мстительно подумала про себя, а вслух скромно поблагодарила шефа и сразу же перешла к делу, рассказав об утренней встрече, стараясь, чтобы всё выглядело по возможности в наилучшем свете.

Основной аргумент: талантливый педагог, отличный специалист с великолепным английским языком, светлый человек! Словом, нужно помочь тем-то и тем-то, но потребуется помощь начальства и поддержка, ибо пока ей не хватит ни авторитета, ни опыта, ни знания людей...

В общем, помогите!.. SOS! — одним словом.

Всё это время, пока она немного сбивчиво от волнения, эмоционально, но и достаточно толково излагала суть дела, он сидел молча,

внимательно слушая не перебивая, сосредоточенно сдвинув брови и поджав губы, и было непонятно его отношение ни к происшествию, ни к ходатаю. Этой непробиваемой маске он обучился за долгие тяжкие годы каторжной работы на руководящих постах, так называемого среднего звена партийного аппарата.

А когда-то начинал он простым учителем истории, вбивавшим в пустые головы нерадивых учеников смутно-предвзятые, тщательно подтасованные славянофильские легенды от лукавого Нестора до угодливого Карамзина.

Он уже тогда понимал всю предвзятость и научную несостоятельность этого лживого, абсолютно протитуированного предмета, именуемого историей, которую каждый народ, каждое государство, каждый режим всеми правдами и неправдами пытается тянуть на собственную задницу, как короткое одеяло. До объективности ли тут?..

Теперь же он был прожжённым функционером, одним из немногих чудом уцелевших в кровавой мясорубке немилосердно-чудовищных довоенных, военных и послевоенных сталинских чисток. Так что новейшую историю он не только знал назубок, познав её на своей шкуре, но и досконально понимал всю её подлую неприглядность, поскольку сам участвовал в её создании.

Ему оставался год с лишним до причитающейся персональной пенсии союзного значения, и оплошать здесь было бы крайне непредусмотрительно по отношению к себе и своей немногочисленной семье, благополучие которой находилось в прямой зависимости от его служебного положения. Он это чувствовал шкурой, и не было в мире ничего такого, во имя чего он бы позволил себе хотя бы малейший риск.

“Как сапёр над хитрой миной!” — мысленно горьковато подшучивал он над собой ежедневно, одновременно как бы постоянно держа себя в боевой готовности номер один! Внимательность и осторожность всегда, во всём и со всеми!

Назначение молодой и красивой женщины в свой аппарат на должность отраслевого секретаря горкома, да ещё протеже ПЕРВОГО, он вынужден был принять с выражением почти отеческого радушия, хотя внутри противно скребли кошки: “Ничего хорошего не жди... одни осложнения, мать иху так! Тут глаз да глаз! Тем более вон как поглядывает шеф на эту кралю-то... только меня-то не проведёшь! Хорошо ещё, ежели не начнёт по ретивой молодости фортели разные выкидывать с оглядкой на покровителя! А если всё же приспичит?.. Забот не оберёшься! Словом, не было печали, — черти накачали!”.

И с первых же её слов он с тоскливой досадой понял, что дурные предчувствия были не напрасными: печали тут как тут и, похоже, нешуточные, — вон как дела закручиваются! В принципе, её желание помочь было по-человечески правильной, симпатичной и даже похвальной позицией. И, в общем-то, всё это было вполне логично и осуществимо, хотя и не без некоторых существенных трудностей, для решения которых можно было бы тактично использовать властные возможности ПЕРВОГО. Но... по своей неопытности она не учитывала одну важную особенность человеческой природы. Страшную особенность, подлую особенность обывателя, которую он изучил и знал доподлинно, испытав не раз её разъедающе-ядовитую слизь на собственной шкуре. И дело здесь

совсем не в том, что обыватель так уж вреден сам по себе. Нет, внешне он ни чем не хуже всех остальных земных тварей. Более того, зачастую он достаточно безвреден и даже добросердечен в своей среде, пока не встречается на его пути что-либо светлое, благородное, несвойственное его жизненным понятиям, и оттого — непонятное, вызывающее раздражение, досаду и ожесточение, ибо всё это воспринимается как угроза его существованию. И тогда он борется беспощадно любыми дозволенными и недозволенными методами, особо не утруждая себя ни милосердием, ни угрызениями совести, потому как иной способ самоутверждения ему неведом. И самым испытанным и излюбленным приёмом утвердился анонимный донос, щедро приправленный демагогическими сентенциями любого верноподданного, якобы искренне болеющего за правое дело. За годы советской власти такая форма борьбы стала угрожающе популярной и настолько иезуитски-изошрённой, что могла представлять смертельную опасность для любого гражданина этой несчастной страны, независимо от его мировоззрения и занимаемого положения на иерархической лестнице. Сколько честных людей погибло. И каких людей! А тут эта красивенькая девчонка, из-за которой можно погореть ни за грош! Против лома — нет приёма!

Но спокойно, спокойно... хорошенько подумай, прежде чем что-либо предпринять.

Итак, отказывать напрямую не стоит: мало ли что, ведь за нею маячит внушительная фигура ПЕРВОГО, и неизвестно как могут повернуться дела, а мне сейчас любые осложнения не нужны. А посему, будет правильнее для видимости вроде бы и согласиться поначалу. Но затем, как бы размышляя вместе, следует подвести её к якобы “самостоятельному” выводу обо всех возможных последствиях любого опрометчивого шага и оставить один на один перед личным выбором дальнейших поступков. Ну что ж, похоже, правильно. Теперь важно всё это подать в достойном виде под сладким соусом понимания её благородства и искреннего сочувствия...

Терпеливо дождавшись пока она иссякнет, он выждал соответствующую паузу, приличествующую глубоким размышлениям справедливой мудрости и искреннего сочувствия, и уж затем тихо и как бы раздумчиво заговорил, тщательно подбирая слова.

— Честно говоря, когда я узнал о вашем намерении лично встретиться и поговорить с виновницей всей этой катавасии, первым моим желанием было отговорить вас от этого, возможно, опрометчивого шага...

У неё округлились глаза от невольного удивления: “И это он знает!..”.

— Не удивляйтесь, пожалуйста, — это моя прямая обязанность руководителя внимательно отнестись особенно к первым шагам нашего работника, — спокойно и твёрдо продолжил он, — тем более вашего ранга. Так вот, поначалу я как бы удивился и почти воспротивился такому повороту событий, но, подумав, пришёл к выводу, что ничего страшного в этом нет, а желание сотрудника досконально разобраться в непростой и даже скандальной ситуации вполне похвально. Хотя, честно говоря, мне не совсем понятны истинные мотивы вашего поступка. Впрочем, вполне возможно, что тайным лейтмотивом могли послужить какие-нибудь сугубо личностные позывы непостижимой женской души... — тут он неожиданно пронзил её *таким* всевидящим,

всепонимающим взглядом, что душа её беспомощно затрепетала в полумистическом ужасе: “Неужто ему всё ведомо и о ПЕРВОМ... Боже, какая же я *дура простодыря!*?”

“Ишь всполошилась-то как, красавица ты наша! Дошло, похоже... — мысленно по-иезуитски хмыкнул он, довольный своей проницательностью и результатом искусно проведённой “разведки боем”, — покладистее будет наперёд!” — А вслух продолжил в успокаивающем тоне: — Но не в этом дело, голубушка, не в этом... Сложность ситуации заключается в том, что, к сожалению, слишком широкий общественный резонанс и слишком скандальный характер приобрела эта история. Настолько слишком, что уже просто стала неуправляемой. Вроде той, когда, скажем, опытный хирург, на девяносто девять и девять десятых процента знающий смертельный диагноз, обязан вскрывать больного, не имея ни шанса, чтобы хоть чем-то помочь. Таковы, увы, неумолимые законы нашего непростого земного бытия! Это, во-первых.

Во-вторых, вы сами отлично понимаете, что для успешного решения всех возникших проблем наших с вами сил — явно недостаточно и что неизбежно потребуется подключение вышестоящих инстанций. А сделать это, уверяю вас, будет довольно сложно, да и небезопасно, учитывая щепетильность ситуации. И вот почему. К примеру, в том, что любые наши действия в этом направлении не замедлят вызвать огромный поток гневных жалоб во все инстанции (вплоть до самых высших!), можно не сомневаться. Можно предугадать даже характер формулировок: “разврат советской молодёжи и моральное разложение нынешних педагогов”, “сокрытие и потворство местными органами” ну и так далее. И самое неприятное, что ни одно из них ни вы, ни я и никто другой практически не сможет аргументированно опровергнуть. А это значит — признать покорно и целиком взвалить вину на себя. И не за чью-то там провинность, а за своё опрометчивое сердоболие! И это будем не только мы с вами, но и вся цепочка лиц, вовлечённых в реализацию ваших вполне бескорыстных и добросердечных планов. Это, надеюсь, понятно без комментариев.

Но и этим, увы, дело не ограничится, ибо мы с вами номенклатурные работники партийного аппарата, с нами в своё время проводились соответствующие собеседования и кто-то из высокого начальства брал на себя ответственность, давая рекомендации или накладывая одобрительные резолюции. Аппарат, одним словом, где все рабочие детали взаимосвязаны и взаимозависимы.

И об этом мы должны помнить всегда при каждом своём шаге, чтобы не подвести других и, естественно, себя, ибо никому не понравится нести суровую ответственность за чьи-то ошибки! Серьёзность последствий тоже, надеюсь, очевидна...

Так что теперь, когда я в самых общих чертах обрисовал вам ситуацию, думаю, вы, ещё раз трезво взвесив всё “за и против”, примете разумное и, уверен, **ответственное** решение.

Вернувшись от шефа, она долго сидела в оцепенении, медленно приходя в себя после пережитого потрясения. Нет, ничего нового она не услышала, всё это было ей известно и без него, но... но теперь она чувствовала себя словно в шкуре тайного агента разведки, только что оказавшегося на

границы провала из-за собственной поспешной опрометчивости. Подумать только, она-то ведь считала себя в полной безопасности, а оказалось, что вся её подноготная как на витрине!.. Страх, безотчётный и пронзительный страх лишил способности думать, подавил волю, выдавив изнутри лишь отчаянное желание жить. Жить прежней, как вдруг выяснилось, беззаботно-радостной жизнью, восхищаясь и любясь собой, своей талантливостью и удачливостью; жить такой внезапно возникшей, такой желанной, такой прекрасной, но и такой **опасной** любовью!

Тут она вспомнила тот самый “рентгеновский” взгляд шефа, и чувство опасности возросло многократно, напрочь парализовав душу и наполнив каждую клеточку её изумительного тела такой неимоверной тяжестью беззащитности, что, казалось, уже померкла и сама жажда Жизни! Ужас, леденящий ужас сковал всё!..

И только через какое-то время к ней стало возвращаться самообладание, вернулась способность мыслить более-менее связно. И теперь уже здоровый инстинкт самосохранения вдруг заговорил с удесятёрённой силой. В голове кружились-вертелись разные мысли вперемежку с всплывающими фрагментами фраз не только шефа, но и той злополучной девчонки, из-за которой и возник весь этот сыр-бор, однако основным камертоном было досадливо-опасливое: “Мне-то зачем всё это! Почему и во имя чего должна я подставлять свою (и не только свою!) голову, пропади оно всё пропадом!?”..

И тут в тишине кабинета, очертания которого внезапно стали как бы таять в некоем мистическом призрачно-зыбком мареве, вновь зазвучал печальный голос “Сольвейг”: *“ибо любовь — это и есть то самое Счастье, о котором говорят и мечтают люди со дня их сотворения, отказываясь во имя этого от многого, включая самую безбедное райское существование, а не то что какой-то там карьерный рост, репутация и всё остальное!..”*

Только теперь слова эти вызвали уже не прежнее сочувственное согласие, но внутренний протест: “Тебе легко вещать всё это со своих позиций, а попробовала бы ты...”, и в то же время кто-то внутри тихо и твёрдо отстаивал их убийственную правоту. И именно это, как ни странно, вызывало душевное ожесточение вперемежку с чувством непонятной, но и такой очевидной вины...

... *“И теряется Великий Инстинкт Любви, и превращается этот великий Дар Божий, это благородное орудие отбора, эволюции и совершенствования в убийственно примитивное половое чувство, неуклонно ведущее к неизбежному физическому и нравственному вырождению... А это чудовищное предательство не только самих себя и своих близких, но и всего Мироздания и самой Божественной Красоты Жизни!.. Да что я Вам всё это говорю, ведь Вы сами знаете и чувствуете это не хуже моего, а может, во сто крат тоньше и глубже! Такая, как Вы, — не может не любить, не может хитрить и выгадывать, предавая тем самым Любовь!”*

“Такая, как Вы, **не может**, видите ли, предать Любовь!” — машинально, как в бреду, злобно вслух передразнила она патетику “Сольвейг”, и в то же мгновение ужасная мысль безжалостно опалила её сердце, — а ведь именно этим-то ты, милочка, только и занята всю свою подлую жизнь, начиная сухим расчётливым замужеством и кончая своей

жалко-трусливой любовью к ПЕРВОМУ!.. — отчаянно вопила кровоточащая душа её, — **может, может и ещё как может!!!**

Она бессильно распласталась в кресле и вдруг горько расплакалась навзрыд долгими безутешными слезами. Когда слёзы иссякли, в её воспалённом сознании и истерзанном сердце неожиданно возникло такое гадливое чувство отвращения к себе и захлестнула волна такой шершаво-жёсткой неприязни к доверительно-безжалостным словам и искренним глазам этой несчастной, что она мучительно застонала в яростном бессилии: “Подлая, подлая... да, да, да, подлая, несчастливая, нелюбимая, **не то что ты!**” — ожесточённо бормотала она, обращаясь к “Сольвейг” с бессильным вызовом.

... “И что это, если не чёрная зависть и подлая месть за чьё-то нестандартное счастье, за чью-то нерегламентированную любовь?!” — резанул по живому последний, итоговый вопрос “Сольвейг”, поставив жирную точку в её лихорадочных размышлениях и адских прозрениях. Только теперь вместе с болью вдруг пришла глубоко сидящая, но и неизбывная отныне душевная тоска, породившая губительную усталость тупого безразличия. Видимо, автоматически сработал некий защитный механизм Великого Инстинкта Самосохранения...

Она прошла в комнату отдыха, тщательно привела себя в надлежащий порядок, придирчиво оглядела себя в зеркале и... и успокоилась окончательно.

Всё теперь встало на свои места, а изнутри словно поднялась какая-то стальная стена, как бы холодно отрезав все эти изнурительно-опустошающие эмоции от суровой реальности бытия. Привычно-призывно зазвонил телефон, в окна ворвались жизнеутверждающие звуки городской жизни, и кабинет вновь стал прежним уважаемым рабочим местом секретаря горкома, словно высвободившись от морока неведомых губительных чар.

“Жизнь продолжается, и нечего маяться дурью, голубушка!” — вспомнила она ласково-снисходительное обращение шефа и, вызвав заведомо, кратко и сухо скомандовала: “Проводите свой педсовет!”.

В южном городе стоял летний, но по-осеннему неприветливый, холодный и дождливый день. Учитывая разные обстоятельства, расширенное заседание того рокового педсовета было назначено на вторую половину дня, тем более что всё было уже заранее обговорено, тщательно продумано и подготовлено, а посему ничего не предвещало каких-либо осложнений и задержек. Ну максимум час или два на всё про всё...

— Товарищи! — голос “химички” прозвучал как-то особенно значительно и в наступившей напряжённой тишине почти скорбно-трагично, как на гражданской панихиде, отчего у собравшихся дрогнули и сжалось тоскливо сердца. — Мы собрались сегодня, чтобы совместно рассмотреть заявление гражданки... (и все головы разом повернулись в сторону матери, неловко примостившейся на конце принеённой деревянной скамейки и неуютно съёжившейся то ли от устремлённых взглядов, то ли от холодка официальности слова “гражданки”), родительницы нашего ученика. В совместном заседании педсовета,

партячейки, профсоюзной и комсомольской организаций нашей школы принимают участие: завотделом горкома партии товарищ..., представитель горно... и завотделом горкома комсомола... Позвольте зачитать указанное заявление...

“Химичка”, тщательно подбирая и старательно расставляя, произносила слова так, чтобы всем была очевидна её строгая серьёзность, её кристально-честная справедливость и мудрая рассудительность. Это был её *тот самый* долгожданный звёздный час, когда все должны были, услышав сердцем и внезапно прозрев, покаянно устыдиться того, как безответственно проглядели в её лице такого мудрого и незаменимого лидера, руководителя, а, быть может, даже и вождя! Конечно же, сугубо местного, и *только местного* и крохотного значения, чтобы (не дай Бог!) никто не углядел в том даже малейшего покушения на авторитет.. ну, сами знаете кого! Свят, свят, свят!

В строгом чёрном костюме с гладко зачёсанными волосами и смертельно поблёскивавшем пенсне она действительно напоминала мрачно-ватую древнегреческую богиню возмездия Немезиду коммунистического разлива, и когда она металлически-бесстрастным голосом членораздельно произносила “бес-пр-ре-це-дент-ный” или “не-тер-р-р-пи-мый”, то всем слышался зловеющий звон гвоздя и устрашающий хруст несчастной провинившейся плоти, пригвождаемой к позорному столбу! Ей определённо нравилась роль общественного обвинителя, что-то вроде товарища Вышинского, пусть даже на местном, так сказать, уровне.

Да, это была её роль, её коронный выход! И когда она по-царски величественным обличительным жестом указывала на “обвиняемую”, все головы послушно, как по команде, поворачивались в сторону маленькой фигурки несчастной, окаменевшей на другом конце той же скамейки, где примостилась и “гражданка”. И несмотря на то что сидели они всего лишь на расстоянии вытянутой руки, их, казалось, разделяла неодолимая пропасть, хотя обе они, честно говоря, чем-то неуловимо были похожи на двух понурых *подельников* (как бы объединённых, если и не общим преступлением, то хотя бы одной совместной бедой), оказавшись на одной “скамье подсудимых”.

А “высокий суд” разошёлся не на шутку, с лёгкой руки “химички” резво набрал обороты и быстро превратился в безудержное судилище!..

Физрук (по неискоренимой школьной привычке завсегдажая последней парты, со временем превратившейся почти в жизненное кредо) сидел в своём излюбленном углу подальше от бдительных глаз руководства, зато все остальные были у него как на ладони, и теперь он холодно прищуренными глазами молча наблюдал за разворачивающимися событиями.

Одна за другой вставали все эти “учителки”, как он опять же по давней школьной ещё привычке (вот уж воистину: все мы родом из детства!) называл про себя своих нынешних коллег, каждая из которых считала своим долгом кинуть свой полновесный камень в голову провинившейся “англичанки”, вызывавшей жёлчное раздражение и поголовную бабью зависть своей непростительной молодостью, умопомрачительной красотой и слишком уж очевидным педагогическим талантом.

Как из канализационной трубы изливались на хорошенькую головку несчастной всяко-разные гневно-обличительные слова вроде таких, как *“под маской советского педагога скрывалась похотливая личина растлителя нашей замечательной молодёжи”*, или *“нет предела циничности этой распутной особы, предавшей идеалы социалистической педагогики и коммунистической морали”*, или *“так низко опустить и бессовестно изгадить кристально-чистый облик советской женщины”* и так далее, ещё более распалые вседозволенностью начальства.

Ему вдруг вспомнилось, как летом в деревне во дворе у бабушки невесть от чего вдруг занемогшую несущую, бессильно распластанную в пыли, стали безжалостно клевать её же товарки по курятнику, мигом раскровенив гребешок, выклевав глаза и оставив умирать в одиночестве, чем тут же не преминул воспользоваться толстый рыжий соседский котяра, утащивший бедняжку в кусты терновника за огородом, избавив её от долгих мучений. Это настолько потрясло его ребячью душу, что с той поры он возненавидел этих таких безобидных с виду и вроде как привычных домашних птиц...

— У-у, сучки-вонючки! — злобно и неслышно процедил он сквозь плотно стиснутые зубы в адрес не в меру раскудахтавшихся блюстительниц морали, и желваки напряглись под кожей скул. — Курицы мокрохвостые! — уточнил он тут же, под свежим впечатлением детских воспоминаний, и презрительно-холодный прищур его с ненавистью переходил с одной на другую, как смертельное перекрестие в оптическом прицеле снайпера...

— А что притихли наши мужчины и что думают они по поводу всего этого? — с нескрываемым самодовольством победительницы и с покровительственным сарказмом торжествующей справедливости обратилась “химичка” к скорбно молчащей мужской троице их педагогического коллектива, давая тем самым понять разошедшимся коллегам-женщинам: хватит, мол, на сегодня; спасибо, конечно, за усердие, однако пора бы и честь знать...

Физрук спешно “заныкал” свой “оптический прицел” и тут же благо-разумно потупился, дабы не видеть безжалостного блеска пенсне “Берии”.

Седовласый директор в это время с подчёркнутой тщательностью отсчитывал капли валокордина в гранёный стакан, всем своим видом как бы говоря о бестактности и несвоевременности подобного вопроса в свой адрес.

И только кавторанг сосредоточенно помолчал, словно что-то взвешивая, затем медленно, но решительно поднялся, тяжело опираясь на инвалидную трость и по флотской привычке одёрнув китель, спокойно и строго оглядел присутствующих, как бы заново открывая кое-что для себя. Все притихли и замерли в уважительном ожидании...

“Химичка” что-то почтительно зашептала на ухо заведомо горкома, видимо, авансом представляя этого сурово-импозантного мужчину-фронтовика (несбыточную мечту всей бабьей половины педагогического коллектива!), и одновременно как бы демонстрируя всем присутствующим свою приближённость к “высокому начальству”.

— Спасибо, что напомнили мне о том, что я мужчина... — как-то неопределённо, словно обращаясь к самому себе, глухо проговорил он, застёгивая последнюю пуговицу у стоячего воротничка изрядно выцветшего уже когда-то чёрного капитанского кителя, со следами от былых погон, шевронов и нашивок ранений, на что с поспешной готовностью поощряюще-понимающе улыбнулась из-под пенсне и нетерпеливо закивала гладко зачёсанной головкой довольная “химичка”: “Слушаем, слушаем вас!..”.

— Тут так много уже и о чём только ни говорилось, что я вроде как забылся, слушая своих коллег, многие из которых открылись, признаюсь, с непривычной, а то и совсем неожиданной стороны. Да-а... так вот и живём, значит, мы, казалось бы, рядом, работаем вместе и делаем-то вроде как одно и то же дело, а знаем-то друг друга мы, оказывается, самую малость. Можно сказать, почти совсем не знаем.

Да что там — о ком-то, о самом себе... самих себя-то мы не знаем, получается! И надо ж было случиться беде, чтобы, собравшись вместе, вот так открыться! Момент, так сказать, Истины, одним словом. Поучительно и грустно почему-то!

Так что ж за беда такая собрала и так переполошила нас сегодня? Видать, *немалая и такая*, что многих вывернула, что называется, наизнанку! А ведь нам, послевоенным, к бедам не привыкать, каждый из нас нахлебался сполна! Ан нет, поднялись как по боевой тревоге!

Вот и спрашиваю я себя, что же такого натворила наша с вами коллега?! Украла чего-то, убила кого-то, предала Родину? Нет. Нет, нет и нет!!! Ничего такого она не совершала. ОНА — ПОЛЮБИЛА!

Так в чём, спрашивается, криминал? Что ж тут нового и столь уж необычного? Ведь любой из присутствующих проходил через ЭТО и, надо полагать, кое-кто и не один раз. Такими уж мы созданы, и, если верить Ветхому Завету, нам так прямо и завещано: мол, любите, плодитесь и размножайтесь!

И вот тут у церковников — явная неувязочка. С одной стороны, вроде как САМИМ ясно и безо всяких экивоков сказано: ПЛОДИТЕСЬ и РАЗМНОЖАЙТЕСЬ, а с другой — соитие, видите ли, — грех великий!

А как иначе прикажете нам, грешным, исполнять Завет Создателя, ведь вегетативным способом — не получится, это вам хоть сейчас подтвердит и наша уважаемая коллега по предмету “Биология”. Да и всем вам это не в новинку. Не правда ли? Ну что вы смеётесь? Разве это не так? Так! А раз так, то так тому и быть. И никакой это не грех, а наша с вами обязанность, если хотите! А вы гневаетесь и, выходит, совсем-таки понапрасну!

Я чувствую, как мне кое-кто готов возразить: мол, дело не в том, что полюбила, а в том, что — своего ученика. Ну что ж, давайте спокойно разберёмся и с этим. Во-первых, нам, педагогам-воспитателям, как никому другому известна давняя истина: *любви все возрасты покорны*. И сказано это не мною (скромным учителем физики), а всемирно признанным авторитетом — Александром Сергеевичем Пушкиным, не даст соврать мне наша уважаемая преподавательница русской словесности. Не так ли? Ну вот, видите!..

Так что, если, паче чаянья, я вдруг влюблюсь в прелестную выпускницу школы имени Ломоносова и стану её счастливым избранником, то

никто особо, похоже, возмущаться не будет. Ну разве что кто-то покрутит у виска пальцем, мол, рехнулся совсем: сам в рогоносцы напрашивается! Седина в бороду — бес в ребро! Но никто и не подумает разбирать меня на педсовете, тем более на расширенном. А ведь разница в возрасте как минимум в тридцать лет! И ничего!

Тогда, позвольте вас спросить, отчего мы с вами так свирепствуем сегодня, тем более что разница в их возрасте всего каких-то семь лет. Но разве в этом их вина, разве они виновны в том, что *их родили без их ведома* и в разное время? Разве виноваты они в том, что она уже окончила институт, а он только школу? Конечно же, нет, и это понятно любому. Значит, не виновники они, а счастливцы, нашедшие друг друга, искренне полюбившие и по сути самостоятельно на свой страх и риск уже создавшие новую советскую семью — ячейку, как говорят, государства! И мы должны радоваться тому, поздравляя их как старшие!

Ах, молодость-молодость!.. Прекрасная пора, безумно счастливая пора постижения окружающего мира во всех его проявлениях, пора томления растущих тел и мятущихся душ, когда тебя безудержно влечёт неизведанное счастье соединения с той, кто навсегда останется для тебя единственной и неповторимой... Не знаю сам почему, но вот сейчас я вам скажу то, чего не говорил ещё никому, за исключением жены накануне свадьбы. Когда мне было шестнадцать лет, когда меня совсем уже замучили гормональные перекосы растущего организма, я тайно, как мне казалось, влюбился в молодую и ладную жену соседа, которая, при случае, не высмеяла, а ласково, спокойно и умело посвятила меня в великое таинство соития МУЖЧИНЫ и ЖЕНЩИНЫ! И, честное слово, в моей жизни есть три святыне женщины: это МАТЬ, давшая мне жизнь и взрастившая меня, это верная моя подруга — ЖЕНА, и ОНА — оставшаяся первой и неповторимой на всю жизнь! И я теперешний, уже вполне познавший цену жизни во всех её проявлениях, с глубокой нежностью и искренней благодарностью вспоминаю её доброе сердце и спелую щедрую женскую ласку. А ведь по закону вроде как следовало бы привлечь её к уголовной ответственности за соращение несовершеннолетнего.

Нет, не вписывается, выходит, жизнь в рамки Уголовного кодекса. И слава Богу, ибо люди мы, а не пустые бездушные винтики государственной машины, ибо не люди для машин, а машины для людей! Ну это уже, извините, немного из другой оперы...

Так что не стоит притягивать за уши и инкриминировать соращение, не стоит. Как не стоило так безответственно разбрасываться такими обидными и безжалостными словами. Вы уж простите мне моё возможное вольнодумство, сегодня мне порою казалось, что присутствую я на каком-то жестоком спектакле из средневековой жизни. Святая инквизиция, сожжение неудобных, аутодафе!

Так нельзя, коллеги! Мы же с вами вроде как должны нести “Доброе, Светлое”! А мы?..

И вы уж простите, но я не могу согласиться и позволить, чтобы на моих глазах, при моём молчаливом участии так глумились над моими друзьями-коллегами, даже если бы они в чём-то, как-то и провинились, потому что мы в любом случае *советские люди*, и именно за вас, за неё, за всех нас мы с вами насмерть бились с фашистской сволочью, не жалея ни крови, ни самой жизни! И мы умирали, чтобы не

топтал он земли нашей, чтобы не мог топтать наше право на жизнь, на любовь, на счастье...

И потому ничего подобного я не могу позволить себе ни как коммунист, ни как солдат, ни как гражданин своей страны! Простите за вынужденный, возможно, пафос! Я волнуюсь!.. — он вытер платком вспотевший лоб, выпил предложенный стакан воды и внимательно-медленно, как на утренней поверке, обвёл повлажневшим взглядом притихшую аудиторию.

“Химичка” была в шоке. Всё тщательно подготовленное, продуманное и почти уже осуществлённое было внезапно сметено, как ураганом... Что-то нужно было срочно предпринять... Но что? Она в растерянности глянула на представительницу горкома, ища поддержки, но та задумчиво молчала, глядя в стол, а когда “химичка” дёрнулась было, чтобы хоть что-то вякнуть, она незаметно предостерегающе взяла её за локоть. Всё это ясно видел кавторанг.

— Простите, что так длинно говорил и, возможно, утомил кое-кого, — просто, но весомо и многозначительно упали его слова в мигом установившуюся тишину, — но я уже заканчиваю с вашего позволения... Так что простите вы нас, простите ради всего святого, простите, простите... — как-то очень уж мягко и сердечно и как-то особенно ласково, трогательно-тихо и неожиданно для всех этот недоступно-подтянутый и даже суровый на вид седоватый человек обратился к совсем уже остекленевшей от позорной травли “англичанке”. А та вдруг горько и совсем как-то по-детски беззащитно расплакалась навзрыд!

Тут все совсем уже окончательно растерялись, и некоторые из тех, кто только что клял её последними словами, кинулись утешать, по-матерински уговаривая, обнимая и вытирая слёзы. Физрук как танк пробиравался сквозь бабы порядки со стаканом воды из директорского графина, отмахнувшись от призывавших к порядку воплей “химички”.

Когда же ей удалось-таки кое-как навести порядок, чтобы хоть как-то продолжить практически сорванное мероприятие, она, холодно блеснув пенсне, ледяным тоном человека, глубоко оскорблённого предательством, обратилась к возмутителю спокойствия: **“Надеюсь, Вы закончили теперь уже!”**. На что получила спокойное: “Нет, не совсем, но я готов завершить своё выступление с позволения присутствующих”.

— Пусть говорит.. Не мешайте человеку!.. Говорите, говорите!..

“Химичке” не оставалось ничего другого, как покорно и бесславно опуститься на своё, ставшее неуютно жёстким, место.

— В заключение я бы хотел извиниться перед вами, коллеги, что от своего имени и, надеюсь, и от кое-кого ещё, не спросив у них на то разрешения, извинился за только что содеянное нами зло, ибо коллектив наш не просто коллектив, а **педагогический коллектив**, и мы должны помнить об этом всегда, везде и перед всеми, ибо по нашим поступкам будут равняться и наши с вами ученики, и как же мы будем учить их сеять Доброе и Вечное, если сами будем делать обратное? И, кстати, кто-то сегодня заикнулся о совращении?

Констатирую: **сегодня** мы незаконно пытались самым недопустимо бесцеремонным образом вмешаться в интимные отношения двух совершенно равных нам и абсолютно суверенных членов общества. Я уже не говорю о нашей коллеге, я говорю о нашем **вчерашнем уже вы-пуск-нике** с аттестатом зрелости на руках. Подчёркиваю: именно **ЗРЕЛОСТИ**,

и аттестованном, кстати, **нами же**. Иными словами, мы с вами гарантированно представили нашему обществу нового полноправного гражданина, **вполне созревшего** для ратных и трудовых подвигов с правом выбора своей как общественной, так и личной судьбы. Так о каком совращении, извините, может идти речь? Да нас с вами засмеют, прежде всего, наши же ученики. И поделом старым ханжам, обучающим молодых справедливости и прочим премудростям, видите ли, жизни!

Единственно чем я сильно огорчён, так это тем, что аттестат-то мы ему выдали, а мужчиной, увы, не сделали! Иначе не стал бы он в **такой** момент прятаться где-то, а, воспользовавшись своим правом, встал бы грудью на защиту и не оставил бы своей возлюбленной на поругание, чего бы это ему ни стоило, даже если по чьей-то оплошности или злему умыслу его не пригласили. Плохой я педагог и никудышный воспитатель! Горько и стыдно мне...

— Здесь я, здесь! Вот я! — неожиданно громко прозвенел обиженно-взволнованный высокий мальчишеский голос, и в дверях возник юный принц в сверкающих доспехах! Все замерли!

Медленным уверенным шагом решительно прошёл он к поднявшейся навстречу любимой, при всех поцеловал в заплаканные глаза и, бережно обняв за плечи, сказал тихо, но клятвенно-весомо: “Прости, родная, прости мою бестолковую и последнюю мальчишескую нерешительность... Пойдём отсюда, и никто и никогда не посмеет отныне обидеть тебя!”.

Это произошло так неожиданно и быстро, так естественно и непринуждённо, что у всех от волнения перехватило дыхание, кавторанг, прерванный на полуслове, так и остался стоять с открытым ртом, а глаза онемевшей “химички”, казалось, стали больше её пенсне... Все молча провожали глазами беспрепятственно уходящих. И только уже в самых дверях, на самом пороге они разом обернулись на сдавленно-тихое и отчаянно-горькое, идущее из глубин разрываемого болью сердца: “Сыно-ок! А как же я, сынок!?”. Мать беспомощно протянула руки и вдруг рухнула на пол.

— Ма-а-ма-а-а!!! — рванулся сын, на ходу срывая курточку.

— Воды... валокордин! — словно с капитанского мостика, кратко и властно скомандовал кавторанг физируку. — Телефон... “скорую”! — директору. — Всем остальным покинуть помещение!..

Команды выполнялись молниеносно, как во время боевой тревоги. Запахло валерьянкой и нашатырным спиртом...

“Скорая помощь” прибыла на удивление скоро, будто только и ждала сигнала где-то поблизости. К тому времени мать привели в чувство, и дежурный врач, сделав внутривенный укол, приказал отнести больную на носилках в машину, разрешив только сыну сопровождать мать. Лишь в захлопывавшуюся дверь успел он махнуть любимой и укатил в тревожно-суматошную неопределённость дождливых сумерек...

Пользуясь суматохой, люди разбрелись кто куда, да и возвращаться после случившегося было почему-то противно.

Растерянная “химичка” ещё судорожно пыталась хоть кого-то как-то собрать, но — безрезультатно, ибо ситуация вышла из-под контроля окончательно.

— Оставьте! — устало махнула рукой завотделом. — На сегодня всё уже кончено. Неужели сами не видите?!

Кавторанг, едва уловимым жестом поманив физрука, тихо попросил проводить домой “англичанку”, неприкаянно-потерянную и совершенно убитую случившимся. Обречённо-одинокая, как забытая стайей раненая птица, обессиленно сидела она почему-то вновь на “скамье подсудимых”, словно теперь уже для неё иного места не было и не могло быть на всём белом свете, во всём, во всём беспредельном Мироздании...

... А она действительно пребывала в каком-то почти смертельном объятии абсолютного вакуума, как в невесомости машинально ступая по лужам, не слыша, что говорит и как ведёт её под руку физрук, бережно держа раскрытый зонт.

Едва добравшись до дома, со стоном повалилась на охнувший старенький диван. Физрук осторожно снял с неё промокшие туфли, заботливо укрыл пледом и хотел было разогреть чай, как она слабо выдохнула: “Спасибо... не нужно... идите... уже поздно”.

Поставив на тумбочку стакан воды, он включил настольную лампу и тихо ушёл, выключив верхний свет и прикрыв за собой наружную дверь. Она тут же провалилась в затягивающую черноту манящего небытия...

... Через какое-то время она очнулась и, словно вынырнув из неведомых томительно-сладостных глубин, долго пыталась понять, где и зачем она теперь, пока память услужливо не вернула её к ужасающему осознанию действительности. Это была “медвежья услуга”, ибо в то же мгновение лавина всеобщей травли, пережитой за последние дни, и унижительное позорище сегодняшнего кошмара безжалостно навалились вновь, перехватив дыхание и сжав сердце такой невыносимой тяжестью, что застонала она стоном смертельно раненного животного, исход которого, казалось, был уже предопределён и неотвратим. А воспалённая память продолжала терзать жёлчью слов немилосердных, жечь огнём презрительно-равнодушных взглядов, злобной категоричностью оскорбительно-грязных домыслов и бесконечной горечью бессильного раскаянья к его матери за причинённые страдания.

“А ведь ничегошеньки не знает ещё и моя!.. И ведь это только начало — всё ещё впереди!!! И зачем всё это, если ничего кроме невыносимого позора и нестерпимых страданий в этом самом ВПЕРЕДИ — нет?!! Неужели конец всему? Где же выход, как освободиться от всей этой грязи и мерзости?!!”.

Это уже было выше всех её сил, она почти по-звериному зарычала, вцепившись зубами в подушку, и бессильно заплакала от безысходности...

... Потом, выплавав все слёзы, она какое-то время пролежала в прострации, не слыша ни времени, ни чувств, ни собственного тела, потом, прошептав “Нужно уснуть, чтобы не сойти с ума...”, она достала флакон с люминалом, машинально отсчитала рекомендованную дозу, и тут внезапно из заоконного ночного мрака словно всплыли предостерегающие слова пожилой врачихи: **“Любая, самая малая передозировка может привести к катастрофе!”**.

И зловеще-стерегущее слово “катастрофа” каким-то непостижимым образом неожиданно вдруг трансформировалось в слово “свобода”, а то — выросло в желанное: “ОСВОБОДИТЬСЯ”!

— Освободиться, освободиться... — одержимо забормотала она, лихорадочно-торопливо отсыпав в ладонку полфлакона голубоватых таблеток и, запрокинув голову, запила половиной стакана воды.

— Вот и всё, всего и делов-то! — кто-то, едва сдерживая злую радость, сладостно зашептал над ухом. — Всё, — конец всем мукам и проблемам! Как всё оказалось просто и легко! А теперь спи... спи... спи-и-и... Спи спокойно, дорогой товарищ! — с неожиданной ядовитой издёвкой пропел тот же скрипучий голос и злорадно захихикал из надвигающейся темноты.

И уже с отрешённым спокойствием и с покорно-скорбной печалью неизбежности замерла она в оцепенении, стремительно погружаясь в убаюкивающую пучину вожделенного сна, как вдруг почувствовала, что кто-то будто бы толкнулся в её глубинах, словно тщетно пытаясь противиться надвинувшейся опасности! Это был первый и слабый сигнал бедствия, и в то же время такой явственный и отчаянный вопль о помощи доселе неведомого ей, но и, безусловно, бесконечно родного существа! Беспомощного существа, молящего о спасении!

Её полоснула страшная догадка, инициированная Великим Материнским Инстинктом Дарования Жизни! Спасти... спасти... спасти!!!

Но... было уже слишком поздно, безнадежно поздно, безысходно поздно!

Из последних сил дотянулась она до карандаша на тумбочке и на фанерной стенке вывела коряво: “Милый про...сти-и-и...”, пока окончательно не оборвался слабеющий след графита... Её последнее земное “прости”.

... Затем пришёл покой, великий покой Вечности...

... Старый верный пёс, долго и одиноко умиравший в своей будке у калитки, не смог поднять головы, чтобы скорбно взвыть, провожая уносящиеся людские души, и лишь слабо всхлипнув, устало закрыл слезящиеся глаза и уже навеки... Куда, в какие миры и измерения уходят-улетают души “братьев наших меньших”, наших верных друзей?..

... В городской больнице, куда доставила мать и сына машина “скорой помощи”, сделали ЭКГ, дали какие-то таблетки и уже ночью отправили домой на дежурном автобусе с диагнозом острого приступа стенокардии, строго наказав сыну быть у постели больной. Виновато избегая сына взглядом, крайне утомлённая мать уснула моментально, а он так и не сумел уснуть, прислушиваясь к её дыханию и как бы заново осмысливая пережитое. Тревога о любимой, оставшейся одной в такой момент, терзала его, и он готов был рвануть к ней в любой момент, если бы... Что же делать?..

А тут ещё часа в четыре, в самое глухое время ночи, сердце его вдруг сжала такая смертельная тоска, что он сначала кинулся было к матери, но, услышав её ровное дыхание, застонал от боли дикого предчувствия, мысленно моля Бога, чтобы не оставил Он милостью его единственной!.. Места себе не находил от изнурительной парализующей тревоги...

Едва забрезжил рассвет, как прибежала перепуганная мать и подружка, каким-то непостижимым образом узнавшая о случившемся несчастье (о, этот всемогущий и вездесущий “глухой телефон” провинциальных городков!). Оставив мать на её попечение, по пустынным сонным улочкам припустил он к любимой, не разбирая луж и переполошив задремавших городских дворняг.

Наконец, влетев в калитку, едва не наступил он на вытянутую лапу недвижимого пса (совсем одряхлел служивый?) и рванул наружную дверь, из которой с диким воплем вылетел насмерть перепуганный котёнок, подаренный хозяйкой в те ещё безмятежные времена.

— Вот приспичило бедолаге! — сочувственно удивился он, вступая в покойную тишину комнаты.

Милая тихо спала, вытянувшись на правом боку и натянув плед на голову.

— Намааялась бедняжка, ну ничего, сейчас я тоже прикорну, а то сил уж никаких! А там — разберёмся: утро вечера мудренее!

И он совсем уж было начал стягивать с себя всё мокрое, как взгляд его упал на несколько рассыпанных знакомо голубоватых таблеток! Сердце толкнулось дурным предчувствием...

— Полфлакона!!! Не может быть! Господи, да что же это такое!!!

Он порывисто склонился к её изголовью и, не услышав дыхания, приподнял уголок пледа...

— А... А... А... А! — внезапно ударил в низкий потолок истошный вопль звериного отчаяния и так же внезапно оборвался, словно захлебнувшись...

... Полураздетый сидел он на полу, бессмысленно мотая головой и отчаянно цедя сквозь плотно сжатые зубы: “Нет!.. Нет!.. Нет!”.

— Что же я сижу? Нельзя терять ни секунды! Искусственное дыхание “рот в рот”!.. — вспомнил он, перевернув её на спину и закинув голову, ... а там — сплошная пена!

— Врача, нужно немедленно вызвать “скорую”!.. Телефон! Где ближайший телефон!? Да откуда ж быть здесь телефону, будь всё оно проклято!?? Пульс?.. Холодная безжизненная рука!.. Неужто — ВСЁ?!!

И это безнадежное “ВСЁ!” вдруг безжалостным ножом вошло в его сердце, дважды повернувшись и пронзив мозг тонкой холодной иглой, словно выкачало все жизненные силы, не оставив ничего, кроме неодолимого стремления присоединиться к милой немедленно, **где бы она ни находилась!**

— Я сейчас, сейчас... не уходи, подожди... — безумно шептал он, лихорадочно отправляя в рот оставшиеся таблетки, — так, теперь — водичку... Вот теперь и всё... подожди меня... подожди, милая... подожди, родная, я сейчас, сейчас... — нежно уговаривал он, целуя её волосы, примостясь рядом и прижимая последним смертным объятием...

Хрупка, слишком хрупка штука эта — жизнь человеческая!

... А за заплаканным окном вновь полил холодный дождь, и сиротски жалкий рассвет безуспешно пытался пробиться сквозь слежавшуюся толщу хлябей небесных...

Тихо-тихо, неприметно тихо, как бы крадучись, словно тать, прячущий концы в воду, схоронил город им убиенных под ветхой кирпичной оградой в самом дальнем, давно уже заброшенном уголке старого городского кладбища, где густой колючий терновник сплошной стеной словно бы специально отгородил тихую зелёную полянку, о которой знали лишь подслеповатый замшелый кладбищенский сторож и его рыжий внук, проживавший с дедом, поскольку не видел своих родителей, почитай, с самого дня своего рождения.

По просьбе обеих матерей и с молчаливого согласия властей уложили их рядышком в одной могилке, чтобы, значит, не расставались они и здесь в своём новом их скорбном обиталище.

Город поговорил-пошептался малость, а потом постарался и вовсе забыть об этом, и только какое-то время две скорбные фигурки в чёрном приходили посидеть-поплакать на низенькой скамейке из двух полешек и досточки, сварганенной сердобольным сторожем у безымянной семейной могилы. Потом и они куда-то подевались. Кто ж их знает!

Тем более что над провинциальным этим городком, как и над всей этой необъятной bestолковой страной, вскорости пронеслись такие события, о которых поначалу говорили только шёпотом да с оглядкой, мол, врагами-то оказались сами наши — страшно сказать — вожди. Потом и вовсе началась настоящая свистопляска: приходили и уходили другие всяко-разные вожди, генсеки и президенты, которые довели страну и народы до точки.

Оказалось, что не только светлый коммунизм не сумели построить, но и социализма-то не получилось с “человеческим лицом”. Срам-то какой на весь свет!

А потом и вовсе всё пошло-поехало вкривь и вкось: сплошь суверенитеты, и недавно ещё братские народы стали рвать друг другу глотки, теперь уже ради строительства капитализма на основе рыночных отношений взамен, значит, человеческих... Да ну их всех в... светлое, так сказать, будущее!

... А могилка та безымянная просела слегка, а потом и вовсе заросла буйной травушкой, благо топтать её здесь вообще стало некому, потому как помер старый дед, а внук его рыжий укатил куда-то на заработки, а кроме их никто сюда тропки заветной среди терновника и не знал. А потому — здесь вечный покой и красота нетронутая. Лучшего места для влюблённых и не придумать!

Только вот сразу после их гибели перебрался сюда тот самый соловей-соловушка, что пел им под окошком теми когда-то счастливыми ночами. Потом, видать, обучил он своим звонким трелям да коленцам детишек своих, похоже, оставив завет воспевать во все времена Красоту и Верность человеческой Любви.

Божественный Дар!

Оставить-то оставил, а сам, видать, тоже помер (тоже ведь тварь живая!), да только кто ж хоть раз видел, как кончается птица певчая, если, конечно, придурок какой-нибудь не подстрелит из *мелкашки*...

Однако, как бы там ни было, только с тех пор лунными майскими ночами, когда в сладко цветущих просторах планеты неистовствуют любовные страсти всего живущего, над всеми забытой безымянной могилкой неумолчно звенят такие замысловатые да чистые рулады, что, кажется, будто катятся вскачь по земле звонкие хрустальные горошины, радостно возносясь по лунной дорожке в дали небесные и разнося по всей вселенной наш незатейливый рассказ о такой вот радостно-печальной провинциальной истории.

Только какая ж тогда это “безымянная могилка”, спрашиваю я вас, если о ней известно во всём Божьем Мироздании? А?

То-то же!

Алма-Ата, 16 мая 2006 г.

Любовь ФЕОФАНОВА

“Читаю снова Пушкина...”

... А те, пред кем
Мои строчки встают на колени, —
Рвутся из душевного плена
Полок, обложек и тем.

Анны ли вздох?
Пушкина? — слышу на волю просят...
Божественная многоголосица —
Над прахом сгоревших эпох.

Он был для мира вспышкой кометы...
А для России — главной звездой,
К которой тянутся строкой поэты,
Затравленные той же суетой.

О как она бывает беспощадна! —
Выстуживает души, валит с ног...
Встречает их не у крыльца парадного,
Двойной за право “быть” берёт оброк.

И лишь одно ей всё же неподвластно:
Не иссушить, не замутишь родник,
К которому великий Пушкин страстно,
Томимый жаждой творчества, приник.

России звёздный лицеист

1

Он нелюбимым рос ребёнком —
С клеймом дичка и арапчика...
— Упрям и нелюбезен взгляд,
К тому ж неловок, мешковат, —

**Любовь
Васильевна
ФЕОФАНОВА**

родилась и живёт в г. Усть-Каменогорске. Работает учителем английского языка. Публиковалась в местных изданиях, областной газете “Рудный Алтай”, в журналах “Восток” (г. Усть-Каменогорск), “Простор” (г. Алматы), “Сибирские Афины” (г. Томск). Автор книги стихов “Дочки-матери”. В № 4 “Нивы” за 2005 год опубликована её поэтическая подборка “Я доверяю боль своим стихам...”, в № 4 за 2006 г. — подборка “Пред ликом Божьей Матери стою...”.

Твердили в доме без умолку.
 Порой прекрасную креолку
 Сам вид его уж раздражал,
 А он ребёнком был, страдал...
 Но память сердца, память детства
 Лишь сохранит её кокетство,
 Приливы грусти, гнева вспышки,
 Слезу над чтением модной книжки...
 Её кусание ногтей
 В круженье бестолковых дней...
 Отца чуть глуповатый вид,
 Когда сбежать он норовит.
 Его бахвальство родословной
 И мотовство, и вид довольный,
 Когда его то там, то тут
 Вдруг стихотворцем назовут.
 О, этот холод равнодушья!..
 Лишь сказки, песни, простодушье
 Арины милого лица
 Да тихий кабинет отца,
 Где он средь книг искал спасенья,
 Где тайный мир стихотворений
 Ему Вольтера подарил,
 Где дух свободы он вкусил, —
 Он не забудет никогда...
 Уже росло желанье в нём:
 Бежать, покинуть отчий дом.

2

... Свершилось. Может, это снится?
 Он едет в Петербург учиться,
 Который старый Свет ругает.
 Но скоро, скоро он узнает
 Сей чудный город — град Петра.
 Прощайте, мать, отец, сестра...
 Каким-то посторонним взглядом
 Смотрели молча все... а рядом,
 Бледней льняного полотна,
 Стояла нянюшка... Она,
 Шепча, его перекрестила —
 Слезу сдержать уже не в силах.
 Коляска подана, и вот...
 Вдруг сердце сжалось — но вперёд
 Рванулись кони... отчий дом
 Стал жалким маленьким пятном.

3

Так в Петербург со всех концов
 Везли родители юнцов —
 Для воспитанья, просвещения...

Уж в Свете не было сомненья,
 Что без него птенцов затрут
 Да и по службе обойдут.
 Твердили нынче о лицее
 Как о спасенье, панацее.
 Веленье времени иль мода?..
 Нужна, мол, новая порода
 Способных, преданных людей —
 Чтобы России стать сильней.
 Отцы, что было сил, старались,
 Родство и связи обновлялись —
 Тургенев, Дмитриев, Дашков...
 Василий Львович был готов
 Судьбу племянника решить
 И покровительства просить.

4

Кончалось неприметно лето —
 В обноски пыльные одето —
 Да то и дело сыпал град...
 Вдруг весть — как гром: “Ты кандидат!”
 И дядюшка, сей славный франт,
 Стал всем хвалить его талант
 Кропать премилые стихи —
 Что, мол, у Пушкиных в крови...
 Все замелькало пёстро, быстро:
 Миг представления министру,
 Экзамен в несколько минут..
 Явь или сон? Его зовут
 Прибыть в лицей... а что же он?
 Победой лёгкою смущён —
 Слегка растерян, неказист..
 России

звёздный

лицеист.

Я помню чудное мгновенье...

А. С. Пушкин

Томленье плеч и глаз игра, —
 И горячо дыханье зала..
 Порхают птицы, веера
 Под звуки вальса, звуки бала.

Они то нежности полны,
 То грусти, трепетно-щемящей..
 Мои несбывшиеся сны, —
 Где я ловлю Ваш взгляд летящий.

Ещё мгновение и вот —
 Гармония души и звука...
 Один волнующий полёт,
 В котором мы нашли друг друга.

Тот чистый ангел...

Ей было уготовано судьбой
 Стать главной музой русского поэта,
 Подняться над злословьем и бедой —
 Обласканной и... осуждённой Светом.

Тот чистый ангел... жёнка... милый друг...
 Приют его страстей, звезда скитаний, —
 К ногам которой гений и супруг
 Готов был бросить славу и признанье.

В полночный час, в безоблачной дали
 Я две звезды отыскиваю взглядом —
 И верю: это души Натали
 И Пушкина, что будут вечно рядом.

Анна Вульф — Пушкину

Я не блистала в Свете красотой —
 Изящной ножкой, талией осиной...
 Лишь — тень, всегда лишь тень другой,
 Чей жадно Вы ловили взгляд в гостиной,
 К чьим тайно припадали Вы следам
 Нежнейшим сердцем, опьянённым страстью...
 Моя ж душа всегда летела к Вам,
 Опережая бури и ненастья.
 Вы помните ль Тригорского холмы —
 Тот дух свободы безмятежно сладкой, —
 Где русской речью упивались мы?...
 Порхали дни — как бабочки над грядкой.
 Притворщик, как могли Вы уколоть
 И оставаться душкою при этом.
 Как Ваша близость волновала плоть,
 Как Вашим дорожила я советом.
 Мой милый друг, хочу признаться Вам,
 Как сердцем понимала я Татьяну...
 Была моя любовь светла, как храм,
 И вот — под душевной рясой прячет рану.
 Не залечить, не отмолить тот миг,
 Тот день, когда, о боже, Вас не стало...
 И в Чёрной речке захлебнулся крик:
 Зачем не заслонила, опоздала?!...
 Что мне осталось? — Лишь строка в альбом,

Сургучный оттиск перстня-талисмана...
 Скамья под липой... и дверной проём,
 В котором появились Вы неожиданно, —
 И заслонили целый мир собой.
 Ваш дух поныне царствует в поместье...
 А я взойду несчастною звездой —
 Чтоб лишь коснуться Вашего созвездья.

Арина, бабушка и... Пушкин

1

... И этот милый сердцу уголок,
 Где жизнь текла размеренно и сытно...
 Где нас воспитывал — и это очевидно —
 И строгий взгляд, и щедрый русский слог.

Все эти сказы, поговорки, шутки...
 О, как они ласкали детский слух!
 А ум сметливый и сибирский дух
 Роняли зёрна в мир наивно хрупкий.

Вот за столом сидим — она и я,
 Пьём чай с вареньем... это сон, я знаю.
 С небес меня, как прежде, опекает
 Мой добрый ангел — бабушка моя...

2

Читаю снова Пушкина... О, Боже!
 Как на Арину милую похожа
 Моя Елена Алексевна...
 В них столько общего, что, верно,
 Их души повстречались где-то —
 Быть может, на исходе лета...

3

Бежала, задыхаясь, вся в слезах —
 Испуганна, простоволоса, грешна...
 — Пошто забрали, прямо на глазах,
 И увели родимого поспешно?!

И ведь не взяли ни бумаг, ни книг,
 И в доме ничего не ворошили.
 А дом-то, словно сирота, поник —
 Любезный друг, как ладно в нём мы жили...

Лишь чуть светало, рано поутру,
 Уж вы вбегали: “Ты здорова ль, мама?..”
 От слов таких я думала — помру,
 И сердце замирало — будто в храме.

4

А помните ль — под образом, в углу,
Диван, хранящий наши разговоры?..
Младых друзей затейливые споры —
И соты с брашнями к столу?..

Как слушать вас любила я, бывало,
Хоть были чужды звуки дальних стран...
И я, тревожа память старых ран, —
Под звон стаканов вёсны вспоминала

И Кобрино, и Пушкиных гнездо...
И чёрного, как смоль, арапа деда...
Все наши с вами ужины, беседы —
Мне боле всех на свете повезло!

5

А коли дом вы покидали вдруг —
Бродя в полях, иль просто навещая
Тригорских барышень — мой милый, добрый друг,
Я становилась тихая такая...

Вы были беспрестанно на уме
И — в сердце... Я о вас молилась...
Подчас разлука наша долго длилась, —
И только ждать лишь оставалось мне.

6

Но, слава Богу, вы, голубчик, живы!
А я теперь молебен отслужила...
Вас крепко жду и у окна тоскую...
И ручки благодарно вам целую.

В тот час, когда над грешною Землёй
Летают сны, колдуя над подушкой, —
Благословляют светлую строкой
Меня — Арина, бабушка и... Пушкин.

Ольга БЕКБУЛАТОВА

За пределами себя

Потерять грань между самим собою и реальностью за пределами себя... Уйти от реальности... Куда? Во что?

Прервать связь с внешним миром и погрузиться внутрь себя. Отторгнуть, оторваться, забытья...

Всё это — об одном. Обо мне?

Куда я иду? Откуда эта дорога? Камни везде, а там, впереди, темнеет вода — чёрная. Это сон. Я сплю, и мне страшно. Потому что всё настоящее. Автомобили сигналият истерично. Кто-то кричит: “Женщина! Сбрендила, что ли? Куда прёшь?!”. Кто кричит? Я слышу всё-всё. Муха прожужжала. Наверное, большая. И солнце жжёт лицо. Одежда пропиталась липким потом. Отчего же вода чёрная кругом? Чёрная и немая. Я уже иду по воде, и ноги вязнут в ней, как в смоле. “Мама! Мама! Я всю кашу съел!”. Это голос моего Талгатика. Голос есть, а его нету. Чёрная вода кругом до самого потолка. Я утонула!

Моя голова! Голова! Кто кричит так страшно и пронзительно? Не могу слышать, не могу... Это я кричу. Зачем? Там, под чёрной водой, солнечные камушки сияют. Радостные и тихие. Белая женщина. Вся белая. И ещё белые люди. А глаза у них чёрные. Говорят-говорят-говорят.

— Молчите! Нету вас! Нету!

На окне решётка. А окно синее, небесное, воздушное. И в него вплёскивается чёрная вода, густая, вязкая. Она хочет меня утопить. Вон в ней крыса: лапками вверх и зубы острые, страшные.

— Выпустите! Боюсь! Боюсь!

У них иголки большие блестят. Сами белые и пахнут остро, гадко, а руки у них чёрные, испачкались в воде. В моей воде. Я падаю, и на меня опускается белый туман с белого потолка. Там, наверное, кто-то сидит и дует на меня.

Уже ночь? Или всё время ночь? Доченька моя, светленькая. Луна на тебя льётся, сладкая моя. Ручки и ножки синенькие, мёртвые. Иголкой тебя кололи. Меня тоже иголкой кололи, большой, блестящей. Рамазан, не уноси её. Она же тихая. Никто не проснётся, Рамазан. Останься. Спина у него белая, жидкой

**Ольга
БЕКБУЛАТОВА**

родилась в 1975 году, живёт и трудится в Костанае. Образование высшее филологическое. С 1997 по 2000 год преподавала русский язык в педагогическом колледже, затем перешла на журналистскую работу: была сотрудником областных газеты “Версия” и телерадиокомпании “Алау”. С 2004 года трудится в областной газете “На службе закона”.

Публиковалась в местных изданиях и республиканском журнале “Простор”. В “Ниве” выступает впервые.

луной облитая. Уходит. В чёрную воду уходит. Рамазан! Оставь дочку! Побудь чуть-чуть, Рамазан! Не наказывай меня, не уноси, останься, прости меня! Не забирай, не уходи! Я ноги и следы твои поцелую. Дай мне мою девочку!

Я — лгунья, да. Я тебя обманула. А ты взял и умер. Рамазан, зачем же ты умер? Я всё тебе рассказала бы, и ты оставил бы мне мою девочку. Видишь, ножки у неё совсем синие? А глазки всё смотрят... Хотя их вода чёрная заливает... Куда они смотрят, Рамазан?..

Всё чёрное... Чёрные капли падают с потолка, жгут. Чёрные ручейки льются по стенам. Чего тебе надо, вода? Прыгаешь на меня тёмными волнами. Думаешь, боюсь? Я на камне сижу. Одна.

— Вы — кто?

— Дмитрий Сергеич.

— Вы — белый. Зачем вы на меня смотрите? У вас весь халат пятнами запачкается.

— Тебе уже пора приходить в себя. Очень хорошо, что ты меня видишь.

— Я и так в себе, вся в себе. А почему у вас на окнах решётки нету?

Что-то пиликает, пищит. Неживой звук.

— Алло! Да, вы всё правильно оформили. Да. Я приеду. Конечно. У меня сейчас пациент.

Пациент... Я оглянулась. Стены светлые. Солнечный блик скользит по ним. От стеклянной вазы на столе. Это я — пациент?

— Вы — кто?

— Я же сказал, меня зовут Дмитрий Сергеич.

Мягкий голос, гладкий. Чёрная вода на полу, голос тонет в ней, и сияющие камушки наверх всплывают. Радостные, спокойные.

— А почему я — пациент?

Я хочу вернуться, только не помню — куда. Я утонула, и мне не страшно. Темно всюду, тихо и влажно. Здесь Рамазан с дочкой на руках. Я их не вижу, но он ходит, и вода от этого колеблется, жидко колыхается. Хоть она и чёрная, но сквозь неё всё видно и слышно. В окне розовый воздух, и даже сквозь стекло пахнет снегом. Стены здесь голые, холодные, а за ними лязгают ключи, шаркают чьи-то ноги и мечутся голоса.

Рамазан, я виновата. Я — лгунья. И мама где-то ходит здесь. У неё поникшие плечи и уголки рта опущены безнадежно. Она бродит потерянная, и я не вижу её сквозь воду. Я ничего не вижу в этой воде: она — чёрная. А слеза у меня чистая, прозрачная, светлая, растекалась каплей по руке, горячая. Я плачу? Почему?

— Ну что? Помнишь меня?

Кто это? У него усы. Русые. И очки. Белый халат.

— Я домой хочу...

Это я сказала? Дом... Какой дом? "Мама! Мама! Я тоже хочу такую игрушку!". Талгатик!

Ночью во сне я видела озеро. Оно сияло и искрилось даже на глубине. А потом над водой закружился падающий лист. Медленно, замедляясь в синем воздухе. Он был жёлтый, солнечный и томительно грустный. И я зарыдала, почти закричала в слезах, и сразу включился электрический свет, забегали вокруг и стали что-то говорить. У некоторых на руках обрубальные кольца. Муторно, ослепительно маячат перед глазами белоснежные халаты...

Что со мной?

Когда всё стирается: блёкнут лица, тают звуки во всеобщей немоте, исчезают предметы, переходя в плоскость невидимого.

Когда мысли становятся похожи на порхающих бабочек — неверных, взбалмошных, — мечутся хаотично.

Когда перестаёшь чувствовать собственное тело, погрузившись в обманчивую невесомость, в призрачное небытие.

Когда самому себе не подвластно всё, что есть ты.

Когда всё, что тебя окружает, — бурлящая стихия.

Разорвана зыбкая грань, за которой уже иная реальность, не та, что была раньше. Но и там ты остаёшься собою и мир остаётся самим собою.

Где моё лицо?

Платье, розы, губы — красные. Рыжие волосы. Зелёные глаза. Он увлёкся, заглядевшись.

День был пасмурным, и в самой его сердцевине незнакомка сияла пурпурным пятном. Её фигура была крупной, выразительной, а платье это ей не шло. Оно слишком обтягивало живот и бёдра, но было ярким и эта яркость ослепляла. Она рассеянно скользнула взглядом и вдруг нахмурила блёклые брови. О чём-то задумалась. Он смотрел, и ему казалось, что всё это кадры фильма, а она меж тем “тормознула” такси.

Улица была грязной и серый ветер гнал по ней пёстрые лоскутья пакетов и бумаги, они летели, словно потерянные кусочки чьей-то радости. Он крикнул:

— Погодите, девушка! — но она не обернулась.

Тяжело села в замызганное авто, фильм кончился, и всё вокруг опять стало серым, унылым. Он подумал, что она была похожа на багровый осенний лист, непомерно большой и томительно яркий. Улетевший.

Дома таилась скука. Без умолку болтал телевизор. Безвкусным показался чай. Стены грустно текли. Он зевал. Электрический свет жёстко резал глаза.

... Во сне она ласково разговаривала с ним и часто смеялась. Она выплывала из тумана какими-то кусочками, словно весь её облик рассыпался и не мог собраться воедино. Её локон, нестерпимо рыжий и притягательный. Он хотел коснуться его, но локон уползал, будто змея, сам по себе, живой и насмешливый. Её глаз, сверкающий и карий. Почему карий? Мелкие реснички ехидно топорщатся и веко моргает, пряча от него её взгляд, всякий раз изменчивый и разный. Он хотел угадать его, поймать, понять. Её щека — словно половинка большого яблока. Ему хочется поцеловать её или даже укусить. Она что-то говорит, говорит, но голос её ускользает от него. Он слышит его и не слышит.

Проснувшись поутру, он почувствовал сладкую истому во всём теле. Потянувшись, зевнул и долго не открывал глаза, чтобы не расставаться со сновидением.

Он увидел её, стоя на той же автобусной остановке. Она вышла из быстро в истёртых джинсах и топике и замерла на крыльце. У неё уже не было локонов и крашенные волосы поблёкли. Тяжёлые круглые груди

покачивались при любом, даже еле уловимом движении. Она жмурила глаза от яркого солнца и выражение её полного лица было вялым и скучным.

Его автобус уже ушёл, а он всё смотрел на неё. Чем же вчера она так ослепила? Он подошёл к ней и сказал:

— Привет! Я тебя вчера видел.

Какая же она несимпатичная. Одна веснушка на носу крупнее и темнее других и оттого похожа на родинку. Она смотрела на него и молчала, и было в её лице что-то такое противно-ехидное. То ли оно дрожало в уголках её тонких губ. То ли подёргивалось в её толстых щеках, не напудренных, живых. И вдруг он удивился: у неё действительно были карие глаза. Светловатые, как-будто даже с желтизной. Он хотел услышать её голос, но она молчала. Даже отвернулась от него, выразительно качнув тяжёлыми бёдрами. Ему вдруг стало неловко и тягостно. Она не нравилась ему.

— А где твоё красное платье?

— Пошёл бы ты, придурок, отсюда, — грубо ответила она и скрылась в дверях кафе. Он растерялся и разозлился. Странный голос. В нём одновременно сплетались и мужские хриплые ноты, и женственная стелющаяся мягкость, почти напевность. Он вернулся на остановку и поехал домой, мысленно обозвав её толстозадой дурой.

— Представляешь, Айна, какой-то придурок ко мне только что приставал. Ходят всякие чумошники, проходу не дают.

Она надела фартук поверх джинсов и уселась на стул рядом с магнитофоном, скрытая от зала высокой стойкой...

— У тебя всё готово? Скоро народ пойдёт, — крикнула она в кухню и добавила себе под нос: — Обрыдло...

Ночью предметы и тени крадутся, тихо шелестят и перемигиваются случайными огоньками. Кажется, что всё спит, но это не так: всё шевелится, движется и обманывает, мелькает тенями, бликами и размытыми очертаниями. Только ночью предметы и люди начинают, наконец, звучать, и каждого слышно, и каждый неповторим.

Она сидела на балконе в лифчике и трусиках, скрытая тенью высокого ветвистого дерева, что бродила неприкаянно по стене многоэтажки. Ей стало зябко. Она завернулась в плед и стала курить, выбрасывая окурки на улицу щелчком пальца. В темноте она была не рыжей и толстой, а просто какая есть, не различимая, одна. Она так задумалась, что не сразу услышала, как под балконом во дворе завязалась драка. Мужчины матерились, сочно разбрасывая удары. Она свесила голову вниз. Там метались тёмные фигуры. Она хотела свистнуть, но сдержалась. Тут подъехала полицейская машина, и вскоре всё стихло, притворилось спящим.

— Танька, ты ещё долго на балконе будешь торчать? Уже все фильмы кончились, я спать ложусь, — сообщила в форточку подруга, вместе с которой она снимала квартиру.

Она вздохнула, не отвечая. Поглубже закутавшись в плед, хотела встать, но вдруг передумала и снова замерла, упёршись головой в перила.

... Всё было безумно настоящим, зримым, отчётливым, хотя она помнила, что спит, и это сон.

Она всё время ползла на коленях куда-то. Остальные мелькали мимо неё в нестерпимо ярком свете и не обращали внимания на её неестественную, жалкую позу, она же упорно стремилась к цели. Она точно знала, куда движется, но память, отказав, скрыла от неё это знание под нагромождением случайных впечатлений, мыслей, образов.

Городские улицы остались позади, свет стал голубее и мягче. Она ощутила безмерное дыхание ветра, в котором были запахи трав, прелой почвы и чего-то ещё неуловимо тонкого, что ощущается только на больших воздушных просторах. Она дышала с наслаждением и ей казалось, что не только грудь, но и всё тело наполняется воздухом, становясь лёгким, обретающая нечто, способное вознести её над землёю. Но она всё ещё стояла на коленях и двигалась в каких-то еле уловимых метаниях, поддаваясь то странным колебаниям, тормозящим её, то решительным порывам — это делало её движения судорожными. Она двигалась вперёд словно слепая, хотя ей мнилось, она видит голубоватую полосу горизонта, слившуюся с зелёным полем. Поле простиралось так бесконечно и далеко, как только может угадать её разум, а над ним — беловато струящиеся, размытые небесной синевою облака. Их бока скрывали необъятность и бездонность над её головою и вселяли в неё успокоение.

Внезапно её колени ощутили, как земля прогибается и исчезает под нею, словно она медленно скатывается вниз и вдруг осознаёт стремительное падение, но отказывается верить в него. Падает, не падая, не пытаясь противиться и по-прежнему ровно и радостно дыша. “Мне никто не поможет, — размышляет она. — Я одна?”. И вдруг она чувствует, как тело её, словно тело птицы, встрепенулось, налилось силой и воспарило, возвращаясь и проникая в самую глубину воздушного покрывала, только что казавшегося ей таким далёким.

... Она не уловила мгновения, в котором всё изменилось. Оно ускользнуло, оставив её в призрачном пространстве, напоминающем магазин без стен и потолка. Здесь много было вещей и предметов, нагромождённых друг на друга, будто на полотне художника-сюрреалиста. Внутренне она вся дрожала от желания владеть этими вещами, которые мозг её даже не воспринимал отчётливо, словно бы это были не сами вещи, а их неясные отражения.

И вот она стоит в роскошном платье, но видит не себя, а лишь складки струящейся ткани, её лазурные переливы и рельефные тени. Вдруг пугается: “А где же я?”. И по разбросанным кусочкам собирает саму себя. Вот её палец с накрашенным ногтем. Вот волосы, растрепавшиеся, повисшие, неживые. Вот плечо, гладко закруглившееся. Но лицо? “Где моё лицо?”.

Она бросилась к выходу и оказалась на лестнице, у которой не было конца, она словно бы спускалась в проваливающуюся во мрак бездну. В панике она хотела вернуться, но оказалось, что есть только огромные бесконечные ступени, ведущие вверх, и нечто, довлеющее над нею, заставляющее совершать не ею определённые действия. Она вздохнула и двинулась вверх, чувствуя тщетность и неумолимость восхождения.

И опять мгновение выскользнуло, всё изменив, но не успев запечатлеться в её сознании.

... Автобус ехал. В нём было полно людей, все они, казалось, сидели к ней спиной и оттого у них не было ни лиц, ни голоса, ничего, что могло бы отпечататься в её памяти. Она смотрела в окно, и обычный пейзаж казался ей загадкой, которую она должна была разгадать, вглядываясь и ища сама не зная что и зачем. И она смотрела: сухое дерево у дороги переставало быть деревом, становясь чем-то бесконечно значимым, теряя свою предметную простоту и ясность. Их было много, деревьев, и в каждом она искала разгадку. Автобус остановился и двери его раскрылись. Она огляделась: пусто, никого... Вышла. И вдруг озябла, охваченная прохладой. Плотнее закуталась в плед.

До самой весны она видела яркие сны. Зима промелькнула, не замеченная ею. Таня безропотно пребывала в заколдованном круге своей жизни: телевизор — связь с миром; быстро — работа; маленькая квартира на двоих — пристанище в промежутке между работой и телевизором. Короткая дорога от кафе к квартирке с телевизором — всегда одна и та же, с грязным снегом на обочинах и бугристой ледяной коркой, которая не таяла до весны и которую не брала ни одна очистительная машина. И бесконечно длинные ночи, наполненные, живые, яркие. Поутру ей казалось, она прожила долгую жизнь, в которой было всё: невероятные мечты, чувства, потрясавшие всё её существо, события на грани захватывающего приключения и люди — необыкновенные, весёлые, открытые. Днём же, будучи всё время с клиентами, разговаривая с ними, подавая им еду, встречая их взглядом при входе в кафе, она умудрялась оставаться не замеченной. Впрочем, и сама никого не замечала.

Весна пронзила ослепительным лучом. Грязные городские лужи сияли, отражая небо. Птицы вдруг хором защебетали, и звонкие голоса их врывались даже в закрытые окна. Весна забурлила во взглядах прохожих, в крови. Запах нагретого подтаявшего льда проникал в кафе с каждым входящим клиентом, вливался свежей волной с улицы, перебивая ароматы расстегайчиков, пельменей, кофе и апельсинов.

Он зашёл в кафе в затрёпанной джинсовой курточке, подошёл к ней и сказал:

— Чашку кофе.

Он смотрел на неё так, будто они знакомы, и это раздражило её. “Наглый!” — решила она, не вспомнив его. “Посинела за зиму”, — насмешливо подумал он, уставясь на её щёки, белые, с голубыми прожилками. Она поставила перед ним полную чашку и с тоскою взглянула в окно. Горячие лучи лились, рисуя на её щеках румянец. Чего-то хотелось, чего-то ждалось, о чём-то мечталось... И всё это выражалось неопределённым томлением, неясной тоской и внезапными эмоциональными порывами. Вот и сейчас она вдруг рванула из-за стойки на улицу и, стоя на крыльце, расходящемся ступенями на три стороны, прикрыла глаза, подняла лицо к солнцу и забылась. Город шумел мимо, а она стояла в своём солнечном мгновении, и оно длилось.

Елена ТЮНИНА

“А за окном лиловая прохлада...”

Я не знаю шифров и паролей,
Что разбросаны на спящих параллелях.
Ты живёшь в стране цветных магнолий
И взлетаешь в небо на качелях.

Твоих крыльев бесконечно нежных
Я рисую контуры ночами.
И в долинах розовато-снежных
Растекается кусочками молчанье.

Ты живёшь в рассветах и закатах,
Изрекаешь мысли на латыни.
И в объятых сумрачно-мохнатых,
Растворяясь, произносишь — имя.

А день пропитан суетой,
Кишащей в каждом новом шаге.
Как мушкетёры рвутся в бой,
Так осень разбросала шпаги.

И мух белёсых рваный рой
На землю падает неслышно.
Ты в зиму окна приоткрой —
На осень мода нынче вышла.

Теряет снова ночь немое время,
Транжирит сны, пускает голубей.
И где-то там кочующее племя
Бредёт к костру, что для души родней.

Елена ТЮНИНА

родилась в Кустанае. Студентка IV курса Костанайского института Алматинской академии экономики и статистики. С 2002 года состоит в молодёжной литературной студии “Крылья” объединения литераторов “Ковчег”. Лауреат областных литературных конкурсов. Печаталась в журналах “Берега”, “Алга” (Костанай), “Нива”. Вошла в десятку лучших поэтов Костанайской области 2006 года по версии областного литературно-художественного журнала “Берега”.

Впускаю сны в холодные просторы:
Ни замков, ни дворцов, пустых квартир.
Останутся мечты. И где-то горы
Меж нами проведут немой пунктир.

И где-то там, в лазурном небосводе,
Роняют сны чужие облака.
Я говорю с тобой на нашем коде,
И тянется ко мне твоя рука.

Да, только шёпот крыш, дождём заговорённый,
Разделит по слогам все месяцы и нас.
Ты думаешь, что день, навеки обручённый,
Пускает спящих птиц на вымокший каркас?

Да, шепелявость дум шуршит в немой квартире,
Рисуя облака в заснеженный блокнот.
Ты знаешь, за окном сейчас в прямом эфире
Транслирует Земля придуманный полёт...

Вновь иероглифы птиц заутюжены берегом.
Да границы рисуют глаза одичалые.
Ты не будешь ни их, ни моим Берингом,
Разделяющих нас на столетья курчавые.

Рисовать сквозняки. Дверью нежно постукивать.
В поцелуе застать ветерок с занавесками.
Ты не будешь меня никогда убаюкивать,
Я не буду хвалиться твоими подвесками.

Просто память опять разделяется берегом.
Ты не будешь ни их, ни моим Берингом.

Два стихотворения

I

Послушай, за забором этих букв
Не прячется стареющая осень.
Он не нуждается в протянутости рук,
Как жалости намёк столетних сосен.

И то не ветер плачет за окном,
То Герда отвечает чьи-то души.
И вторит по ночам она тайком
О том, что разучились они слушать.

За занавеской наступает день.
 Сменяется свобода хриплым вздохом.
 Там, где был Кай, осталась только тень.
 И нежности намёк. Ей жить намёком.

II

А улица шепчется пустым многоточием
 Да инеем строчек в забытый блокнот.
 И где-то душа промелькнёт междустрочием,
 Обрывками фраз и обрывками нот...

Послушай, мой бедный, послушай, мой милый!
 Ты в вальсе валькирий найдёшь ли приют?
 А город такой одичалый и сирий,
 И сонные крыши небо клюют.

Блуждают по нотным кварталам земли недопетые песни.
 Отчерчены в небе квадратом стальные гонцы. Ну а если
 Искать в этом городе счастье, что прячется в книжной пыли,
 И рваться навстречу солнцу, готовы ли мы? Готовы ли...

И в осень ступать незаметно под будничный шёпот,
 Под звуки колёс и просто, под уличный топот.
 Готовы ли мы, растворяясь в созвездьях, искать своё счастье?..
 Забыв навсегда о прощаньях, отныне лишь: “Здравствуй...”

В пору снам здесь чечётку отплясывать,
 Каблуками стучать по обочине,
 В пору осени листья разбрасывать,
 Принимая от лета пощёчины.

Ночи тёмные воском захвачены,
 Ставни бьются от ветра, качаются —
 За неделю дожди все растрачены,
 Непогода прошла — так случается.

Чьи-то сны дремотцой отзываются,
 Половицы скрипят, только входишь ты.
 Часовые на крик окликаются,
 Разводящие в лето мосты.

Город

Дыша чуть слышно и протяжно,
 Он в ночи шлёт кардиограммы.
 Цепляясь звуками за рамы,
 В квартире бродит каботажно.

И новый взгляд с многоэтажек
Так будет светло-бесконечен,
И первый крик всегда беспечен,
На свет проклюнувшихся пташек.

Вновь в шерстяной уткнувшись ворот,
Ты спишь под жёлтым покрывалом.
И по твоим немым кварталам
Ступает ночь, мой спящий город.

Там, на Большой Медведице,
Видно твой дом с небес.
И безмятежно вертится
День, что играл полонез...

Крутятся белыми стаями
Мысли, вальсируя в нас.
И незаметно оттаили
Сны, так наивно смеясь.

Вновь светлячковым инеем
Ночь разрисует земшар.
Жизнь — бесконечная линия,
Вечность знакомых зеркал.

Ожидание

Вновь небо кокосовой мякотью
Покрывает столбы и лавки.
И ветра заползают в канавки,
Безмятежно блуждая по слякоти.

И всё так же упрямо тянется
Этот день. И порой ожидание
Бесконечно! Ветров завывание
Бесполезно. Ты знаешь, кланяются

Почтальоны при встрече. Пришедшие
Письма жгут мне ладони слезами.
Обдувая прохожих ветрами,
В лабиринты зимы забредшие.

Только птицы ночами в небо
Улетают неслышно парами.
И всё так же глазами алыми
В парке голуби просят хлеба.

И весной пахнет утро зимнее.
Небосвода кусочек хмурится.
Так безлюдна продрогшая улица,
Что дорога от инея — синяя.

Воздух, как будто простуженный,
Колет обрывками фраз.
Смотрят деревья сконфуженно
В день, что меняет окрас.
Небо плетёт своё кружево
Сотнями тысяч глаз.
Вновь покажусь тебе нужною
В яблочный жёлтый Спас.

И снова вдох осенних тротуаров,
И снова выдох спящих поездов.
Он отыскал у Бога тихий кров
И уж не ждёт измен репертуара.

А за окном лиловая прохлада
Дымком белёсым вьётся в небесах,
И растворяясь в мимолетных снах,
Он встречи ждёт у вымокшего сада.

А где-то глобусы общаются без слов,
Друг другу встречу душам посылая.
И снова выдох спящих поездов,
И снова вдох осенних тротуаров.

Борис САМСОНОВ

Мечтатель

Повесть

(Окончание. Начало в № 2 за 2007 год)

“Королева полей”

(Планёрка)

В. Ларин: Очередной номер давайте посвятим кукурузе, мы привычно называем её комсомольской культурой. Хрущёв, налюбовавшись кукурузными джунглями в Америке, уловил и рассчитал её пользу для своей страны. По возвращении домой убедил Президиум ЦК КПСС о ежегодных обязательных посевах “королевы полей” на больших площадях во всех республиках. Настойчивость Хрущёва не везде понята и привела на местах к противоречию здравому смыслу — сажать её стали даже там, где почвы не отвечали требованиям и на урожайность рассчитывать невозможно. Такие казусы допускались и в нашей республике. Безусловно, высокие урожаи кукурузы, где она произрастала на добрых землях у заботливых людей, способствовали резкому подъёму животноводства, всего сельского хозяйства. В колхозах и совхозах, в районах и областях “кукурузники” сели за парты — изучать основы выращивания выгодной культуры. Комсомол повсеместно взял шефство над ней. Эту массовую деятельность земледельцев мы освещаем откровенно плохо. Три дня назад я ездил в колхоз Николая Головацкого, кукуруза у него не хуже американской и по величине початка, и в целом по урожайности. В звене Марьям Юсуповой мы забрались в такие дебри высоченных и стройных зелёных красавиц, что без сопровождающего легко заблудиться, как в густом лесу. Огромные стебли заслоняют небо. Эксперимент удачен. В нашем редакционном портфеле ни строчки.

Голос: Корреспонденты в областях не выполняют просьб писать о кукурузоводах.

Завотделом сельской молодёжи Миша Митько: Трижды звонил Юрию Лихачёву в Петропавловск, просил написать, на словах обещает, а фактически игнорирует — ничего нет. Зато активно сотрудничает в областных газетах.

В. Ларин: Борис Георгиевич, в чём дело? Поговори с Лихачёвым сегодня же, дай ему пять дней, пусть организует и вышлет статью секретаря Булаевского райкома комсомола. (Со временем, когда автор этих строк стал редактором, ему пришлось освободить Лихачёва от должности, но вскоре он, толковый и “писучий” журналист, покаялся и был восстановлен). Всем соборам предложи считать тему первостепенной, а каждому отделу в ближайшие три-четыре дня подготовить статью, очерк, интервью, подборки информации, фотографии, рисунки. Хочу предложить на ваше усмотрение: девочка встречается с Хрущёвым.

Девочка: Никита Сергеевич, мой папа говорит, что вы запустили не только спутник, но и сельское хозяйство.

Н. С. Хрущёв: Передай, девочка, своему папе, что я умею сажать не только кукурузу.

Взрыв смеха.

В. Ларин: Василию Алексеевичу Марунину в ближайшие дни сфотографировать Хрущёва вряд ли удастся.

В. Марунин: Командируйте в Москву сейчас же...

Снова улыбки, Ларин продолжал:

— Надёжнее будет, если Виталий Энголи мастерски сотворит в рисунке встречу Хрущёва и девочки на фоне кукурузного поля и запущенного в космос спутника в виде початка. Дадим его на первой полосе, а под ним краткий диалог. Как вы считаете?

Единодушным одобрением ответили редактору.

Пошлость

(“Летучка”)

“Летучка” — канцелярское слово, в коллективе редакции она превратилась в острую дискуссию, горячий и корректный спор, критики и критикуемые во всяком случае не срывались врукопашную. Когда желающие высловились, заговорил редактор:

— О половом воспитании никто ничего из наших журналистов не пишет. Между тем “сексуальная революция” триумфально шествует по странам. Мы словно не замечаем это явление, стихийно и целенаправленно влекущее молодёжь, вежливо говоря, к прелюбодеянию. Поручаю всем готовить материалы к номеру: жизнь и секс.

Хочу с вами поделиться размышлениями и наблюдениями.

Читаешь различные суждения о разврате, половых извращениях, безудержной похоти и удивляешься — феерическая пошлость выдаётся за нравоучительные посвящения в тайны интима. Древняя “наука” о проституции иллюстрируется превосходными цветными слайдами голых богинь секса, сломленных бедностью, наркоманией, садизмом, пьянством. Лихие стриптизёрши в кабаках отрывают номера умопомрачительные. А что делается в скрытых закоулках, да не только в них? Тут есть актуальная тема для размышлений. Её осилит знатоки психологических тонкостей взаимоотношений мужчин и женщин, о чём стали вразумительно писать иные газеты, не грех нам поучиться.

Сажусь на удобную скамеечку под огромной шарообразной кроной любовно подстриженного карагача на улице Кабанбай-батыра (ранее Калинина). Напротив комфортная парикмахерская “Причёска”, где лысых дедов стригут бесплатно. Передохнуть в тени здесь очень приятно: вокруг ухоженный ковёр зелёной травы, цветущие розы, прохлада от влажной почвы и фонтанчиков. Уютный уголок содержит в чистоте — ни окурков, ни бутылок — бывший “морской волк”, затем солидный инженер, ныне сторож упомянутой цирюльни, интеллигентный и занятый старик Иван Семёнович: приятно с ним побалагурить о прошлом и нынешнем житье-бытье.

— Да я с рассвета всё прибрал, — встречая меня, совершающего утренний моцион, воскликнул блюститель чистоты, — тут сегодня ночью такой шабаш гудел: трое парней и одна девчонка. До полуночи я им мешал, урезонивал, пока квадратный амбал, снимая штаны, не пригрозил:

— Засажу тебе перо под девятое ребро.

В пьяном кураже, подумал, и башку сорвут. Заперся в парикмахерской, в окно всё как на ладони видно. Простительный вуайеризм (подглядывание), сторожу положено глядеть в оба, когда такая опасная компашка рядом. Девица мигом сдёрнула трусы, швырнула на ветку, видишь вещдок, улеглась на скамейку и началось...

— По 500 с носу, — крикнула аппетитная шлюха.

Та, что даёт объявление в газете, берёт семь тысяч, предупреждая: если с анальным сексом — 10 тысяч за два часа.

О бесовское наваждение!.. Вся эта пыхтящая, охающая, обгаженная куча мала зафиксирована чудоглазом фотоаппарата, сын прислал из Канады. Вот, гляди, чётко заснято.

Посмотрел на фото с отвращением — дикая сексуально-нравственная деградация: пещерная раскованность, долой стыд, совесть, мораль! Представьте, эту пакостную сцену изнанки половых куражей читает в газете несчётное количество людей, так сказать, чтиво к утреннему чаю, да от него тошнит, баламутит нутро.

Эти видения — не “булгаковская мистика” с её колдунами, вампирами, голыми ведьмами, рогатыми чертями, летающими свиньями, маньяками (“Мастер и Маргарита”), не плод больного воображения сторожа-очевидца. Разгул скрытого и явного секс-криминала, вакханалия не маскируемого или подпольного разврата принимают всё более отвратительные и уродливые формы в условиях безнаказанности, аморальной вседозволенности и всеобщего “непротивления злу насилием”. Толстовщина сродни нашему внезапно грянувшему переходному периоду безмерного и безнаказанного обогащения кучки рвачей и катастрофического обнищания обездоленных воровской “прихватизацией”, душащей прежде всего детей. Видя, как терзают ребёнка, говорил Лев Толстой, я убил бы негодяя.

Помещение парикмахерской продолжает “салон красоты” для женщин и мужчин, обещающий чудеса человеческого внешнего совершенства. Рядом на трафарете светятся иностранные слова, в переводе означающие: “Любовь, секс, деньги. Аксессуары и одежда итальянской фирмы”. Подумал: увеличить бы фото-порно, взять в траурные рамки и повесить на стене: вот реклама, отбоя не будет от фанатов-извращенцев и олигофренов.

— Похабщина, Иван Семёнович, но не такая уж невиданная. Полистай “Интим”, “Спид-инфо”, подшивки популярных (“таких ещё не было”) наших газет, похлеще найдёшь рисунки и фото — губительная примета времени.

И процитировал строки из солидного журнала “Мысль” (№ 10, 2005 г.):

*Желтеем в розницу и купно,
И наш читатель — с нами вместе.
Для нас важны не просто вести,
А чтоб с душком, чтоб запах трупный!*

Иван Семёнович проворчал:

— Так оно и есть, ночью насмотрелся.

— Подобный беспредел рекламируют СМИ. “Комсомольская правда”, если б ей в советское время рассказали об ужасной картине в центре Алматы, учинила бы аутодафе виновных, а теперь она “желтеет” своих коллег. Знаменитый журналист, Золотое перо России, прорубивший окно в дикую природу, патриарх “Комсомолки” Василий Песков в беседе с Президентом

Казахстана Н. А. Назарбаевым с горечью сказал: “Сползла по уши в желтизну”. Добавим: она далеко не единственная из тех изданий, что превратились в рупор сексуальной распущенности. Желтое популярного “Каравана”, к примеру, может быть только лимон.

Половые изуверства — разлагающе-смердящая вершина порнобытия, часть нынешнего образа жизни охочих до разврата отморожков. Читайте, подражайте, становитесь в лучшем случае казановами. Унижение женщин до положения самок, мужчин — самцов. В жертву приносятся достоинство, красота, великий дар природы — человеческий разум, возвышающий его над дикими инстинктами. Человек становится античеловеком, сам себе жестоким врагом.

Опираясь на палку, к газетному киоску подходит старичок, впалые щеки, заострённый нос, безжизненные глаза-бельмы, и весь он будто склеен в живой манекен:

— Дай-ка, доченька, мне “Спид-инфо” или “Интим”, а лучше оба, я тут полистаю, дорогие они для покупки.

У девушки блеснули чёрные очи смехом:

— У тебя, дед, черви скоро из носа ползут, а ты норовишь под женскую юбку заглянуть.

— Про секс болтают чудеса, девка сразу с тремя мужиками совокуплялась. Хочу прочитать — неужто такой срам возможен?

Интим ранее считался божественной тайной, сейчас превратился в доступный всем телеэкран, на котором показывают его в каком угодно ракурсе. Смотрите, дети, подростки, старые и малые, все охочие до немислимых зрелищ.

Не воспитание, а растление, развращение, нравственное усыхание подаём на блюдечке с траурной каёмочкой. А потом шипим, возмущаемся, откуда взялись эти выродки: маньяки, серийные убийцы, киллеры, для которых человек не больше, чем дождевой червь под ногами.

Во времена моей юности девичья ласка, да что ласка, просто благосклонное внимание, радовали сердце не с первой же интимной ночи, как сейчас. С первого взгляда любовь покоряла во все времена, но не бросала в постель, как часто случается теперь — похоть берёт верх над “чудными мгновениями”. В моде были цветы, подарки, кино, театры, массовые зрелища, бары с мороженым и т. д. Может быть, отсюда и начинается уважение друг к другу, верный шаг к любви? Женские прелести обесценились, шалопай возбуждается полуобнажёнными ляжками, голым животом, открытым бюстом — посмотрит на всё это, бутылку в карман и в кусты, или под дерево на скамейку. Хочется верить — оскорбительная многоликая и нахальная пошлость никогда не победит в человеке восторженное чувство любви.

Журналисты различных изданий с трибун форумов и конгрессов заявляют о желании стать четвёртой властью. Раньше я считал подобное требование СМИ безрассудным, так как попади оно в строку Конституции РК о ветвях власти, печать совершенно лишится свободы слова, которой так добивались ратоборцы гласности, они будут смиренно выполнять волю хозяина — государства. Когда вижу, что растлевающая желтизна расплозается в печати, как чернила на промокашке, и остановить её никто не в силах, то молю бога, чтобы СМИ стали ветвью власти, дабы

на неё распространялся некий морально-этический фильтр в выборе публикаций и все строгости Основного Закона, предусматривающие меры борьбы с сексуально-нравственной распущенностью, криминальной порнографией. В обществе чрезвычайная ситуация наступила. Потребны срочные меры общественной безопасности. Сексуальный террор, скрытый и явный (секс-рабство, торговля девичьим товаром, проституция, секс-клубы, спецауны, интимная продукция, наркомания, развращение малолетних), не знает пощады, не встречает жёсткого и сокрушительного отпора. Глушат номера телефонов проституток, так они выжидающе шпалерами стоят на обочинах улиц Саина, Сейфуллина, крутятся возле казино, ресторанов, баров — рынок торговли живым товаром, секс-бизнес не пресекается, умножая детскую смертность, бездетность, аборт, СПИД, те опасные социальные болезни, которые разрушают общество, толкают его в бездну. Государство призвано разложить женческую эпидемию в СМИ пресекать, запрещать, а людей заботливо, грамотно и понятно просвещать.

“Куда влечёт нас рок событий”?

Или

Хижина дяди Дыхнова

Н. С. Хрущёв, партреформатор, неутомимый и скорый при соглашательстве и попустительстве соратников всех рангов — от членов Президиума ЦК, положил начало не укреплению, а развалу КПСС. Его окружали не только преданные деятели, но и ловкие партфигляры, жаждущие власти. Непродуманные преобразования ломали судьбы партработников, перемещаемых совершенно не по профилю и опыту, журналистов, месяцами ждавших назначения, оставаясь у “разбитого корыта”. Кадровая чехарда только начиналась.

По инициативе Хрущёва в сельской местности райкомы партии упразднили, учредили парткомы районных производственных управлений, а в них отделы оргпартработы и идеологический. Попытались приблизить партию к селу, коренным образом улучшить управление сельским хозяйством. Возникает логическая мысль: следовательно, руководство республик, обслуживающие АПК ведомства не справлялись? В сравнении с агроруководящими канцеляриями отменных специалистов нововведения и кадры в них выглядели беспомощными, не располагали опытом, профессиональным влиянием. Хрущёвское действие, продвигаемое “во что бы то ни стало”, не прижилось как надуманное, нежизненное, рекламно-карикатурное.

Реформизм состоял не только в этом, речь идёт о создании промышленных обкомов партии в индустриальных регионах страны, при сохранении прежних обкомов. В Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской областях Казахстана образовалось по два обкома партии: сельский и промышленный, расположенные в одном здании с общей приёмной. Ожидающие аудитории с нескрываемым сарказмом вспоминали слова Пушкина: “Идёшь налево — песнь заводишь, направо — сказку говоришь”. Чтобы не путать обкомы, острословы советовали на дверях одного изобразить молот, другого — серп.

После секретного доклада Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС и критики культа личности в партийных рядах возникло недоумение и замешательство.

Многомиллионный колосс в итоге оказался на глиняных ногах, развал начался и в компартиях зарубежных государств. Влиятельная сила партийцев в массе своей оказалась безучастной к московским начинаниям, в глубинку они проникали с опозданием. А чтобы сгладить вину за всеобщий кризис в “руководящей и направляющей”, в секретных анналах сей “процесс” разложения назовут “историческим опытом” — для потомков, мол, не всегда реформистские начинания оправдывают риск, тем не менее хотели светлых перемен к процветанию.

С перестройки начал и Горбачёв: под диктовку и нажим Запада, прежде всего — США. “Не учите, господа, как нам жить”, — кричал он с трибуны, но слова гремели, как пустые жестянки. Он говорил народу об общечеловеческих ценностях, что фактически означало откат в политике на позиции идеологических противников, от классовых принципов, обоснованных учением марксизма-ленинизма. “Канатоходец” в роли генсека хитрил между Западом и своей страной. Напомним, в Политбюро засело старичьё, жизнь в стране напоминала затянувшийся на годы “тихий час” в доме для престарелых. Так долго продолжаться не могло.

Но вернёмся к хрущёвскому времени. Начался мучительный обратный поворот в партии к прежним устоям: восстановлению райкомов, слиянию двух обкомов в один, закрытие или объединение газет. В. Ларин попал в эту круговерть, сыгравшую с ним злую шутку. “Куда ж влечёт нас рок событий?” — с чувством повторял есенинские слова, обращая их к своей судьбе.

В середине апреля 1963 года Ларин и автор этих строк предстали перед членами оргбюро во главе с Николаем Васильевичем Дыхновым. Они готовились провести партконференцию для избрания Алма-Атинского промышленного обкома партии. Мы догадывались: Дыхнов, бывший первый секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана, знавший нас обоих не один год по аппарату Цекамола и в “Ленмене”, предложил Вениамина Ивановича Ларина редактором газеты промышленного обкома, а меня — его первым заместителем. Он вёл с нами беседы о перспективах нового парторгана, склоняя перейти в газету, сказал о нас несколько добрых слов и спросил:

— Возражения есть? Вопросы? Утверждаем. Вам предстоит начинать с нуля: ни кадров, ни помещения. Постараемся помочь. Ваша главная задача: 1 мая выпустить, как положено, праздничный номер газеты. Мы уверены: вы справитесь, наша поддержка, повторяю, вам обеспечена.

Мы вышли с заседания далеко не в бодром состоянии духа. Ларин нетороплив в суждениях о невероятно сложной ситуации.

— Пойдём смотреть хоромы под редакцию, это возле Зелёного базара.

Нашли допотопную халупу, видимо, подготовленную к сносу. Она произвела тягостное впечатление: одна комната на весь аппарат.

— В тесноте, да не в обиде, — ворчал Ларин, — благо есть окна и подоконники, — он уселся на один из них, собрал всю пыль на брюки, отряхнулся и задорно рассмеялся:

— Хижина дяди Тома, помнишь, Гарриет Бичер Стоу?

— О, там природа глазам утешенье, баобабы, пальмы, а здесь рухлядь, словом, вигвам дяди Дыхнова. Обстановка хороша, но без радости душа!

Протирали стены, мыли полы вместительной развалюхи, расставили столы, на отдел по одному. Разживёмся по-столичному, надежды не теряли, а пока... Уныние от чертовски запущенной хаты, углы затянуты плотной сеткой паутины. Как творить газету?

— Давай брандспойтом пройдемся?

— Не выдержит, развалится, смоет, как щепку.

— Удобней под зонтами сидеть на лужайке возле арыка, чем в этом несуразном стойле.

— Кто у тебя есть на примете из ребят? — неожиданно спросил Ларин. Достая блокнот:

— Володя Поляков, на второго зама и завотделом пропаганды; Федя Климухин, ленсменовец, перезрел там, к нам бы его завотделом партийной жизни; Геннадий Жданов, промотдел, ведущий у нас, потянет, не сомневаюсь; ему в отдел Надю Гарифуллину, Виталия Криницкого, оба журналисты экстра-класса, вырастут ого-го до каких вершин; и, кажется, Абязова, Надина подруга; Слава Владимиров, эрудит, рецензент, на отдел литературы и искусства, потянет один, а там посмотрим; фотокор Вася Марунин, оперативный, быстрый, находчивый, скандальный и шепутной.

— А в секретариат?

— Тут сложнее. Петя Якушев, простим ему последние грехи, и пусть с новой силой берётся; Юра Кулибаба, макетчик, стилист, верстальщик; ответсек — надо подумать, обком будет утверждать, чтоб всё в нём без сучка и задоринки.

— Это не секретарь, если без задоринки, мы хотим, чтобы все творческие сотрудники именно задоринкой отличались — кто ярче, как Марунин, а кто сдержаннее, вроде Жданова, но все в кипении будней, ищут, находят, сочиняют, даже в троллейбусе, трамвае, а потом спохватятся, пять-шесть остановок мимо проехал. В этой хоромине, — увлечённо продолжал фантазировать Ларин, — не лишне прикрепить к стене портрет знаменитого Квaziмодо на фоне Нотр-Дама, а чуть поодаль от собора зелёная лужайка с фигуристой Эсмеральдой и козочкой. Сей волшебный пейзаж вдохновлял бы горячие головы сочинителей! О, подожди, они ещё порадуют наших читателей.

Он помолчал, достал блокнот, полистал:

— У меня на примете Милицкий Николай Павлович, аккуратный честняга, умеет из писем делать “конфетки”, в помощь ему литсотрудница Лена Гофман — отдел писем можно считать укомплектованным.

— А ты с ними говорил?

— Согласны, идут с охотой.

— Те, что у меня на примете, тебе следует с ними потолковать — пусть знают мнение редактора. С номенклатурой, что будем представлять в обком на утверждение, тоже. Там будут придирки к нам и следует иметь резерв кадров, на всякий случай. Подбор и предложения обкому завершим через пару-тройку дней. Слава богу, искать не приходится — иные сами напрашиваются, даже имея должности.

Пожилой и отменно опытный выпускающий “Ленсмены” Владимир Феодосьевич Короленко, помню, 20 апреля с утра до вечера мелькал в редакционной конторе, завязывал летучие разговоры с Лариным, со мной, со знакомыми журналистами, перекочевавшими к нам, и в этой сутолоке только мешал. Никто его не выдворял из помещения, ибо все уважали почтенного и забавного чудака. С рождения он заикался, смех скрывали и прятали в ладоши — поцарапанное маникюром молодой жены лицо стало привычным для всех украшением пожилого мужа. Скандалы между ними случались часто. Он сзади подошёл ко мне, взял за плечи и, заикаясь, шепнул:

— Б-боря, давай выйдем, по-поговорим наедине.

Мы вышли за угол нашего несуразного кирпично-саманного строения, и он, волнуясь, шептал:

— Хороший журналист, я его давно знаю, просится в вашу редакцию литсотрудником, Ларина и тебя он не знает, обратился ко мне за содействием. Боря, за приём на работу получишь тысячу рублей.

— Что? Подкуп?

— Да нет, хочет отблагодарить, ты посодействуй...

Тысяча в то время большие деньги.

Взятка — редкий случай, журналисту под видом подарка кто-то совал в карман кругленькую сумму, лишь бы он не публиковал критическую, разгромную статью. Такое явление, как коррупция, ныне превратившееся в массовое и разрушительное, мы тогда не знали. (После незаконной приватизации, под её шумок, она выросла в несокрушимого монстра, расшатывающего государственные устои). Как от броска змеи, я отскочил от Короленко.

— Успокойся, Б-боря, всё будет шито-крыто, а парень вам пригодится.

Я немедленно свернул разговор, оставил шептаться с самим собой ошарашенного внезапностью отказа Короленко. Вот-вот начнётся первая встреча редакционных работников, и Вениамин Иванович готовился к “тронной” речи. Протиснулся к нему и в двух словах передал суть сделанного мне предложения. Редактор вначале насутился, прищурил глаза, будто от яркого солнца, испытующе посмотрел мне в лицо, улыбаясь, иронически произнёс:

— Превосходно, значит мы что-то стоим!

Разум помутился, что ли? Несколько позже я понял — нет, на Короленко он никакой обиды не имеет, наоборот, любезно попросил:

— Владимир Феодосьевич, вы старейший журналист, наставник молодёжи, её любимец. Оставайтесь на нашем первом совещании.

Короленко обрадовался, надеясь протолкнуть свой “кадр”. Мне удалось ему шепнуть для розыгрыша о возможной сделке. Доверчивый и добродушный толстяк, ларинскую шутку он принял всерьёз и сидел среди весёлых ребят, сияя счастливой улыбкой. Он подмигнул своему протеже, высокому, худому парню, тревожно ожидавшему своей судьбы, пытался взбодрить его, поговорить с ним. Ларин поведал о задачах, поставленных перед редакцией партийными руководителями, и о главной из них — к 1-му Мая выпустить первый номер. Тут же высказал идеи, точнее, темы, которые необходимо осветить в газете. На первой полосе — выступление Николая Васильевича Дыхнова, первого секретаря обкома: проблемы области, движение за коммунистический труд, ни одного отстающего предприятия, высокое качество продукции, патриотизм и т. д.

— Во вкладыше газеты, — под одобряющий шум собравшихся пояснил Ларин, — поместим портреты завотделами, литсотрудников с указанием, когда и где родился, что закончил, а кого ещё не подобрали, на свободном месте напишем, чем вакантный отдел займётся. Укажем номера телефонов и ведущие темы, интересующие читателей. Добро пожаловать, авторы!

— А секретариат?

— Ещё подбирается.

— Редакторат?

— Сами понимаете, начальство, снимки помещать не будем, не поймут нас, обвинят в саморекламе.

Ларинское нововведение вызвало многочисленные пересуды: а вдруг тему статьи читатель не поймёт, не признает, посчитает неуместной? На заседании редколлегии решили толковую по её мнению, корреспонденцию печатать с фотографией автора, как поощрение за новаторство и содержание. Каким привлекательным оказался стимул!

Ларин подозвал протеже Короленко и предложил:

— Роман, напиши под своим портретом краткие данные о себе, как сделали другие, и предложи свою любимую тему.

Парень и его рекомендатель сконфузились до предела. Заметив старого и малого не в своей тарелке, Ларин вдруг услышал развеселившие его и всю редакцию слова Ромы:

— Грамоты у меня маловато, я всю жизнь промышляю дворником, ну а Короленко надоумил... он не знал...

— Не унывай, вот посмотри рисунок, с тебя сварганил наш художник, дадим на четвёртой полосе крупно: весельчак чудо-метлой усердно выметает скуку из трудовых коллективов. Так что будешь нашим героем на юмористической полосе!

Хохотали и пожимали руки то Короленко, то забавному парню, поздравляя с первым успехом. Неуютно, дымно, тесно, но “творческий процесс” пошёл, каждый занят и не обращает внимания на скученность и неудобства. Самозабвенный поэт, прошедший муки сталинских лагерей, высокий, сухой, с вдохновенным и выразительным ликом певца столетия, словно изваянного из мрамора, Василий Анисимович Бернадский увлёкся темпераментной декламацией, не замечая никого и ничего, потом спохватился, замолк, оказавшись в тишине, но растроганные слушатели в один голос умоляли:

— Вася, ещё, продолжай!

— Поместим стихи с портретом автора, — желание всех выразил Ларин, — тут лирика особая, магаданская, в ней вера, надежда и страдания души.

Испытание “Огнями”

Николай Васильевич Дыхнов неожиданно заглянул в нашу убогую хибару, молча покачал головой и уехал. Вскоре редакция переместилась в дом на углу улиц Шевченко и Мира, на первом этаже мы устроились прилично. Отделы, секретариат разместились в уютных комнатах, у каждого сотрудника рабочий стол, а не спина коллеги, ищущего, где бы приткнуться и написать несколько строк. В довольно вместительном кабинете Ларин мог собрать весь коллектив, провести планёрку, оперативное совещание, встречу с внештатным активом. Отделы приглашали авторов, они с охотой выполняли редакционные задания, реализуя свои способности на страницах газеты. В коридоре вывесили в рамках портреты редакционных работников, над ними крупный трафарет: “Пишите, приходите, советуйте”. Рудольф Павлович Маречек, оказавшийся нашим соседом, был самым желанным гостем (мы всех принимали тепло), а он — живая история и создатель предшественницы нашей газеты, её первый редактор. Умный, начитанный, общительный, с боевой революционной биографией — судьба забросила неутомного чеха в далёкую Алма-Ату, здесь он создал ячейку большевиков, возглавил её, выпускал газету. Автор и консультант для нас редчайшая находка, и мы все очень привязались к нему, отзывчивому, мягкому,

доброежелательному. Он переписывался с руководителями Чехословакии, другими знатными лицами, показывал нам письма, фото, документы и писал содержательные статьи.

Вениамин Иванович, умеющий не поддаваться эмоциям, всегда ровный и сдержанный, пришёл из обкома явно в расстроенных чувствах.

— Что-то случилось? — спросил его в кабинете.

— Да пока ничего, но, кажется, накатывает новая волна...

— Не понял, какая, если не секрет?

— Как орган промобкома, газету мы выпускаем третий год, читателями она востребована, тираж растёт, авторитет — тоже, мы, значит, нащупываем актуальные темы, — шеф начал издаека. — Завтра выйдет первая статья из трёх, подготовленных тобой по итогам проверки исполнения в Талды-Кургане (входил тогда в Алма-Атинскую область) острых материалов под рубрикой “По следам наших выступлений”. Мы добиваемся результативной деятельности от тех организаций, которых подвергли проверке и критике, крепко пощиплем Талды-Курганский горком партии за бесконтрольность. Ведь до чего докатились — на одном заводе торгуют станками, на другом пригрели травопольщиков, коим место в сельском хозяйстве. Одному из секретарей обкома я сказал, что серия критических материалов написана, журналист буквально прошёлся по следам наших критических публикаций, городским начальством незамеченных. Крепко, говорю, перепадёт безответственным и равнодушным. А секретарь мне бросает реплику: “Спешу, а то всё полетит насмарку вместе с промышленным обкомом”. Спихватился, что брякнул лишнего, пытался смазать впечатление, но слово не воробей, вымолвил — не поймаешь.

— Опрометчиво, — заметил я.

— Понимаешь, двум обкомам, надо полагать, в одной области тесно, кроме путаницы, неразберихи, ничего эксперимент не даёт, сами партдеятели не в тиши кабинета, а в кругу единомышленников о бессмысленной и вредной затее поговаривают. Промышленность и сельское хозяйство — не два различных острова, далеко отстоящих друг от друга, они связаны многочисленными хозяйственными нитями, их нельзя искусственно отделить, как сямских близнецов. Очевидно, начались трения, бюрократические препоны мешают оперативному и эффективному решению возникающих проблем. Вспомни статью “Травопольщики отсиживаются”. Травопольную систему, в своё время хваленую, осудили огульно: сразу и везде. В области она сыграла положительную роль. Местные травопольщики испугались повального гонения своих коллег и ретировались из сельского хозяйства в город. В Талды-Кургане я встречал их в отделах кадров предприятий, службе быта, ЖКХ, торговле, в общем, от полезного и серьёзного дела ушли и приткнулись кому где повезло. Сельский обком претензии адресуем промышленному: почему в городах “укрывают” сельских специалистов? Промобком, отрицая упрёки, амбициозно заявляет, что их вытуют на село, если там примут. Такие конфликты, рассказывали мне в обком, кроме волокиты и перебранок между ведомствами, подводят к объединению двух обкомов в один, как было прежде. Представляешь кадровую пертурбацию?

— Твои наблюдения и суждения логичны и понятны, кажется, уже началась подготовка. Каким документом она будет регламентироваться? ЦК КПСС, вероятно, примет решение, но как скажет о собственной новации, считай, неудачной, провалившейся? Ладно, их заботы, пусть выкручиваются, но без кадровой перетасовки опять не обойдётся.

— Прошу тебя, не в службу, а в дружбу, подбери завтра десятка два карагандинских и восточноказахстанских газет и заходи ко мне.

Конечно, я понимал волнение шефа. Вдумчивый и опытный аналитик, он предугадывал “рок событий” и готов к неожиданным зигзагам. Лихие повороты в его биографии не новость, они закалили, привили умение стойко сносить непредвиденные осложнения, не имеющие серьёзных аргументов.

Уединившись в одной из комнат, мы просматривали газеты.

— Что ты ищешь?

— Интересные публикации и рубрики. Опыт коллег всегда полезен.

Он тщательно вглядывался не столько в страницы, где больше шансов выудить искомое, а в четвёртую полосу. Отдельно отложил две карагандинских и две восточноказахстанских газеты.

— Посмотри, что стоит перед подписью редактора?

— И. о., ну и что?

— А то, что “процесс пошёл”.

— Какой?

— Объединение в областях двух обкомов в один. Две газеты не оставят одному обкому. И. о. ставятся только перед фамилиями редакторов газет промобкомов, что означает упразднение этих обкомов и их газет. Базовым, значит, остаётся сельский обком. Скоро состоятся партконференции. Они выберут членов единого обкома, бюро, секретарей. Вероятнее всего, ими будут деятели сельского обкома, у промышленников очень мало шансов. Представляешь судьбу журналистов?

— Но ты, Вениамин Иванович, не и. о.?

— До поры до времени.

— Не так. У промышленников газеты невзрачные, серые, вот редакторов и хотят спихнуть.

— Поживём — увидим, — задумчиво произнёс он.

“Вилы” в бок

Вникнуть в духовный мир Ларина немислимо без познания и выявления особенных интеллектуальных и нравственно-этических тонкостей его души. Но душа, как дух, неуловима, скорее всего, соткана и видима в комплексе своеобразных черт его характера и поведения. Целеустремлённость, выдержка, твёрдость, в сочетании с мягкой податливостью к доброте, обаяние, искренность и неподдельное уважение к близким ему людям по творческим исканиям, если даже они расходятся во мнениях, выводах, оценках жизненной позиции, громких событий и явлений.

Вспоминаю скандально-юмористический случай. Тяжело опираясь на перила, словно больной, осторожно ступая, сверху, навстречу мне, спускался Вася Марунин, наш неунывающий, находчивый, быстрый, весёлый фотокор. Улыбка всегда сияла на его счастливом лице, посмотришь и подумаешь: благополучный и удачливый человек, довольный собой, своей, как он говорил,

“одиночкой” (жил один), да всей тогдашней, далеко не в молочных берегах, жизнью. Жизнелюб и юморист выглядел подавленным, обиженным, расстроенным. С бедой столкнулся? Внезапный удар судьбы? Или хворь прицепилась к бедолаге? Сегодня утром ржал над какими-то своими снимками, смехом заражал коллег по редакции “Огней Алатау”.

— Что случилось, Вася?

— В бок вилы получил.

— Не понимаю, о чём ты? Что произошло?

— Не будем гадать, ВИЛ (так по инициалам называли Ларина соотрудники. — **Б. С.**) с редкой издёвкой забраковал все мои снимки с домостроительного комбината, где ты готовил материал о бригаде комтруда. Говорит, на фото не лица прославленных рабочих, а пропитые рожи, заросшие, немые, как у “бичей”.

Ясность осветила недавний мой с Васей Маруниным творческий наезд на Алма-Атинский ДОК. Я стал понимать, что к чему. До начала работы, как договорились, мы влетели в старинный низкопотолочный цех, на опилках полукругом лежали какие-то бродяги, помятые, похмельные, отрешённые, безразличные, злые. Молчали, охали и ахали с тихим матом, вчерашний перебор томил и ломал всё нутро, тоску нагонял на молодых, здоровых парней. Материал о них у меня записан в блокноте, но без фотографий. “Как развеселить их? — шепнул я Васе. — Мрачнее тучи каждый, где смех, улыбки, шутки?”. — “В бутылке”, — пошутил он. Смышлёный фотокор преобразился в клоуна, выкидывал те ещё коленца, умолял ребят поболтать и улыбаться, сыпал остротами, прибаутками, анекдотами, ничего не получалось. Вдруг Вася как прыгнет козлом вверх, не рассчитал, стукнулся в потолок теменем, шлёпнулся на опилки, но желанного хохота и бурного оживления не последовало, две-три хари скривили рты. Васе не до боли, по щеке текла кровь. Ужом подполз ближе к своим фотогероям, жестикулировал, как комик, лёжа щёлкал аппаратом, но трюки не помогли.

— Ведьму вам сюда на метле, мать вашу...

— Лучше пузырёк в заглазничке.

— Не хватало вас ещё водкой поить, — плюнул Вася, придумывая какой-то забавный приём.

— Ларин и всыпал мне: сорвал, говорит, задание, и вновь отправил в бригаду.

Обычно спокойный, выдержанный, на сей раз Ларин возбуждённо тыкал пальцем то в одно, то в другое фото, выговаривал секретарю:

— В вашем звене поделки Марунина следовало забраковать, с секретариатом все сотрудники обязаны считаться, не проходной двор, а как заводское КПП — контрольно-пропускной пункт. Понимаешь, — обращаясь ко мне, продолжал, — узнаю довольно странную историю, среди древоделов бытует анекдотическое определение коммунистического труда: “кому нести чего куда”. Издёвка над уникальным движением возникла не случайно: бывший бригадир, ныне уволенный, к концу рабочего дня рассылал своих подручных за деньгами, водкой и закуской — каждому давал поручение чего и нести в цех, в огороженном фанерой углу все втихаря собирались распивать. “Позорим свою честь, — ворчали ребята, — по две нормы за день выдаём, заслуженную славу сами же мараем”. У меня был их новый бригадир и заверил:

ударники привели себя в порядок и поклялись “завязать”. Уверен, Марунин сделает новые снимки, и они вместе с твоим материалом будут “гвоздём” номера. В текст вмонтируем крупным шрифтом клятву оступившихся парней покончить с пьянством и вести себя как подобает, помня знаменитые слова Чехова в нашей интерпретации: всё должно быть прекрасно в человеке: и душа, и тело, и одежда, и труд. Корреспонденцию после беседы с новым бригадиром сделал острее, особенно строки о нравственности. Посмотри ещё раз.

— Василия встретил с вилами в боку, — говорю, смеясь, редактору, — и со слезами на глазах.

— Понимаю, — улыбнулся он, — окрестив меня Виллом, придумали и “вилы”. Знаю, Вася старался, даже голову поранил, но зачем нести нам заведомый брак? Давай будем строже к нашим коллегам, к самим себе, — строгими и обязывающими словами, в критические минуты означающими: никаких компромиссов, он закончил поучительную тираду. Ларин — альтруист, конечно, не административный монстр, однако вспыльчивый и обидчивый Вася в сердцах назвал его тираном.

“Тирана” автор этих строк знал основательно и имел собственное суждение о его профессионализме и характере. Я усвоил от Вениамина Ивановича, своего мудрого учителя, частицу внушительного опыта журналиста. И не только. Он проявил себя вдумчивым и тонким руководителем, знал способности, интеллектуальные возможности и специфические черты сотрудников, очень взвешенно и обдуманно давал ответственные поручения. Поистине ларинская школа творческого мастерства на всю жизнь дала мне, например, заряд деловой энергии, умения общаться с авторами и руководить людьми, требовательно и с любовью относиться к печатному слову.

В тот день после планёрки тематического, весьма замысловатого номера о казахской молодёжи на отгонных участках, о романтической, нам казалось, жизни и работе молодых чабанов, сопряжённой с риском и выносливостью, мы с Лариным отправились к нему домой и незаметно засиделись дотемна. Он пошёл меня проводить, но, пройдя с полквартиры по улице Фурманова, вдруг остановился, замешкался, задумчиво произнёс:

— Ну ладно, Боря, ты топай домой, а я тут чуток погуляю со своими мыслями и тоже двину восвояси.

Зная его привычку поразмышлять наедине, я распроцался. Что-то вынашивает и хочет углубиться в детали будущего сочинения. Быстрое расставание меня тоже устраивало, Ларин мешал моему тайному намерению.

Огромный диск луны на чистом звёздном небе освещал улицу Курмангазы не хуже прожектора. Я укрылся в тени аллеи и осторожно пробирался к знакомому дому, наблюдая за Лариным, а он неожиданно свернул в подворотню и потерялся: очевидно, пошёл напрямик через двор и растворился в темноте. Но именно в этот двор, стараясь быть незамеченным, пробирался и я, предвкушая милую встречу с дамой моего сердца. “Так ждёт любовник молодой минуты сладкого свиданья”, — подогревали меня очаровательные пушкинские слова. Номера дома не знал, но уверенно шёл туда, где находил утешение и пылал любовной страстью.

Вдруг меня одолел смех. Милое предвкушение не вязалось с недавней прозой жизни в квартире Ларина: он терпеливо штопал носки, шутило ворча на жену Зою — кокетливая Зайка разбушевалась, обвиняя мужа в том, что не принёс её любимых духов и помады. О починке носков она и думать не хотела: пусть покупает новые. Денег на изысканный макияж и даже мелкие траты чертовски не хватало. Но хитрец Вениамин умел искусно гасить неминуемый пожар: “Понимаешь, Зоя, смысл вот этой статьи (на столе в беспорядке лежали бумаги) никак не могу уловить и понять, не вижу последовательности изложения, почитай и вникни свежей головой в содержание. — Протягивая странички жене, приговаривал: — Уверен, ты сможешь разобраться и разгадать ребус”. Зое нравилась за таённая лесть, стихали гневные эмоции. Принимая за чистую монету выдаваемые её слова, она усердно вчитывалась в текст, и на радость обоим выдавала советы и суждения, близкие к познанию завуалированной в нечётких формулировках истины. Вениамин восторгался находчивостью жены, и между ними царило взаимопонимание.

Вход в подъезд, куда, хромая, вошёл Ларин, освещён тусклым светом, но я чётко различал его контуры и походку и, признаться, ахнул: неужто мы идём к одной и той же Дульцинее и что произойдёт, если встретимся у двери лицом к лицу. Поистине, мир тесен. В подъезде я приостановился, прислушиваясь к шагам поднимающегося вверх “соперника” — мысленно его назвал именно этим словом. Если б кто со стороны увидел меня, высматривающего меж перил и прислушивающегося, по нынешним временам наверняка подумал бы: киллер высматривает свою жертву и ждёт удобного момента убить её. Я поднялся следом за Вениамином выше, и от сердца отлегло: на четвёртом этаже он надавил кнопку и исчез за дверью. То же самое я проделал на третьем. Меня хозяйка ждала. Мы уютно устроились за маленьким столиком, и я, сгорая от любопытства, непринуждённо, как бы между прочим, спросил Веру, кто живёт над ней. Ответ меня несколько озадачил: “Ты, возможно, её знаешь...”. Я промолчал, но, говорят, шила в мешке не утаишь, вскоре понял, там обитает Жеринская, воспитанница знаменитого педагога Антона Макаренко. В редакции она появлялась не часто: её беседы ожидали с любопытством, как и поучительные для молодёжи статьи. Она стала желанным и активным автором. Одинокая женщина, бывшая беспризорница, прошедшая суровую школу испытаний, весёлая, умная, пленяла редактора красивыми формами и оригинальными корреспонденциями.

На “живое место”

По заданию ЦК партии я как член комиссии по подготовке отчёта ЦК ЛКСМК, отбыл в Талды-Курган, с которым основательно познакомился в предыдущую командировку, когда готовил серию статей “По следам наших выступлений”. В воскресенье купил “Огни Алатау” и удивился, прочитав на первой полосе заголовков крупным красным шрифтом: “Твой партбилет”. Передовицы мы публиковали (правда, всё реже), а тут какая-то внеплановая. Стиль не наш, штампы, вроде “выполняя постановление”, “перед нами — очередные задачи” и т. п. Затасканные слова подчёркивали партийный стиль. Пахнуло суховеем. Ясно, готовится в Алма-Ате

областная партконференция. У самого входа в гостиницу меня настиг взволнованный и запыхавшийся Лёня Иванов, наш собкор по Талды-Кургану. Мы остановились в тесном проходе, и он атаковал меня:

— Что происходит? Ты в курсе?

Не понял тревогу коллеги и глянул на четвёртую полосу: редактор Ф. Ф. Боярский.

— Чертовщина какая-то! — негодовал Леонид.

Впервые с Фёдором Фёдоровичем Боярским я познакомился в 1954 году в Караганде. Он возглавлял областную газету “Социалистическая Караганда”. Находясь здесь в командировке, мы, работники ЦК ЛКСМК Вася Жуков и я, направились в редакцию не к нему, а к ответственному секретарю Фёдору Прокофьевичу Михайлову, нашему знакомому. Склонившись над бумагами, в кабинете сидел красивый, смахивающий на Маяковского, Фёдор, чисто выбритый, весь ухоженный и отутюженный, будто под венец собрался. Увидев нас, басом зарокотал: “О, большая честь, сразу два замзава пожаловали. Как устроились?”. — “Нормально, мы здесь обком проверяем...”. — “Может, чем помочь? Принесли статью?”. Угадал, как в воду смотрел. Статью пробежал быстро, завизировал, вызвал рассыльного: “Срочно в типографию, досыл”. Я тогда не знал значения этого слова, но догадался. Фёдор в трубку повелительно гудел: “Поставить статью в номер, разверстать на вторую и третью полосы”. Мы увлеклись беседой, вспоминали, гоготали бесшабашно и вволю. “Приходите утром”, — на прощанье сказал нам Федя, что мы на следующий день незамедлительно и сделали.

Вскоре заглянул Фёдор Фёдорович, Михайлов представил нас своему тёзке: “Наши авторы, спецы по коммунистическому воспитанию, в сегодняшнем номере вышла их статья”. Боярский грозно сдвинул брови — без его ведома? Но тут же заулыбался, пожал нам руки, подписал справку на получение гонорара — мы спасены, промотались в доску. Меж собой удивлялись — вызывающе Фёдор действует, видимо, характер покруче, чем у самого хозяина, прозванного “горластым самодержцем”, умеющим идти напролом. И не только в редакции. На заседании бюро обкома за аморалку обсуждали строителей Воробьёва и Синичкина, первый секретарь обострил обвинение и предложил крайнюю меру — исключить из партии. В наступившую томительную тишину вдруг ворвался “дормидонтовским”* басом юмор Боярского: “Уж больно крупной дробью бьём по мелкой птице”. Напряжение решающего момента как рукой сняло, кто-то хихикнул, заулыбались хмурые партсудьи и смягчились — объективная и остроумная реплика изменила их мнение.

Как видим, отличиться Боярский мог, что подтвердил и в “Казправде”, когда стал её редактором. Михайлов же, заняв этот солидный пост, оказался похлеще своего предшественника в остроумии, дерзких новациях и амбициях. Он всегда оставался самим собой в сложных критических ситуациях, которые случались нередко. Уверенный в своей правоте, без колебаний твёрдо шёл против течения, особенно при освещении целинной эпопеи, у одних вызывая нескрываемое раздражение, у других искреннее одобрение и пылкий восторг.

* Максим Дормидонтович Михайлов — знаменитый советский певец, бас.

Такова его харизма, даже в Советской энциклопедии означающая “божественный” дар, “святость”, он лидер, наделённый мудростью, героизмом. Редкая и в полном смысле слова неординарная Личность — интеллеktуал, прагматик, он поощрял проблемные публикации и суждения, иногда не совпадающие с начальственными. Его отличали пронизательность, весёлая общительность — неиссякаемый острослов, раскованность и возвышенный настрой души. Пятнадцать лет он терпеливо нёс тяжкий крест ответственности за каждое слово в газете, за каждого человека в редакции. Это ли не подвижничество? Не побуюсь сказать: истинного христианина, тайно крещённого, что нынче не противоречит духовно великим идеалам Добра, Дружбы, Любви, Надежды, Веры, Великодушия. “Легендарным” назвал его в печати журналист, и я, бывший работник ЦК партии, убеждён — не ошибся. Он превратил газету в популярную и востребованную читателями в республике и Союзе.

И ещё один существенный штрих: Фёдор Прокофьевич превосходно владел казахским языком, при встрече с друзьями и новых знакомствах весело представлялся: “Мен аргын орта жуз” (“Я аргын из Среднего жуза”). Если б граждане Казахстана так, как он, знали государственный язык, насколько колоритнее были бы их менталитет и культура.

О Фёдоре Прокофьевиче Михайлове, а с ним мы дружили десятилетия, написал не только потому, что всегда с почтением относился к нему, а ещё и по той причине, что, живописуя Ларина, хочу подчеркнуть: он не единственный в яркой плеяде талантливых мастеров беспкойного, тревожного, специфически сложного ремесла. Известны целые семейные кланы прославленных журналистов: Фёдора Михайлова, Касыма Шарипова, Виталия Энголи, Олега Мацкевича, Тельмана Жанузакова, Сабита Жеренова, Александра Белоцерковского, Ануара Алимжанова, Станислава Вержбицкого, Геннадия Жданова, Надежды Гарифуллиной и других.

Повествуя о талантливых журналистах, коих хорошо знаю, чувствую искреннее желание сказать о Геннадии Ивановиче Толмачёве. Однажды под вечер сижу во дворе на скамейке, вдруг за спиной слышу знакомый голос:

— Отчего грустишь, Борис Георгиевич?

— От безделья пенсионера, — обрадовался я, увидев компанейского соседа, главного редактора газеты.

— Приходи завтра в “Народный конгресс”, там потолкуем.

На следующий день я возглавил в той газете отдел социальных проблем.

— Давай немедленно интервью с начальником горуправления юстиции о квартирных кражах и борьбе судов с коррупцией — в Алматы взятки, поборы, подкуп чиновников, в том числе из строгой Фемиды, стали явлением обычным.

Через три дня, читая материал, он лукаво спросил:

— Ты где живёшь?

Я понял намёк. Мою квартиру напротив Советского райотдела милиции обокрали. Как воры днём проникли и скрылись незамеченными — осталось загадкой и после того, когда нагрянули сыщики с собакой. К интервью Геннадий Иванович в адрес милиции приписал: “Опережать надобно жуликов, хотя бы на пять минут до кражи”.

Броские заголовки, рубрики, “шапки” к подборкам материалов редактор придумывал ментально и угадывал в точку. Я удивлялся его

сообразительности и находчивости и понимал: свет идей, практических мыслей и юмора в нём неиссякаем.

К тому времени он проявил себя видным общественником, журналистом, писателем. Высокохудожественные книги “Жил на свете человек”, “Поэма об Олжасе”, “Лидер”, “50 встреч с Д. А. Кунаевым”, “Четыре ночи тревоги”, “Уж замуж невтерпёж” и другие, а также повести, рассказы, очерки неизменно пробуждают спрос читающей публики. Мою книгу “Бремя величия” о Д. А. Кунаеве и его окружении он охарактеризовал с вдохновляющей откровенностью опытного публициста и критика. Интеллектуал, кандидат наук, придирчивый и строгий к слову и к себе, посетивший до пятидесяти стран мира, Геннадий Иванович прошёл испытания “Казправдой”, “Комсомольской правдой”, многие годы редактировал “Огни Алатау”, “Народный Конгресс”, “Простор”, в котором сменил В.И. Ларина, в 1985 году ушедшего на творческую работу. Будучи заместителем главного редактора “Партийной жизни Казахстана” Ф. П. Михайлова, он, думаю, вникал в его опыт и отличается таким же весёлым нравом, общительностью, уважением коллег.

... Но я забежал вперёд.

Пребывая в полном неведении, я чувствовал себя чужим, лишним, ненужным газете. С первого дня прихода в неё нового шефа — Боярского — она заявила о возвращении к старинке.

— Боярский редактировал “Казправду”, а потом журнал “Партийная жизнь Казахстана”? — допытывался в тот мой приезд в Талды-Курган наш собкор Лёня Иванов.

— Да.

— Почему он покатился вниз?

— Лёня, спроси у него самого.

— Тебе сподручнее, ты зам.

— А может, уже отлучили?

— А Вениамина Ивановича куда?

— Не знаю, дружище, никакого трёпа, слуха, шёпота.

— А может, его на повышение?

— Дай-то бог, Лёня, поверь, ничего не ведаю, а гадать не хочу.

Мысли заняты одним: перемещение или смещение Ларина? Первое — возможно, а второе — за что? Газета востребована читателями, растёт тираж, редактор в почёте. Конечно, не все ларинские начинания воспринимались с пониманием и одобрением. Его рубрика “Журналист меняет профессию” вызвала разноречивые суждения: “вынюхивают жареные факты”, “втирают очки”, “покушаются на бдительность, доверчивость” и т. д. Возможно, в них есть доля истины. Журналист оказывался продавцом, шофёром, дворником, кондуктором, контролёром, факты плыли в руки и превращались в колючие заметки, корреспонденции, фельетоны, зарисовки с подлинными героями. Только злопыхатели могли выудить в юморе — насмешку, в шутке — обиду, в фельетоне — удар на поражение. Различные жанры печатались с неотразимой правдой. Ларин с тихим умилением слышал: “Смелое выступление”, а кто-то от злости скрежетал зубами и был готов к мести.

— Впрочем, позвоню и узнаю.

- Вениамин Иванович, поздравлять тебя с новым назначением или...
- Уволили меня.
- За что, почему, какие претензии?
- Никаких, утвердили нового редактора на “Огни”, только потом секретарь обкома сказал, что я освобождён от должности.
- А на какую прочат?
- Ничего не предложили.
- А что же Николай Васильевич Дыхнов?
- Он стал первым секретарем Алма-Атинского горкома партии.
- А мой статус? У меня командировка...
- Звони в ЦК или редактору.
- Вениамин Иванович, я в полном замешательстве и неведении, не пойму...
- Приедешь, поговорим.

С ощущением собственной никчёмности позвонил Фёдору Фёдоровичу Боярскому. Давно знал его, редактор высокого полёта, но с непредсказуемым характером. По объективным и субъективным причинам парить на высоте карьеры становилось сложнее, и он опускался всё ниже и ниже. Не хочу вдаваться в детали, думаю, здесь неуместно, но замечу, в “Огнях Алатау” Фёдор Фёдорович продержался менее года. Алма-Атинский обком партии после острого обсуждения на заседании бюро серьёзных промахов в газете и личного поведения её редактора (я присутствовал) освободил его от должности. Учитывая прежние заслуги, что он инвалид Великой Отечественной войны, предложение о более строгом наказании отклонили, досрочно отправили на пенсию.

Фёдор Фёдорович сочным, дребезжающим басом спросил:

- Кто, кто звонит?
- Самсонов, я в Талды-Кургане, по заданию ЦК.
- А, Борис, а я разыскиваю своих замов. Безудный тоже в бегах. — Он хрипло хохотнул, и я понял — навеселе. — А редакционный портфель пуст, в номер давать нечего, разве что ваши портреты.
- У меня ещё четыре командировочных дня, как мне быть?
- В понедельник хочу видеть тебя в редакции.

Сажать на “живое место” — циничная практика партийных органов. Она расцвела из хрущёвских надуманных реформ, в ходе их реализации порождались хаос, неразбериха, протаскивание на должности “своих”. Так творится и в “Огнях”. Завотделами областной газеты входят в номенклатуру обкома. Наш завотделом литературы и искусства Слава Владимиров аккуратно исполнял свои обязанности, привлёк солидных авторов, готовил качественные материалы. Ни слова ему не говоря, в обкоме утверждают на его место “свою” кандидатуру. Владислав ко мне: “Что за произвол?”. Я его понимаю, недоумеваю и к редактору: “Фёдор Фёдорович, почему вы не протестуете против кадрового беспредела?”. Слышу не шуточный, скорее, уклончивый ответ: “Как бы я на бюро обкома возразил, когда увидел такую красивую женщину?”. Не желая продолжать принципиальный разговор, он сослался на срочный вызов.

“Огни Алатау” сохранили название, но сберечь и удержать от бегства способных газетчиков не удалось! “Разброд и шатания” раскидали их,

“Огни” теряют имидж, как нынче говорят. Утром постоял двадцать минут возле киоска, никто из покупателей не приобрёл газету. “Гаснут “Огоньки”, — сказала киоскёрша, узнав меня.

... С Вениамином Ивановичем мы встретились в парке им. Горького, у нас здесь свой любимый “пяточок” развлечений — привлекательное, всё в кудряшках зелени по берегам, озеро, на лодке поплыли к крохотной бухточке, сверху скрытой ивами, как шатром. Приятная прохлада, таинственная тишина, чувствуешь себя обитателем джунглей.

— Романтично! — радостно воскликнул Ларин, что-то шутливое вспомнил о русалке, якобы здесь ему явившейся. — Я, Боря, отдыхаю, что остаётся безработному?

Я понимал его настроение и намерение уйти от разговора, ему неприятного, да и бесполезного. Заново возмущаясь бесцеремонным отстранением Ларина, других “огнёвцев”, мы явно начали бы толочь в ступе воду, повторяя ранее сказанное, строить планы уже намеченные, осуждать безликих, аморфных партрукодельцев в обкоме, неспособных разумно ориентироваться в осложнённой ими ситуации и беречь кадры. При всех передрыгах истинный журналист — бесценный дар природы, в душе романтик, любит и ценит красоту слова, служит только правде и чести, а его творческая энергетика — возвышению человеческого достоинства.

“Благовест”

Ларин никого и никогда не подставлял, не закладывал, всю ответственность за редакционные огрехи брал на себя. Вызванный к начальству “на ковёр” (нередко нас “утюжили” вместе), вёл себя достойно, сдержанно, не раздражался, соглашался с критикой, на колючие поддёвки отвечал лёгким покачиванием головы, сомневаясь в их верности. Словом, уверен в себе и твёрд. Таким я его знал и помню. И только через много лет, когда он редактировал “Простор”... Впрочем, ситуация зависела не от него, сколько от опутавших его хитросплетений.

Однажды с одним работником ЦК (я тоже из этого аппарата), плодовитым на скучные сочинения (когда-то вместе трудились под началом Ларина), мы прилетели из Москвы и с аэропорта — к своему бывшему шефу. Оба навеселе, в пути прихватили “тару”, хозяин, как всегда, встретил нас любезно, пригласил за стол, оживлённый разговор подогревался тостами. Вдруг слышу, повелительные упрёки вплетаются в нашу задушевную беседу.

— Вениамин Иванович, вы обещали дать мой материал в очередном номере журнала, но слово своё не сдержали. В чём дело? Почему отдали предпочтение другому автору? Вы рискуете...

Ого, как повернул, явно спекулятивный приём, а мы знали его тихим и скромным, агрессивность прозвучала резким диссонансом нашему настроению.

Ларин от неожиданности как-то обмяк, словно ватным стал. Позже мне разъяснил:

— Слышал, как он насаждает, прямо за яблочко берёт. Вот что значит партноменклатура — тон властный и даже угрозы. Я их не боюсь, но как мне быть: в журнале мы опубликовали Ильяса Есенберлина, ты знаешь,

какой он плодovitый и востребованный, его историческими романами зачитываются. Правда, завистники поговаривают, мол, он повторяется, а я утверждаю: популярность литератора растёт с каждым новым изданием. Ну как я ему скажу: “Подождите, есть серьёзный претендент”. Объективности ради, скажу, публикации нашего приятеля читательским спросом таким, как есенберлинские, не пользуются. Но он гонит один опус за другим и давит на меня.

Я понимал, Ларин в какой-то мере ему обязан выдвижением на пост редактора. Неужели он стал перед ним податливым, уступил нажиму? Один из номеров “Простора” от первой до последней страницы забил его материалами, чем вызвал шумное нареkanie пишущей братии. Наседающий и лютый в достижении личных целей, он ставил в затруднительное положение своего учителя, особенно обещаниями роскошной квартиры в элитном доме. Более того, обещал замолвить слово о представлении к государственной награде, учитывая, что грядёт юбилей Ларина.

Вениамин Иванович и без содействия своего покровителя заслуживал награды, подобные пожелания исходили не от простодушных доброжелателей, коими он был окружён, а от солидных организаций: Союза писателей, Союза журналистов республики, от видных общественных деятелей. Но тружеников пера обходили вниманием, забывали и Ларина. “Толкач” действительно может напомнить и, при удобном случае, продвинуть документы. Вопрос решается в ЦК, затем окончательный вердикт выносится в Москве. Скажут в республике “да”, “там” пройдёт наверняка, если не грянет что-то...

Ты — мне, я — тебе: что здесь особенного? — задумается читатель. Не так ли строятся нынче бартерные отношения меркантильно зависимых друг от друга лиц? Торгашеская рыночная терминология тогда встречалась только в учебниках, меж людьми доминировали социалистические принципы, исключая подобные торг бизнесменов, коих мы не знали.

Муха, попавшая в тенёта паука, обречена: мохнатый сначала высосет все соки, а потом довершит начатое. Знакомая картина напоминает ларинского “опекуна”. “Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь”, — Вениамин Иванович говаривал некрасовские слова, очевидно, себя имея в виду. Он не страдал завистливой жаждой славы, как может показаться.

К своему 60-летию и тридцатилетию творческой деятельности В. И. Ларин был удостоен высокой госнаграды. Да и не будь её, без натяжек уверенно утверждаю: В. И. Ларин остался в памяти своих друзей и поклонников его творчества как яркая Личность.

В Казахстане помнят его журналистское и писательское призвание, произведения, созданные с вдохновением и пафосом романтика: “Век прожить”, “Баллада о первой палатке”, “В памяти остаётся всё”, “ДиКорпус”, “Спроси у своего сердца”, “Твои ровесники”, “Земле нужны звёзды” и другие. Он автор десяти книг художественной и документальной прозы. “Моя “Ленсмена” напечатала стихи, считаю уместным их процитировать:

*Фронт газетный не знает затишья,
И традициям верность храня,
Мы по-ларински мыслим и пишем,*

*Не жалея для строчек огня.
Ваша должность в "Ленсмене" бессменна.
Пусть над нами проходят года —
Имя Ларин и имя "Ленсмена"
Будут рядом везде и всегда.*

Встреча ленсменовцев с моряками крейсера «Киров».
Второй слева — В. И. Ларин. Фото 50-х годов.

Предчувствия

Из редакции мы пошли вверх к проспекту Абая, на перекрёстке с улицей Мира и ныне стоит довольно внушительный для того времени дом, где я жил. Вдоль тротуара журчала чистая, как янтарь, горная вода в арыке, опушённом весенней травкой и первыми бледно-жёлтыми цветочками, сбившимися у кромки берега. Сейчас таких естественных ковриков не встретишь в городе, ложе текущих ручьёв замуровано в цемент, влагой их сухие русла изредка наполняются из аварийных подземных труб, изрыгающих всякую дрянь.

Вениамин Иванович неожиданно присел у зелёного опушка, а я с тревогой подумал: что-то стряслось с протезом. Но, слава богу, на сей раз этого не произошло. Он сорвал цветок, повертел меж пальцев:

— Смотри, лепесточки начинают вянуть, кончики сохнут, чего не хватает? Земли, воды, солнца, воздуха? Но рядом такие красавчики благоухают свежестью и ароматом, а этот потихоньку отмирает. Так и люди...

— Ты сентиментален, товарищ юморист и оптимист, то и гляди слезупустишь.

За многие годы знакомства с Лариным впервые увидел его печальные туманные глаза, обычно сверкающие синевой чистого неба

и смешинкой; беспомощно опущенные плечи, будто внезапная тяжесть свалилась на них.

— Да что с тобой, Вениамин Иванович? Сейчас зайдём ко мне, примем за обедом по “азмасу” (“азмас” по-казахски — немного), и хандру как рукой снимет.

— Ты заметил, Боря, я всё чаще попадаю в больницу?

Я покачал головой, задумался. Ларин в самом деле в последние два-три года оказывался на больничной койке и каждый раз на длительное время. Мы привыкли видеть его деятельным, бодрым, весёлым, завораживающим собеседников, они норовили “повиснуть на нём”, подкарауливая подходящее время. Когда после лечения он возвращался, под воздействием какой-то волшебной творческой энергетике, что ли, люди превращались в ещё более деятельных, инициативных, озабоченных, чем, собственно, всегда отличались.

— Доверительно скажу тебе, лечащий эскулап под большим секретом поведал мне об излишней кислотности в моём организме, что угрожает онкологическим заболеванием.

— Послушать врачей, так в людях всегда чего-то не хватает, а чего-то в избытке, как у тебя, так убавят, на то и лечишься. Вспомни, Солженицына от смертельной болезни спасли.

Я взглянул на его бледное лицо, загар совершенно не пристаёт.

— Опасный излишек во мне после лечения не убывает, вот в чём сложность.

— И ты поверил? Выбрось бред из головы, ведь не окончательный, а предположительный диагноз, не губи, не терзай себя.

Как мог, пытался его утешить, понимая, врач о такой мрачной перспективе без серьёзных на то оснований пациенту не скажет. Так вот почему Вениамин Иванович трогательно смотрел на увядающий цветок. Неужто его мучают предчувствия? Да, он жаловался на “тяжести” и боли в желудке, дискомфорт, да без болячек редко кто обходится.

Он откровенничал о бренности жизни и её зависимости от непредвиденных случайностей. Потом спохватился, укоризненно качал головой, стряхивая, как перхоть, налетевшую грусть, и преображался в забавного и остроумного шутника. Эта встреча с ним в Алма-Ате, до его спешного отъезда в Москву, до сих пор вспоминается с нескрываемой печалью и тоской. Но ничего не может затмить в сердце очарование далёкой беспокойной молодостью.

Татьяна НИКИТИНА

“Сестра раздумий – тишина...”

Вдохновение

Даже пульс захвачен ожиданием, —
Вот сейчас у сердца полыхнёт.
Сокровенной солнечною данью
Одарит и выпорхнет на взлёт.

Там, где не бывает даже тени, —
Мера чувств уместна и верна.
Да взойдёт любовью вдохновенье,
Как души живая сторона.

Город надежды

Ты проявляешься под сферой
Таких активных лучеформ, —
Что в дни любви,
надежды,
веры —
Слывёшь и барсом,
и цветком.
Твои величие и сила —
Две составные красоты.
Природа-мать уговорила
Воздвигнуть сказку у воды!
И даже в бликах звёздной пыли
У водной глади есть улов, —
Ты в ней сияешь каждым шпилем
И каждой гранью куполов.

Татьяна Васильевна НИКИТИНА

родилась 11 февраля 1955 года в г. Рубцовске Алтайского края. Всю сознательную жизнь прожила в Казахстане. Окончила филфак Целиноградского пединститута, работала в комсомоле, на поприще культуры, в средствах массовой информации. В 1991 году создала творческое объединение “Вдохновение” и

школу-студию для молодёжи и подростков. В 2005-2006 годах выпустила три сборника стихов и две книжки для детей. От изящной словесности плавно перешла к ажурной стали, открыв металлоцех. В настоящее время занятия творчеством сочетается с производственной деятельностью, строит здание своего будущего издательства. Постоянный автор “Нивы”. Живёт в Астане.

В полный рост!

Усталый день
Коснулся стен,
Сметая тень
Свою с колен.

Над ней столица
В полный рост
Целует лица
Вечных звёзд.

Едва качнулась
Высота...
Пока очнулась, —
Вновь взята.

Строенья родом
От цветка!
Гордится городом
Река!

Над снегом
Птичьего крыла
Шагает в небо
Акмола.

Весть эту в даль
Несёт она.
Великолепна
Астана!

Восторг обновления

Снег не растаял,
Но мне уже снится —
В небе проносятся стаей
Жар-птицы.

Что-то весеннее,
Свежее, нежное
Жарко запенилось
В мире заснеженном.

Звонко щебечут
В предчувствии радостном
Птицы беспечные
В воздухе парусном.

Сердце сжимается
Чем-то неведомым,
Словно прощается
С зимними бедами.

Заледневших карнизов
Не трогая,
Голуби низко
Летят над дорогою.

Жизнь из-под снега
Вздывается пеною,
Словно побег
Спешат во вселенную!

Солнечным призом
Весне в день рождения —
Дух Наурыза,
Восторг обновления!

Отцу

Сестра раздумий — тишина
И равновесия богиня.
Шепчу родные имена
Под пробуждающейся синью.

От них из прошлого светло,
Пока затишье не прервётся...
И бьётся тонкое стекло
Во всём мешающих эмоций.

Я ухожу от суеты,
Сердце родных желая света.
Лучистым самым был бы ты,
Но нет тебя второе лето.

Ты тихо вышел в далеко,
Оставив образ, сны, мотивы.
И наставленье, как закон, —
Прожить достойно и красиво!

Порою слышу тишину
С той интонацией родною...
И словно чувствую вину
За боль, что нет тебя со мною.

Письмо от отца

Ношу в себе священные награды
За путь земной на рубеже веков.
Мы не расстались,
слышите,

Я не исчез, неправда,
я тут,
недалеко.

Тревога тяжела и неподъёмна,
Она застряла в матрице земной.
И налегке — невидимый и скромный —
Поднялся я над прожитым домом.

Вернулась память, прежнее величье,
В кругу семьи — вселенское “плечо”.
В моём, любовью созданном, обличье
Урок Земли вибрирует лучом.

Меня вы не узнаете до срока,
Завесы тень — уместности звено,
Но во вселенной, от любви широкой,
Я неразлучен с вами всё равно.

Такое чувство...

Такое чувство, что вы снова
Сумели в мир мой завернуть, —
В какой-то звёздной родословной
Уже отмечен этот путь.

И было в мире том не лето,
И до рассвета — целый миг.
Вы принесли охапку света
И ощущение семьи.

Тогда обыденность молчала,
В рассвете серость хороня.
А вечность верностью звучала
По обе стороны меня.

За истиной

Мой истинный дом —
Метафизики том.
Я в нём растворюсь
И воскресну потом,
За жизнь излучусь
И исчезну любя,
Когда достучусь я
До высшего "Я".

Осенняя леди

Всё явственней меди
Добавилось в свете.
Осенняя леди,
Вы всё ещё в лете?

Изящно ладони
Открылись закату,
Мелькают на склоне
Осенние даты.

Как будто мгновенья,
Спускаясь на ветки,
Пожухлые тени
Бросают, как метки.

Сливается локон
С янтарным загаром,
Под облачным соком —
Размытые пары.

Спокойней любовь
И степеннее ласки.
Вы впишитесь вновь
В эти тёплые краски.

Знойные женщины

Зноем увенчаны, жгучие даже,
Знойные женщины ходят по пляжу.
Солнечным блёсткам на грациях тесно.
С огненным лоском осадок небесный.
Кожа лучи принимает до боли.
Словно в печи запекаются соли.
Яркость не та в волосах и одежде,
Но высота в синих взглядах, как прежде.

Богиня

Ты родилась к делам дотошной
И беспристрастною к молве,
С гранитной пылью на подошвах
И божьей искрой в голове.

Задув огонь противоречий,
Не утонув в потоке дней,
От медных труб не став беспечней,
Ты как богиня на коне!

Сама ты, всех излишеств против,
Погарцевала и — “к станку”.
Да только греческий твой профиль
Как брат лавровому венку!

В мир с любовью

Когда года ускорят ход,
Чтоб дольше
Не остановиться,
Душа над пропастью
Невзгод
Да воспарит
Прекрасной птицей!
Не подведёт
Её крыло,
Украсит истиной
Простою:
Не может быть,
Чтоб не везло
Тому, кто в мир
Пришёл с любовью!
Ведёт Всевышнего
Рука
Того, кто верит
В перемены.
Унынье в радость
На века
Да превратится
Непременно!!!

Хрупок мир

Хрустальный день открыт лучам, —
Как хрупок мир благополучья.
Лучится радостью очаг
И дремлет дух в тепле излучья.

У чаши той не видно дна,
Пока не рухнет безмятежье,
Пока аukaет весна
И отзывается подснежье.

Но зорче вглядываясь вдаль,
Заметим, как необратимо
Обратный ход даёт спираль,
Что так бездумно завели мы.

Я не грущу

Я не грущу в парении свободном,
Моих тревог не выведает ты.
Привычно быть частицей инородной,
Осколком сна, фрагментом красоты.

Заиндевила нежность от полёта,
Но жаждет дух от звёзд благоговеть!
В размерах воли высшие красоты
Я из травы не мыслю рассмотреть!

Сокровенное

На высокой струне
Жизнь сольётся с искусством.
Нету воли сильней
Отменить этот взлёт,
Если первое
Самое нежное чувство
Возвратилось ко мне
И подняться зовёт.

Я не стану бежать.
Это было однажды.
Ну зачем унижать
У излучины лик?
Пусть в парении пульс
Отстучит своё дважды,
Отыскав в небесах
Сокровенность земли.

Приближается миг
И мечта зажигает.
От пророческих книг
Не осталось угля.

Дух мятежный шумит,
Но приемлет, сгорая,
Как восторги земли
Наполняют мой взгляд.

Будет сказано всё
До последнего звука.
Пусть последнею вспышкой
Любовь обожжёт.
Но пусть в Вечность несёт
С этой сладкою мукой,
Где прощанье — не в счёт
И со мною — моё!

Точка

Всё между нами обрушилось сразу!
Хлещут нещадно большее бича
В гневной гордыне рождённые фразы,
Мрачной печатью штампуя печаль.

К серому призраку выйду навстречу,
Долго блуждая в кромешной тоске.
Только б вернулись волшебные речи,
Не замирали в моём дневнике.

Век представляется сумрачно длинным.
— Нет, — вырывается. Хлопает дверь.
Только надежда не хочет покинуть.
Точку поставить непросто теперь...

Мы от земли

Ушедшей юности зола
Дала уверенность побегам.
Казалось, вечность замерла
От нескончаемого бега.

Они в сегодня проросли
На нас похожие, но всё же...
Мы были больше от земли.
Мы их серьёзнее и строже.

Пора итоги подводить;
Но ищет взгляд живое дело,
Чтоб снова время заводить
Для гибких струн души и тела!

Юри МЭТТЮ РЮНТЮ

“Все женщины прекрасны!”

10 интервью для “Нивы”
к Международному женскому дню

1. Жания Аубакирова говорит: “Моя Музыка — моя Жизнь”

Это роскошный музыкант и ректор консерватории. Алматинцы счастливы её выступлениями, согреты теплом её таланта и её достижениями на сцене. Мало кто из журналистов отважился разговаривать знаменитого музыканта Казахстана.

Здесь рассказ о прекрасном сердце, которое живёт музыкой.

И всё же, музыкант за роялем — это самый молчаливый артист. Поют и разговаривают пальцы. Слушателю, однако, игра музыканта может рассказывать всё и ответить на все вопросы.

Здесь и для тех, кто видит госпожу Аубакирову со стороны и не участвует в её каждодневной жизни. Нередко невежество рождает недобрые жесты. Администратор и Музыкант — незаурядная комбинация забот и тревог, особый груз ответственности.

Её гений и современники — определяют вместе достижения высокой культуры и репутацию своего времени.

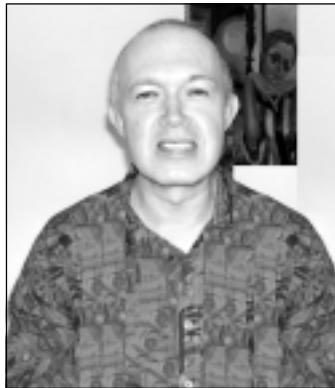
Я говорю:

— Поздравляю ТЕБЯ с 8 МАРТА!!! Но откуда эта твоя божественная музыка? Что стоит за твоим вдохновением? Что движет твоей интуицией

Юри

МЭТТЮ РЮНТЮ

(родился в 1949 г.) — один из крупнейших русскоязычных писателей Австралии. Его 35 книг по русской истории, о выдающихся представителях балета, театра, литературы, музыкального искусства России известны и у нас в республике. В седьмом-девятом номерах “Нивы” за 2006 год опубли-

ковано его документальное повествование “Авиарейсы: Алматы — Москва — С. Петербург”. С осени минувшего года Юрий Мэттью находится в Алматы, где работает над новыми книгами. В начале декабря 2006 года писатель вместе со своей супругой Елизаветой Малиновской побывал в Астане и был гостем нашей редакции.

и создаёт ту радость, что наполняет жизнь слушателей на твоих концертах? Расскажи, как ты общаешься с гениями — композиторами, которые материализуются в зале, в минуты твоих духовных откровений на сцене.

Она рассказывает о себе:

“Спасибо! Я люблю ЭТОТ РАДОСТНЫЙ ПРАЗДНИК ВЕСНЫ!!! Однако музыка — это особый разговор... Это случилось не в один день! Мама отдала меня в музыкальную школу, и я с удовольствием согласилась с её выбором судьбы для меня. Она как-то заметила, что я заслушиваюсь игрой соседки Лиды — она была прекрасной альтисткой. Вот так это и началось — моя профессиональная музыкальная подготовка. Выбор мамы стал для меня профессиональным путём в Музыкае.

Моя семья — семья профессионалов. Родители много учились и сами учили в университете.

Папа занимался всегда экономикой и достиг высот признания в своей профессии, стал академиком и экспертом в Казахстане.

Мама — после диплома Ленинградского университета — посвятила жизнь восточному факультету, что стал её призванием.

Их интеллектуальный стандарт определил уклад семьи, домашний распорядок дня и круг занятий для детей: меня, старшей в семье, сестры Жанары и младшего брата Каната.

Папа сочинял стихи и был — не из строгих — дома. В семье все любили народные песни. Родители разговаривали между собой то на русском, то на казахском. Мы же, дети, отвечали им только на русском языке. Так нас учили в школе, приучали думать и отвечать только так.

Мама с увлечением пела наши казахские народные песни, часто запоминая их слова, что транслировало городское радио в Алматы. Также была она влюблена и в академический балет и оперу. Их красоту она открыла во время студенчества в России.

Возможно, это большая удача, что родители работали в КазГУ, а значит всегда полдня были дома и поэтому строго контролировали наше времяпрепровождение и обязательное выполнение домашних уроков. Мне и брату с сестрой это не нравилось, но строгость этого правила в семье — была обязательной и неизменной год за годом.

Наш дом был уютным, ухоженным, с расписанием личных обязанностей для детей и взрослых. Это помогало многое успевать делать и видеть свои успехи в школе.

Всегда было понятно: “Родина — это навсегда” или “Стыдно — не дать нуждающимся”. Сердоболие и участливость принимали все. Существовало и восточное табу: “Не все темы обсуждаются родителями с детьми”. Когда у них были какие-то тайны от нас, детей, то они вдруг начинали разговор только на казахском.

Русская и европейская культуры — навсегда естественны для меня, моих близких. Суеверий совсем не было и нет. Есть только мир, который может противостоять обновлению и доброму созиданию. Вот почему я никогда не защищаюсь и не борюсь. Я живу с открытыми ладонями. Без музыки — я не могу. Когда я вспоминаю своё счастливое и радостное детство, то начинаю говорить о моей байсеитовской музыкальной школе в Алматы, где и был мой второй добрый дом.

Я не живу, если не играю концерты. Свой восторг от музыки делю с публикой. Я чувствую, как вокруг замирают сердца, привожу их во

взаимный восторг. Я всегда ощущаю лёгкость и эйфорию во время концерта.

Редкий дар — жить в Музыке — был открыт для меня Прекрасным Учителем. Это сделала Венера Максимовна Ибраева. Она передала мне в дар — чувство, энергию и поэтичность бессмертия музыки. Это стало благословением. Это благословение — жить в музыке.

Для меня музыка — не мистика. Здесь нет границ. Музыка — не конкретна и не реальна. Здесь звуковые портреты композиторов, авторов музыки. Здесь — мой мир, свет, цвет ощущений, жёлтая музыка, тёмная музыка, светлая музыка.

На сцене ускоряется чувство времени.

Во время игры я слышу интонации разговоров, голоса тех далёких веков, их трепет чувств, напряжения страстей... Всё становится реальным. Всё — близко. Всё — прямо сейчас.

Часто разбираю музыкальные шедевры по составным частям, и тогда — вдруг — вижу их настрой, как математическую красоту. Никаких расстояний или остановок во времени. Удивительное ощущение. Я живу этим чудом, радостями от музыки.

Я — уже давно — не играю ради комплиментов. Всегда есть кто-то больше меня, более знаменит или более популярен на сегодня. Меня всё чаще и чаще волнует: почему конкретное музыкальное произведение пульсирует в вечности? Почему это универсально в своей гармонии? Откуда возникает в зале трепет от исполнения на рояле, и это — безоговорочно — принимается чередой многих поколений, вне разницы в возрасте между людьми. Пытаюсь понять для себя: почему этот шедевр — вечен?! Почему он универсален и бессмертен?! Всё это занимает меня более и более год от года. Это волнует сердце. Удивительное чувство. Я счастлива открывать новое для своего сердца.

Бывают у меня и неудачи, и я это вижу и это замечаю, без подсказок. Такое происходит, если я не в фокусе или меня настигла пустота, или когда я не рассчитала эмоциональной нагрузки. Я говорю в этот день: “Это моя прямая неудача”.

Да, я напрямую принимаю факт неудачи со своим конкретным концертом. Я отчётливо вижу, что тогда не было контакта с залом. Я говорю себе открыто: “Концерт не получился. Виновата я и только я сама”.

В эти часы и дни меня настигает тяжёлое отчаяние. Мочалю, мучаю себя. Я страшный судья для себя самой. Но я никогда не становлюсь такой для других. Для меня свято понятие: “Не увеличивай зла”. Некоторые поступки других я не прощаю. Просто сердце не позволяет — быть на стороне дурного или разрушительного. Внутренний покой — это очень важно для музыканта и педагога.

Моя семья и мои дети — для меня свято. Это мой воздух, моя радость и огромное женское и материнское счастье. Я остаюсь в традициях воли родителей, от которых унаследовала пуританство, строгие правила жизненной позиции и взглядов на своё место в обществе.

Однако я помню и сейчас то чувство, которое взбудоражило меня в далёком детстве. От этого, в десять лет, проснулось сердце. Одноклассник Володька, такой умный и пухленький, подвёл меня за руку к учительнице и сказал громко-громко: “Мы поженимся”. Это дико смущало. “Это невозможно! Я — из пуританской семьи...” — разговаривала я с собой молча. А внутри — было неведомое чувство. Мне было приятно.

Это осталось в том далёком времени. Я не хочу расставаться с этим беспокойным чувством. Моё пуританство не гасит ту память. Это — тоже моя жизнь. Это — я сама, та далёкая девочка с бантиками и косичками”.

— А сегодня, что дорого для тебя, прекрасная Жания? Расскажи для своих учеников о нелёгких истинах, как жить и быть справедливой, и быть такой счастливой, и часто осуществлять свои добрые и нелёгкие мечты?

Жания Аубакирова говорит о важном для нас:

“Совесть — это внутри, и обязательно от родителей. Я вижу это в глазах мамы, отца, детей и мужа. Я стараюсь общаться с совестливыми людьми”.

“Дружба — это счастье, но это — редко. Это — наслаждение и радость жизни. Я часто себе в этом отказываю”.

“Дети — моя гордость. Пока они на мужа. Какие они есть — заслуга моего мужа. У меня два мальчика”.

“Сердце — моё сердце — мягкое. Мой разум заставляет меня выдерживать большие нагрузки. Я знаю своё место в жизни. Я — счастлива”.

Вот и всё, мои друзья-читатели. Я преклоняюсь перед роскошным музыкантом и красавицей — Жанией Аубакировой.

2. Вера Куйдина говорит: “Я знаю. Я уверена. Мой муж Юра и академик Сахаров спасли Мир от Третьей мировой войны”

Юри Мэттью рассказывает:

Она — вдова Юрия Ивановича Куйдина, который совершил великий подвиг против сумасшедших учёных и безумных политиков. Многие годы она помогала ему остаться живым. Она постоянно была его верной соратницей в нелёгких трудах по спасению детей от последствий смертоносных испытаний ядерного оружия. У меня есть предчувствие, что вместе с великой и знаменитой госпожой Боннэр они будут удостоены из нуреевского завещания — медалью Андрея Дмитриевича Сахарова. Их международный авторитет огромен и их голоса услышаны вокруг. Если академик Сахаров говорил о прогнозах “После термоядерной зимы”, то её муж ДОКУМЕНТАЛЬНО ИЛЛЮСТРИРОВАЛ ЭТИ ПРОГНОЗЫ. Мои симпатии к Вере Петровне бесконечны. Я горжусь этой дружбой и преклоняюсь перед отважной и смелой женщиной. Она напористый и выдающийся человек, преодолевший многие политические давления, психологические испытания и физические страдания. Сегодня она наследница добрых дел мужа и его забот о детях и подростках-инвалидах, признанных жертвами ядерных испытаний АН СССР и Вооружённых Сил СССР. Подробности в книге № 28 “Выбор правды: нобелевский лауреат Андрей Сахаров”. Казахстанка и украинка Вера Петровна Куйдина — российский и американский эквивалент госпожи Елены Боннэр-Сахаровой (почётной гражданки США). Мы познакомились в 1993 году и до сих пор очень дружны. У нас любимый православный святой, которому мы глубоко поклоняемся и регулярно совершаем паломничества к его священной раке в Загорске. Здесь захоронены святые мощи Сергия Радонежского. Недалеко от этой Величайшей Российской Святыни живёт брат

Веры Петровны. Они часто видятся. Я люблю бывать в волшебном по очарованию Загорске и в сказочных Кижях, что на Онежском озере, с середины августа и до конца сентября. Это любимое время года и для неё. Вот что она рассказала:

“Что говорить о себе?”

Спасибо за поздравление с 8 МАРТА!!! Но мне в этот день вспоминается мой муж, который всегда поздравлял меня в этот РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ !!! Мы с Юрой сделали всё, что могли и не смогли. Он собрал все возможные фотодокументы, которые показали то, ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Вероятно, это стало так очевидно и наглядно, что сумасшедшие учёные и безумные политики не смогли противостоять неизбежному факту самоубийства человечества и гибели всех народов и стран мира без любых исключений.

Вот и всё, что мы сделали.

Я помогала ему выжить и спасала от чувства безысходности и минут безверия в себя.

Я помогала собирать адреса и имена родителей и их больных детей, кто жил вокруг смертоносных полигонов с ядовитой радиацией. Он фотографировал лица обречённых получеловеческих и полуживых, при смерти, граждан СССР.

Этого выдержать он в конце концов и не смог — ему отказало сердце в 2000 году.

Меня с тех пор поддерживают особые друзья, которых мне оставил мой муж Юра. Вот самые дорогие письма от давних из них: доктора Федерико Майора, кардинала Квинтано и леди Клинтон. Личные встречи определяют очень многое и исключительно важны для дружеских отношений.

Это моё окружение и, конечно, благословение от выдающихся граждан планеты. Пишем тысячи и тысячи. Они от самых разных слоёв общества и из разных стран мира.

Письма же от компьютерного короля Гейтса, музыканта Элтона Джона и актрисы Элизабет Тейлор по-особому согревают моё сердце и радуют душу.

Однако жуткое горе и бесконечные слёзы невинных жертв циничных научных экспериментов с термоядерным оружием — тяжело видеть и сопереживать.

Я сохранила их имена в количестве более 12 000 человеческих судеб для книги “Выбор Правды: нобелевский лауреат Андрей Сахаров”, что представлена в двух мировых наследиях — Рудольфа Нуреева и Юри Мэттью Рюнтю. Здесь фотографии мутантов и их диагнозы болезней, их почтовые адреса и их домашние телефоны для возможной меценатской помощи от сердобольных граждан различных стран. От министерств здравоохранения из стран СНГ материальной помощи почти никакой и никогда не было — КАКИЕ-ТО НИЩЕНСКИЕ ПОДАЧКИ (не более 5 или менее 20 американских долларов в месяц на одну жертву в искалеченной семье).

Так живут и сегодня все эти 12 000 жертв научных экспериментов на людях.

Это самые позорные страницы сегодняшней истории стран СНГ.

Эти полубезумные умирающие граждане не только ОБОБРАНЫ МАТЕРИАЛЬНО ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ МИНИМАЛЬНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ НА НУЖДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ, НО И ОСКОРБЛЕНО ИХ ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУЩЕСТВ XXI века.

Возможно, что наследия этих двух великих людей помогут избежать и станут препятствием для термоядерных войн в третьем тысячелетии.

Я же осталась вдовой, и эта моя цена за мир, это нелегко для меня и сегодня.

Сейчас мне 65. Жизнь остаётся очень тяжёлой. Мне не хватает на жизнь, а постоянные материальные лишения изматывают. Журналы и газеты постоянно крадут фотоматериалы моего мужа, попирая копирайт. Уже местная ковровая промышленность выпускает оттиски на основе воровства его фотошедевров. Стало всеобщей и общепринятой нормой не платить мне никаких гонораров после интервью или телепередач с моим участием. Это очень и очень горькая правда. Я знаю. Я Уверена. Мой муж Юра и Андрей Дмитриевич Сахаров спасли мир от Третьей мировой войны. Оставшиеся в живых — потеряли совесть и уважение к себе и ко мне. Всё, что я говорю — это АБСОЛЮТНАЯ ПРАВДА, а не их пиар, тех дешёвых жуликов от прессы и телеканалов.

“Не подходите ко мне без выплаты всех гонораров за многие годы унижения моего человеческого достоинства!!!” — говорю я сегодня хозяевам частных радиостанций и хозяевам частных телестудий.

Мы сделали всё, чтобы убедить РАЗУМНЫХ ЛЮДЕЙ ПЛАНЕТЫ против применения радиоактивного оружия на полях сражений, которые постоянно и постоянно присутствуют на Земле, нашей планете.

Вот, пожалуй, и всё”.

3. Жанна Ахметова говорит:

“Я верю в успех добрых дел на земле”

Юри Мэттью продолжает:

Она щедрый меценат и очень талантливый менеджер по программам спонсорства для детских театров и студий детского творчества. Её бесконечно обожают и любят дети. Свой богатый жизненный опыт и обширные знания по психологии она использует в направлении гуманизации и облагораживания государственных школьных программ. Мы вместе занимаемся изданием ряда книг, специально написанных по планам Рудольфа Нуреева в Австралии и России. Вот что она рассказала о себе:

“Тронута поздравлением с ВЕСНОЙ и 8 МАРТА!!! Я топ-менеджер, но “сердцу не прикажешь”. Волевые решения определяют мою профессиональную жизнь в бизнесе. Я не подчиняюсь негативным ситуациям. Это не моя судьба.

Иногда я выжидаю, сберегая силы для дальнейшего и более важного события в общественной или личной жизни. Я оптимист и держусь на этом. Но когда обидно, то я обижаюсь. Однако жизнь улыбается мне и часто щадит меня.

В двадцать я была безмятежно счастлива. У меня были семья, сын и дом. С тех пор это чувство куда-то затерялось и стало мечтой.

Я не держусь за вещи, и у меня есть склонность к расставанию. Гораздо проще расставаться с вещами, чем с людьми близкими или людьми

вокруг, примкнувшими по жизни. Моё слабое место — привязанность к окружению, которое складывается годами общения.

У меня есть дурацкая манера, что, работая с партнёром, я его или её идеализирую. В такой ситуации иногда доходит до абсурда, и это так. Я знаю своего внутреннего врага в лицо — это Самоидеализация Кого-то. В бизнесе это совершенно недопустимо, хотя в личном быту это укрепляет отношения как система авансов и надежд.

Я восхищаюсь и люблюсь самодостаточными личностями, но это крайне редко на моих глазах.

Мне свойственна нетерпимость. А поэтому, если я приняла решение, то активно создаю ситуацию для разлада с таким партнёром. Почти всегда просчитываю свои коммерческие шаги в бизнесе. Бог мне не мешает. На сегодня я лишь сталкиваюсь с теми, которые употребляют это высокое имя исключительно ради личных манипуляций ситуациями и людьми. На сегодня это так вокруг, и не иначе.

Мой сын-подросток к Богу ближе. Единственный в семье сын — это сладостное и доброе испытание для меня. Мой сын позволяет себя обнять. Это счастье.

Я не дышу ему в затылок. Мой сын, если он что-то решил для себя и меня, то я соглашаюсь через доверие к нему. Я бесконечно уважаю его такт и сердечность. Бывают срывы, а это здоровая сторона возмужания и взросления. Мы ценим, что мы всегда вместе и заодно. Это тоже счастье.

С ним я всё пустила на самотёк. С самого рождения он очень самостоятелен. Это наследственное и это хорошо. С сыном мы понимаем друг друга. Оставаться близкими людьми — это самое главное у нас с ним в жизни.

Иногда пробиваюсь лбом. Достигаю цели любыми средствами, но не по головам. Я говорю себе: “Я всё равно найду способ удобного для себя решения”. Меня увлекает сам процесс движения.

Я от природы любопытна к новому и неожиданному. К нестандартному отношению с огромным интересом, и это моё кредо.

Последнее время я увлеклась детским театром. Это удивительное счастье, а иногда и подвиг, когда из безвыходных ситуаций находишь счастливый выход.

Дети на сцене — это особое чудо и радость жизни. Они обнажённо искренни. Их улыбка — как лучик солнца. Я иду к ним навстречу. Я делаю всё, что в моих силах и не в силах. Я пытаюсь сохранить настроение безалаберности и беззаботности на их сцене. Пытаюсь сохранить мой детский театр и несколько студий детского творчества вокруг себя.

Мир взрослых часто далёк от мира детей и детства. Это непреложная истина, которая всегда рядом.

Пока мне везёт и все вокруг счастливы, и мой детский театр живёт своей непринуждённой и счастливой жизнью детства. Я максималист и живу по принципу: “делай всё, что лично от тебя возможно”. Такая я и есть.

Я остаюсь искренней и участливой к событиям вокруг меня. Я не закрываю своё сердце на замок.

Иногда я плачу, если натыкаюсь на слепое и злое непонимание. Такое бывает в мире бизнеса и денег. Цинизм на доверии людей омерзителен. Но я никогда не сдаюсь на милость обстоятельств. Мир постсоветского бизнеса часто коварен и далёк от человечности и милосердия. Я всегда сполна плачу по счетам, но не подчиняюсь давлению на себя.

Но всё же я часто счастлива.

И очень счастлива, когда успешна и удачлива в осуществлении своих бизнес-планов.

Новые проекты с Юри Мэттью грандиозны, благородно амбициозны и глобальны по масштабам.

Я не играю в игры “Ты такой ПЛОХОЙ” или “Я такой ХОРОШИЙ”.

Капризность в большом бизнесе сродни ущербности и чувству неполноценности. Серьёзные и искренние дела так не осуществляют в Европе и США. Всякая ментальная местечковость “от печки” смешна и грустна.

У меня бизнес лишь с теми, кто уважает во мне человека и женщину, уравненную в социальных и бизнес-правах с мужчиной.

У меня нет сомнений, что нам с Юри Мэттью удастся осуществить все наши планы с надёжными меценатами, благородными личностями из большого бизнеса.

Пока нам всё удаётся как с благонадёжными партнёрами, так и с порядочными и щедрыми коллегами из разных стран мира.

Многие книги Юри Мэттью достаточно популярны последние десять лет и хорошо принимаются издательствами для повторных переизданий. Лично мне нравится талант этого удивительного писателя. Особенно меня завораживают его ДЕТСКИЕ СКАЗКИ, которые он пишет последнее время на Барьерном Рифе в Кэрнсе (Австралия).

У нас много общих друзей и личных знакомых по всему миру. Сегодня я очень счастлива и у меня легко на сердце от общения с моим прекрасным и верным другом Юри Мэттью Рюнтю.

Он говорит: “Даже во сне нет плохих слов в твой адрес, Жанна”.

Для меня это звучит как доброе стихотворение. Я знаю, что это так и есть”.

4. Олег Борецкий говорит: “Кино — моя вторая реальность, а Женщины все ПРЕКРАСНЫ”

Юри Мэттью продолжает:

Он удивительный киновед и скрупулёзный историк современного искусства, изысканный библиофил и энциклопедист. Это мой стандарт жизни и мой стандарт общения. Он очень даровит и широко известен в мире кинокритиков как телеведущий многолетней авторской программы. Я встретился с ним. Вот что он рассказал о себе:

“Я поздравляю ВСЕХ ЖЕНЩИН С 8 МАРТА!!! Мы любим кино и часто получаем от этого радость жизни! Я преклоняюсь перед кинокультурой. Это действие нам подарил XX век, где я родился и живу с его достижениями.

Мой кино клуб и авторские телепередачи — мой стиль жизни. Это большая удача. Я не могу без этого. Это моя новая профессия, после профессии философа.

Кино всегда на целлулоиде и кино всегда с сильным гипнотическим эффектом, которого меньше в театре с живыми актёрами и антрактом. После театрального представления меньше самоубийств. Психически слабым зрителям современное кино противопоказано клинически.

Для меня кино — моя вторая реальность. Она уже почти заменяет реальность, а может быть, и жизнь вокруг. Но кинотеатр это не жизнь, а опасная иллюзия.

Для меня любовь — это Любовь Единственной Женщины. Я пока её не встретил. А если это произойдёт, то никогда не расстанусь. Я очень люблю детей, но пока их нет у меня. Это неосуществившаяся мечта.

Для меня жизнь — это гармония с собой. Я расстался с этим в шестнадцать. Начались противоречия, но я никогда не бился лбом за место под солнцем. Я знаю, что препятствия мы создаём сами для себя и для других. Я не верю в судьбу. Я могу сделать всё сам. Я верю в себя.

Если что-то не получается, то я расстраиваюсь. Но ЭТО ненадолго и проходит. Я соглашаюсь с произошедшим несчастьем, что сильнее меня. Я даже не всегда говорю “Это несчастье”. Я принимаю ЭТО как есть. И ЭТО всегда так.

Личные отношения часто формировали мою личность, но я невлюбчивый. Характер такой. У меня есть слабость, и это привязчивость. Я ничего не хочу изменить в этом плане, да и не могу. Я — это я.

Я никогда не доминирую больше. Я не раз и не два расплачивался за это, и очень жестоко. В основном это касается только личных отношений.

У меня сердце нараспашку. Я боюсь ЭТОГО, но никогда не борюсь с ЭТИМ.

Бог мне не мешает. Я не знаю, что это ТАКОЕ.

Моя жизнь — это не ситуация выбора.

Моя жизнь — это ситуация испытаний.

Когда я на грани отчаяния, то задаю себе вопрос: “ЗА ЧТО?”.

Вопрос остаётся БЕЗ ОТВЕТА! Иногда я плачу.

Последнее время я не задаю вопросов...

Может быть, мне надо передохнуть, но каждый год я в отпуске на Иссык-Куле.

Всё, что я говорил сейчас, касается моего внутреннего мира.

Я такой.

Если же я участвую в киножюри, то я другой. Там я жёсткий, бескомпромиссный, и меня невозможно уговорить отказаться от моего профессионального решения, экспертного решения на конкурсе актёров и режиссёров.

Я редко удивляюсь. Моё общение — это университетское студенчество”.

5. Елизавета Малиновская говорит: “Искусство — это невероятная тайна”

Юри Мэттью продолжает:

Она мэтр искусствоведения и выдающийся историк современного искусства Евразии, библиофил и глубокий энциклопедист. Это мой стандарт жизни и мой стандарт общения. Она президент Ассоциации критиков в области искусств (Казахстана). Я встретился с ней. Вот что она рассказала о себе:

“Спасибо за поздравление с прекрасным праздником 8 МАРТА!!! Искусство — это моя жизнь. Без этого я себя не мыслю. Это большое счастье, сладкие муки и радость жизни. Мой ребёнок — это тоже часть моего мироощущения. Материнство и искусство сродни видению мира.

У меня было мало дружбы.

Так я живу и сегодня.

Личные отношения меня не формировали как личность.

Книги для меня СВЯТЫ.

Здесь опыт жизни и назидания от предыдущих поколений для меня.

В четыре года я читала и писала. Вернее, всё началось наоборот: я начала писать открытки для папы, а потом — начала читать. А почему так, что боялась читать? Я думала, что ЧТЕНИЕ — это особая тайна, что принадлежит взрослому! Когда я преодолела этот шаг сомнения, то книги захватили меня навсегда... Это стало взаимно. К восьми годам я закончила чтение домашней библиотеки.

Моя бабушка — самый близкий человек. Это мама моей мамы. Она спасла меня от детского сада с его концлагерной дисциплиной. Первый день в детском саду я билась в истерике и кричала навзрыд. Это было бесконечное море слёз. К счастью, ВСЕ ВСЁ ПОНЯЛИ. Я больше никогда не видела детского сада. Школа встретила меня в штаны. Медаль при завершении обучения я получила на год раньше, чем положено. Один из классов я сдала экстерном, чтобы сбежать из системы среднего образования. В вузе было больше свободы. Здесь я стала преподавателем иностранных языков. Через несколько лет стала вновь студенткой самой престижной Академии художеств им. И. Е. Репина на берегах Невы. Потом аспирантура у академика Бартенёва и защита диссертации в Москве (при АН СССР). После этого работала семь лет реставратором памятников современной архитектуры. Сегодня у меня более 300 публикаций, в том числе в 5-6 монографиях по искусству, архитектуре и реставрации.

Я очень люблю жизнь. Я знаю за собой хорошую черту, что живу в гармонии с миром. И это не даётся легко...

Если мне что-то не удаётся — я делаю ещё раз. У меня нет фанатизма. Я просто мечтаю и пытаюсь сделать МАКСИМУМ. Это моё правило и распорядок дня. Я так живу. Очень важен момент времени и места. В мире мало случайностей, и многое предопределено событиями жизни вокруг.

Вокруг меня много разных людей и судеб. Чужого больше, чем близкого и родного для меня и моего сердца. Это я и моё иго.

Когда мне страшно не везло или были гигантские испытания, то я находила силы преодолеть случайное и навязанное. Голос разума у меня держится на сердце, и они не конфликтуют. Внутренний покой для меня превыше всего. Я заплатила за эту мудрость высокую цену. Многие мои достижения и открытия родились отсюда. Я счастлива признать это сегодня, но не вчера. Я разная год от года. Я живу и меняюсь во времени, но мои истины надёжно дружны с моим сердцем. Я уважаю себя за это.

Иногда мне жестоко мстили, но я игнорировала ситуацию и избегала обвалов. И всё очень просто: у меня нет времени на суету.

Я по своей природе самодостаточна и самоустремлённа. Во мне живёт внутренний голос интуиции, которому я следую без дискуссий и компромиссов.

Голос совести для меня закон и стена от ложного авантюризма и минутных "подвигов напоказ". Я живу "своим домом" и под крепкой крышей вековых традиций русской культуры и русского православия, где многое надёжно и для меня свято.

У меня под кожей тысячелетняя история славянской России, бесценный опыт выживания и процветания за счёт культурного наследия сотен поколений. Это моё кредо и реальность моей жизни. Словами многое не расскажешь, что могут понять чистосердечные глаза и ясный разум. И здесь тоже я. Здесь мой стандарт жизни.

Я бесконечно хочу всё успеть. Много планов.

Я очень рада, что СССР рухнул, и теперь можно мечтать и многое делать. Это чувство уверенности идёт от любви к свободе и внутренней раскрепощённости. Это моя аура и энергетика, если эти слова что-то значат для читателя.

Я мало путешествую, а потому могу сказать только об объединённой и новой Германии. Я недолго жила в Касселе, была научная поездка и мои лекции. Я увидела тополя, которые здесь и у меня дома под окном. Немцы мне искренно нравятся. Очень внимательны, предупредительны и видно, что они трудоголики. Это сродни для меня. Я люблю, когда много работают и всё получается. “Человека определяют результаты” — для меня эта истина работает.

Во мне нет нации,

Но я всегда русский человек.

Я поклоняюсь Святому Сергию Радонежскому, как Святому Хранителю Великой России.

У меня нет ощущения возраста. Я остаюсь ребёнком с головой и сердцем на своих строгих местах. Мне нравятся дети и их мироощущение свободы. Их открытость для мира людей и природы живёт в моём сердце и ПОТРАСАЕТ. Здесь животворящий источник жизни и светлых надежд на будущее. Но... мне не хочется обратно в детство. Вот ТАКОЙ Я ЧЕЛОВЕК”.

6. Ольга Шиленко говорит:

“Русская поэзия и русская литература для меня единая святыня”

Юри Мэттью продолжает:

Она экстремальный литкритик, замечательная поэтесса, библиофил и энциклопедист. Это мой стандарт жизни и мой стандарт общения. Отчаянно смела в анализе своих эвристических находок в мире литературы. Я встретился с ней. Вот что она рассказала о себе:

“Я поздравляю ВСЕХ ПРЕКРАСНЫХ ДАМ с 8 МАРТА!!! Я не знаю, что такое “препятствие”. Я к ним привыкла. Это норма моей жизни. Пока Бог милует, а значит, настоящих препятствий не было. Я никогда не плачу. У меня нет слёз на это. Я начинаю писать стихи. А это для меня всё равно, что петь. Я пою мои стихи. В это время я люблю быть в одиночестве. Для меня настоящее препятствие, когда дом переполнен гостями. Я становлюсь роботом, агрегатом, машиной или официанткой, и это меня унижает. Я перестаю быть собой. Моё ОДИНОЧЕСТВО — это мой хрустальный храм. Моё творчество, как и любой талант — это всё очень личностное. Сколько не написано, сколько погубо идей и мыслей в голове и наяву, а всё потому, что ОТВЛЕКЛИ и ВТОРГЛИСЬ в мой хрустальный храм. После случайного набега или погрома МОЙ ХРАМ — МОЙ НАСТРОЙ — МОЯ МАТЕРИЯ — МОЯ МЕЛОДИЯ — долго-долго восстанавливается мной. Это очень тяжёлая и изнурительная работа на месяцы и годы. После каждого

“испытания” я совсем непохожая и другая. Стихи, мною начатые, — НЕ ДОПИСЫВАЮТСЯ. Книги, мною начатые, — НЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ. Однако во мне живёт бесконечное любопытство и ожидание чуда. Новая встреча с талантом — всегда откровение. Это мощный импульс. Если мне кто-то наступает на пятки, то это меня активизирует. Мне это необходимо, чтобы не самозастояться или не самоперевариться. Многие тратят свой талант на споры, зависть и пересуды друг о друге. Так часто вокруг меня. Эти литераторы меня не взрачивают, не дают импульса и движения вперёд. Здесь застой и тоска смрадная до жути и холода на сердце. Встреча же с новым талантом — это открытие и самого себя, как бы заново и с другого ракурса. Здесь возникает удивительное чувство свежести и новизны восприятия и ощущения мира. Новый импульс и есть подарок судьбы для меня. Я люблю заимствовать, не подражая бесценному подарку наобум. Я очень ценю такое чудо. Я постоянно в ожидании таких встреч. Последний раз это было 15 лет назад. Эта интеллектуальная и эмоциональная встряска меня изменяет и трансформирует энергетически. С этого момента всегда идут удачи, приходят озарения и удивляют самооткрытия. Мои ДЕТИ — это моя лучшая проза. Честно хочу признаться, что их не хотела иметь, но так получилось... и стала их иметь. Но когда они появились, то одарили меня счастьем. Они были такие красивые и восхитительные. Я учила их рисовать, играть на флейте и гитаре, читала книги и стихи. В ответ они с искренней радостью дарили мне свои рассказы и стихи. Это было неожиданно и радостно, поскольку я не догадывалась о таком особом счастье, и меня никто об этом не предупреждал заранее. Я ждала совсем другого материнства, но не такого ослепительного общения с ними. Мы были всё время на природе. Ловили рыбу, катались на лошадях, собирали в горах грибы и попробовали все известные аттракционы в городских парках. Более того, мы плавали и играли во все спортивные игры. Мы всё пробовали вокруг из сладкого и вкусного. Я жила с ними душа в душу в это время. До их 18-летия я оставалась безоблачно счастливой и наивной. Да, они подарили мне безоблачное счастье до этой даты. Возможно, они берегли меня и подсознательно щадили... Всё началось после ухода старшего сына в армию, а точнее — после его возвращения. Назад пришёл совсем чужой, совсем незнакомый, крайне холодный и очень жестокий человек. Его СЛОМАЛА АРМИЯ. Только через 10 лет мы сблизились. Первые 3 года ПОСЛЕ ЕГО АРМИИ У МЕНЯ С СЫНОМ БЫЛ АД. Это жёсткая суть и правда для моей семьи. Тогда он пришёл назад в семью и стал заниматься дедовщиной с младшим братом, он не мог остановить часовой механизм, который ему вживили за 2 года в армейском строю. Это был холодный пот для меня и материнский ужас. Суперсолдат, супердесантник и пограничник стал вить верёвки из родителей, поставив их в строй на дому. Он сформировал физическую форму РЕМБО. Чувствуя в себе запал каратэ и самбо, вооружённый всей смертоносной техникой и навыками ведения боя... он составил ужас и страх для всех членов своей доармейской семьи. Да, я видела его чувства, которые выдавали в нём ЕГО ОТКРЫТЫЙ КОНФЛИКТ С МИРОМ “ГРАЖДАНКИ”. Он видел в себе СУПЕРЧЕЛОВЕКА, который НЕПОЛНОЦЕНЕН ДЛЯ МИРНОЙ ЖИЗНИ В ГОРОДЕ. Его поразило разочарование, и он в секрете от нас, самых близких... тихонько-тихонько спился. Мы с огромным трудом и чудом спали его от самоистязания и самоуничтожения. Теперь это далеко позади. Постепенно и очень-очень медленно...

МЫ ВОЗВРАТИЛИ РЕБЁНКА НАЗАД В СЕМЬЮ. Я же видела случаи вокруг, когда его сверстник демобилизовался без единого зуба и со сломанными рёбрами на рентгеновских снимках, которые смертельно шокировали родителей. У одного или двух из них “почки висели на ниточках” после дедовщины и систематических избиений в армии и на флоте. Я знаю множество парней, которые пришли калеками из армии и “остались замороженными психопатами”... психически покалеченными в 19-20 лет. Я счастлива, что ЭТО БОЛЬШЕ НЕ ПОВТОРИТСЯ В МОЕЙ СЕМЬЕ НИКОГДА. Я бесконечно преданна своим детям и то, в чём я призналась сейчас, ЛИШЬ НАЗИДАНИЕ ДЛЯ МОИХ ПОДРУГ-МАТЕРЕЙ.

Что касается литературы... то больше всего я люблю французскую прозу и всю русскую поэзию... Однако мой единственный и самый близкий из мировых поэтов... лишь Уитмен (США).

Когда я начинаю рецензировать, то начинаю “со всего о ней или о нём”. Глубоко прочувствовав — его или её поэзию, воспоминания, биографию, личные и чужие письма... только тогда я начинаю собирать “и свою личную рецензию-отзыв”. Я делаю мои рецензии только так.

Всякое ЛИТЕРАТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ — это духовная чистота, цельность всего, как Личности, так и Человека.

Я люблю Поэтов-ЖИВОПИСЦЕВ, меньше — Поэтов-ГРАФИКОВ.

ПОЭТ-РАДУГА и ПОЭТ-ФЕЙЕРВЕРК — это у поэтов с Душой Ребёнка.

Наивность, простота и радость жизни — это качества гения”.

7. Светлана Ермолаева говорит:

“Детективы меня кормят, а на сердце живут ненаписанные сказки”

Юри Мэттью продолжает:

Независимо от результатов книжного конкурса, в котором она участвует, она стала членом жюри, поскольку давно и справедливо известна как лидер детективного жанра в России. Мне нравятся её проникновенные стихи о судьбах женщин и о своей прекрасной Родине. Я встретилась с ней. Вот что она рассказала о себе:

“Вокруг весна и счастливое время года!!! Я поздравляю ВСЕХ ДАМ-ЛИТЕРАТОРОВ И ПОЭТЕСС С РОСКОШНЫМ 8 МАРТА!!! Я никогда не предполагала о своей судьбе, как о судьбе писательницы такого чтива, как детектив. Более того, я и не хотела ею быть. Всё, что я любила — это чтение романов. Моя “болезнь” началась с 6 лет. Я ставила себя на место Золушки, “Разбойников” или “Синей Бороды”. Я веселилась, плакала и смеялась в соответствии с их сказочными судьбами.

Когда я читала, то забывала о школе, о родителях, еде или детских играх. Если я и шла в школу, то продолжала читать, пряча книгу от учителя. Каждый день у меня был разный возраст: то 20, то 100 лет. Глазами взрослого человека я осматривала одноклассников в школе. Учиться было скучно. Я не понимала геометрии, физики или химии. Герои моих книг не изучали этих предметов или вообще не догадывались (кроме Буратино) об их существовании.

Я сопереживала выдуманные истории из жизни невидимых героев. Чтение открыло у меня дар: феноменальную зрительную память. И хотя я в прямом смысле отсутствовала на всех уроках, но оставалась отличницей. Я

в мгновение ока и не моргнув глазом, как робот, смело пересказывала страницы учебников, едва на них взглянув.

К 13 годам я знала наизусть французскую эротическую классику: “Жерминаль”, “24 часа из жизни женщины”, “Милый друг” или “Трёх мушкетёров”. Я и не догадывалась, что некоторые из них уже давно-давно умерли. С героями книг я разговаривала беспрерывно.

С 14 до 21 года я трудолюбиво писала “Дневник личной жизни С. Е.”. Там состоялась ежедневная переписка с любимыми писателями. Ведь я не могла написать им за границу из СССР, родители строго-настроно запрещали все разговоры о Западе.

С годами моими самыми любимыми писателями окончательно стали такие именитые иностранцы, как Золя, Мопассан, Майн Рид, Купер и Дюма-отец, но не Дюма-сын.

К русской классической литературе я подошла поздно, только после 30. И это случилось по нужде, когда сама стала писать первые толстые романы.

В Норильске, где мои родители работали при лагерях для заключённых, я столкнулась со шпионской тематикой “Щупальцев спрута”. Эта библиотечная книга была очень популярна в семьях охранников “врагов народа”. За книгой простаивали месяцы в ожидании, пока она попадёт счастливчику в руки на пять радостных дней.

В пятнадцать я полюбила красивую террористку, которая боролась как раз против СССР. Родители убеждали меня “отказаться от этой нехорошей женщины”, но я настойчиво и преданно любила её и сопротивлялась их напору. Она и в действительности была написана очень увлекательно и выглядела крайне положительно относительно милиционеров, которые ловили-ловили и всё не могли поймать её до исхода четырёхсотой страницы.

В шестнадцать начала запоем читать такие “кровавые детективы”, как многотомные монографии “Судебной экспертизы” и секретные журналы с грифом “для ограниченного пользования”, чем была “Следственная практика” МВД СССР.

Я была ужасно ошарашена тем, что происходит в нешкольном мире вокруг меня.

Были периоды, которые я строго окрестила “поэтические отливы и приливы”.

Да, я писала километры поэзии в четырнадцать. Потом наступил молчок. Всё повторилось ненадолго в семнадцать и завершилось навсегда в 27. Мне не приходило в голову подобное когда-либо опубликовывать.

В случайные редакции я входила робко, неохотно и крайне медленно.

В 28 я впервые предложила свой рассказ местной критике и была... почти смертельно ранена. Этот мой первенец вышел в свет лишь в 43. Но мне он был дорог своим названием “Улетела белая птица” (1991).

После этого напечатали “Зойку” (1992), “Продажных” (1993), “Его называли Аккела” (1995), “Колесницу смерти” (1996), “Путан” (1997), “Ублюдоков” (1997), “Заманчивых женщин” (1998), “Натюрморт с окорочками” (1999) и “Поцелуй...” (1999). Их сегодняшние тиражи зашкаливают далеко за 150000.

Для местных горожан я осталась лишь поэтессой Светланой Ермолаевой, а для москвичей и Санкт-петербуржцев я суперзнаменитая россиянка и суперспец в жизни террористов и маньяков, и зовут меня “Светлана

Гордеева”. Я давно прописана именно там, на полках личных библиотек коллекционеров мирового детектива. Так произошло.

Когда задаю себе вопрос: “Откуда это во мне?”, то начинаю понимать — внутри меня находится какая-то тайная сила. Я привыкла с её подачи убивать всех и вся в конце любого своего криминального сюжета.

У меня есть литправило: лучше умереть вовремя, чем жить в скуке и болезнях. Я поняла это ещё в юности, когда не дорожила ни здоровьем, ни возможным долголетием. Я давно не держусь за жизнь.

Я сознаюсь, что два раза пыталась покончить жизнь самоубийством (в 33 и 42). Да, меня молола и мяла жизнь. Я была за порогом смерти, откуда меня вытолкнули обратно в жизнь персонажи моих рассказов.

После последней реанимации я вдруг снова начала писать стихи, но не детективы. Может быть, это повторный результат переливания вёдер и вёдер крови от неизвестных, благополучных живых. Я знаю, что в третий раз шанса к возврату назад не будет. Сегодня, перед прыжком в никуда, я дала себе последний шанс и... создала свой гротескный бумажный мир.

Литература — это ремесло с мировой многотысячелетней историей. Это всё виртуального свойства из звуков, цвета, поступков и эмоций. Моя литература началась с нескольких выдуманных историй на нескольких листах бумаги в клеточку. Издатели назвали это “детективным жанром С. Гордеевой”.

Московский “Центрполиграф” издаёт меня ежегодно по 10000, книги раскупаются за 2-3 недели. Я вставлена им и в престижную серию “Чёрная метка”.

Санкт-Петербургский “ЭКСМО” тиражирует меня по 60000. Я представлена этим издательством в “Русском бестселлере”. Именно там придумали мой псевдоним.

Я понимаю, что у меня совершенно разбитая жизнь, может быть, это то самое, что идеально для писательницы-детективщицы. Говорить же об этом нелегко... Я рано лишилась трёх браков. Мужья умерли. Это довольно страшно. Сегодня я живу с мужчиной, кто меня понимает и нежно заботится обо мне. Это трогательно и приятно взаимно. Я так живу сейчас.

Я рожала два раза, но у меня трое детей. Это дочери-двойняшки и мальчик. Их имена: Фаина, Майя и Родион. Мой сын умер в 29. Это было самоубийство. Его отец тоже покончил самоубийством, и это было за 12 лет до этого несчастья, день в день. Здесь мистика, и это часть меня. Сын сказал перед смертью: “Я хотел уйти. Я устал. Мне страшно”.

Никто из умерших вокруг меня не догадывался о существовании священников и церкви. Я редко бываю в церкви, и, может быть, поэтому мистика живёт у меня за спиной. Мой шумный бестселлер “Поцелуй...” есть часть происходящего вокруг моих друзей и членов моей семьи. Все те, кто был со мной близок, погибли при необъяснимых, с точки зрения бытовой логики, обстоятельствах. Мои дети не думают о Боге.

Я уже говорила, что писала дневник до 21 года. Только первое замужество остановило эту ежедневную переписку со своим внутренним “я”.

У меня такое чувство, что если бы я увидела кошку в руках мучителя, то я бы убила преступника без раздумий! Я казнь по своим внутренним законам! А может, и нет... Я начала рассказывать сюжет своего нового детектива о “Бабе-яге с метлой” на звездолёте.

Одно правда — животных я люблю больше людей и особенно больше тех, кто из числа персонажей моих книг.

А может быть, всё это я пишу из-за того, что поступала на юридический факультет (следовательское отделение), но была выгнана с экзамена за подсказку симпатичному соседу, и поэтому, в конце концов, чтобы не стать крутой бандиткой и лихим милиционером одновременно, я увлеклась детективами.

Тяга выделиться, стремление к авантюризму, желание общаться с ворамми... Всё это когда-то составляло часть моих девичьих фантазий и приколов.

Я задаю себе вопрос снова и снова: почему у меня в голове детективы? Нет, у меня совсем нет полного ответа! Просто они пишутся. Это на самом деле.

Сегодня я задумываю сюжет сама, мне не нужны криминальные истории из газет по примеру Ф. М. Достоевского. Я никогда не смотрю детективных сериалов по телевидению или в кино. Я не дружу с криминалистами или милиционерами ради чего-то “свеженького” из их жизни. Мои сюжеты рождаются из любой первой фразы.

Даже если я открою телефонную книгу, то сразу могу выписать десятки сцен убийств и их тотальные предотвращення.

Названия книг для меня возникают как каприз. Однако такие названия, как “Путаны” или “Ублюдки”, были переименованы из моих оригинальных “Это не я” и “Так тому и быть” в чудовищные издательские наклейки.

В любом случае, я сначала пишу название книги, а потом заполняю “ступеньку за ступенькой” несколько сотен страниц.

Мои детективы идут без корректуры и сокращений. У меня, если меняется два-три слова, то весь детектив рассыпается.

Я не хочу славы. Я хочу достойной жизни, но с обязательной возможностью издаваться. Тонны написанного ждут моего издателя. Я не хочу объезжать мир. Я предпочитаю окунания в морозной проруби.

И хотя я читаю “Сагу о Форсайтах” в оригинале, мне чужд Запад.

Я также не верю в “эпоху Александры Марининой” — поскольку вижу в её книгах бригадный подряд. Один пишет о природе. Другой — пишет любовную линию. Третьи — диалоги и криминальную пружину. Я же имею в голове одновременное развитие 10 сюжетов, которые... готовы завтра к печати.

И ещё, когда я заканчиваю какую-либо детективную повесть, то прихожу к матери. Ей 86, и она до ужаса ворчливая, привередливая и мстительная особа. Меня она терпит по причине родства, а то бы давно отшла. Она живёт с больной ручной крысой в комфортной трёхкомнатной квартире и никого к себе не пускает. Во всех углах у неё складские полки и разложены узлы в соответствии с содержанием и назначением.

Итак, она берёт мою рукопись, затем выпускает любимую крысу поглотить по столу и начинает комментировать по поводу содержания абзацев. Она подходит к любому делу по-хозяйски и крайне нарочито. Она читает мои детективы в соответствии с духом установок своей партии, это я говорю на полном серьёзе. Так происходит раз за разом, как магический ритуал по не известному мне сценарию. Я чувствую это всей кожей, которая прыщится в ответ.

Моя мать уже 60 лет в рядах КПСС (с 1946), и у неё нет никаких мыслей о выходе из несуществующих рядов. Отец же, было, засомневался в членстве за 5 лет до смерти, но это быстро и сократило его жизнь. Моя

мать проводила с ним партсоборания ежедневно, загоняя его “обратно в ряды КПСС”.

Праздники Первое Мая, 7 ноября и дни рождения Ленина и Сталина для неё — красные дни календаря. Она делает причёску и выходит гулять на улицу с подружками, бурно агитируя их вступать в очередную и новую КП Казахстана.

В эти дни любимое животное по имени Лаврентий Павлович Берия гуляет свободно по всей квартире. Мама очень привязана к своей крысе, находя в ней заметное сходство с умершим вождём и маршалом СССР.

Моя мать всегда жила только и только общественной работой, и её хватило на это до 75. Дом был всегда неуютен, заброшен, а все члены семьи умело разъединены. Все вокруг жили без её любви, заботы и как бы сами по себе, не завися друг от друга. Конечно, эта страшная квартира совместной жизни осталась навечно и в моём сердце.

Итак, мои лихие детективы полны кровоподтёков, коварных убийств, но лично для моей матери это “пустые игры”. “Я видела и похлеще!!! — хихикает она исподтишка, очень довольная за своё превосходство над дочерью-писательницей. — Но я тебе ничего не расскажу! Ведь мы почти всю жизнь служили в войсках НКВД СССР или по лагерям Сибири с отцом... Он возил в лесные могильники то, что оставалось после пыток и расстрелов от... ненавистных врагов народа”.

И тут я закрываю глаза и вижу миллионы и миллионы замученных и убитых руками моих родителей.

Биография моих родителей у меня в памяти: Магадан (1922-1930), Якутск (1930-1946), Норильск (1946-1949) и Енисейск (1950-1970).

Отец часто вспоминал о главном своём подвиге, как в 1942-м он и его трое друзей “сбросились на танк Т-34”. Они собрали 100000 рублей, и на броне их подарка для Красной Армии были написаны имена дарителей. Это была зарплата офицеров НКВД за много лет. После этого его жена тут же получила “своеобразное повышение”. Склады с вещами советских лагерников (осуждённых на 25 лет) ей “заменили” на роскошные склады гуманитарной помощи из США. Через её руки пошли сотни тысяч банок тушёнки, сливок, фасоли, форели...

Надо напомнить читателям, что в то время с Аляски в Якутск ежедневно прилетали десятки американских грузовых самолётов.

Мать была в первых рядах распределителей и учётчиков этой помощи для умирающих от голода граждан СССР.

Одновременно ей приходилось сортировать сотни тонн одежды (летней и зимней), собранной со всего мира, и распределять среди нуждающихся через партийные организации на заводах и фабриках. Всё это богатство доставалось передовикам труда в условиях военного времени.

Мои родители получали из этих “подарков от янки” еженедельно 1 кг масла, 5 кг консервированного мяса, сухой порошок из 50 яиц или 1 кг сухой сметаны. Излишки мама выменивала на барахолках на платья, шубы, изысканную посуду и мелкие драгоценности. Голодающие с большой радостью отдавали свои золотые зубные коронки в обмен на невероятные продукты питания. За время войны мама прибавила в весе 22 кг и очень страдала от одышки, ссылаясь на несуществующие болезни.

С 1970 года мы в Алма-Ате. Мать продолжила работу в МВД Казахстана. Отец вышел на пенсию по состоянию здоровья. Для матери все похвальные

грамоты от вождей СССР Ежова, Ягоды и Берии святы. Из этих документов у неё на стене над кроватью воздвигнут небывалый иконостас. Предметы своей гордости и славы она также хранит и экспонирует на самом видном месте и в обеденной комнате.

Она тем не менее трепетно и зорко сторожит своё прошлое от ненужных посетителей. Только избранные посвящаются в факты истории её партийного вчера.

Я продолжаю читать и читать своё криминальное творенье негромко вслух, когда мать устаёт листать страницы. Я делаю это по её настойчивой просьбе...

Она улыбается и улыбается чему-то спросонок.

Она счастливо прожила жизнь.

Она довольна собой, и прежде всего потому, что постоянно лечилась и отдыхала на дорогих курортах и в знаменитых санаториях бывших профсоюзов СССР.

Она знает, что «получила всё, что только могла, в СССР от КПСС»...

Она немного разочарована, что Я НЕ ТАКАЯ ПРОБИВНАЯ, КАК ОНА.

Мои родители: Анатолий Андреевич Ермолаев (1916-1983) и Павлина Петровна Ермолаева (1916) были ПРОВЕРЕННЫМИ образцами советской семьи в погибшем СССР.

Я же пишу детективы и в конце концов, стала звездой «ужастиков криминального мира» и вошла в «Русский бестселлер» XX века.

Нет, я не такая, как они.

Возможно, уже в момент беременности матери я обрела каким-то образом сверхчувствительный слух. Поэтому все мои детективы прямо из их окололагерной прожитой жизни. Просто они онемели, как и надо по уставу. А я догадалась обо всём и выплеснула свою далёкую детскую память в свои детективы.

Вот как бывает.

Одни молчат.

Другие пишут”.

8. Олег Головков говорит: “Вокруг меня ПРЕКРАСНЫЕ ЖЕНЩИНЫ и невероятные события истории”

Юри Мэттью продолжает:

Он библиофил и энциклопедист. Это мой стандарт жизни и мой стандарт общения. Он прочёл все документы и 35 книг в составе “Мирового интеллектуального наследия Рудольфа Нуарева: Россия — XX век” и “Мирового интеллектуального наследия Юри Мэттью Рюнтю: Россия — XXI век”. А это более 40000 рукописных страниц, которые он скрупулёзно вычитывал (как внимательный корректор и добросовестный редактор) более 4 лет. Он мой старший ассистент и постоянный секретарь с 1998. Он преданно внимателен ко мне и крайне осторожен в общении с окружающими. Были случаи, когда рисковал своей жизнью ради меня. Многие заботы моего неустроенного быта и моей нелёгкой и цыганской жизни в СНГ легли на его плечи. Я ценю его критичный склад ума и животворящий оптимизм. Мне близки такие личности по духу. Он всегда

поступает в независимых рамках абсолютной свободы выбора. Вот что он рассказал о себе:

“Всех любимых мам и наших милых женщин с 8 МАРТА и РАДОСТНОЙ ВЕСНОЙ!!! Хочется рассказать о себе и моей семье в этот день, когда жизнь прекрасна и удивительна!!! Я встретился с Юри Мэттью в скромном и заурядном ночном клубе на помолвке общих друзей, где мы разговорились и подружился. Он искренне удивился, что я могу разобрать и собрать любую технику: от компьютера до стиральной машины или от микроволновки до автомобиля. “У тебя золотые руки, татарин”, — сказал он тогда. Я не знал, что эта встреча изменит мою так прочно устоявшуюся жизнь. В это время я работал на самом дальнем краю города на СТО, где добросовестно ремонтировал шины для легковых машин. Работа была по 10-14 часов в день, без выходных и обеденных перерывов. На счастье, я был сильный и крепкий, легко сгибал подковы. Кто слаб и быстро выматывался, того хозяин выгонял на улицу без денежного расчёта. Криминальный вид хозяина гасил охоту разговаривать о любых деньгах. Было молчком понятно — “убьёт и не закашляется”. Я знал, что так проживу жизнь, держа на своих плечах благополучие безработной матери-вдовы, безработной сестры с безработным мужем и их трёх маленьких сыновей. Моя страна уже 10 лет как рушилась вдребезги, и все вокруг меня нищенствовали и голодали. У моего австралийца была совсем другая жизнь. Местная экономика его не задевала. Через какое-то время Юрий Мэттью рассказал мне, что он занят срочной корректурой и редактированием одной из своих книг, и пожаловался на кандидатов наук, “которые дерут деньги и делают 15 ошибок на 20 страниц”. Я взял для праздного интереса в цех вулканизации, где работал, его рукописи и допустил две грамматические ошибки на сто страниц текста. Я пояснил, что моя грамотность и орфография от раскулаченной бабушки-поэтессы с блестящим образованием, и значит по наследству — со стороны русскоязычной мамы. На это Юрий Мэттью сказал: “Поздравляю! У тебя золотая голова. Для тебя я теперь — Мэттью. Сегодня же увольняешься. Будешь завтра работать в картинной частной галерее у моих близких друзей и станешь продавать картины очень дорогих и знаменитых художников. Так для своей команды “на фабрику” набирал умных и талантливых ребят мой друг американец Энди Уорхолл. Потом ты узнаешь: кто это. Зарплаты у тебя больше не будет. От каждой продажи 10 % твои, это твоя и только твоя зарплата”. Я поверил. Так оно и случилось. Когда же я заработал в самый первый день в галерее 80 долларов США, то я чуть не сошёл с ума. Странно, но это было почти так. За один день я столько никогда не имел. После этой моей удачи Мэттью пять недель стоял рядом и учил меня торговать картинами, учил вежливо на самом коммерческом языке разговаривать со всеми клиентами без исключения. Это меня надолго потрясло... Ведь никто и никогда не бросал своей личной работы, чтобы чему-то научить меня. Я шёл всегда в одиночку и без какой-либо поддержки. Попутно, когда не было покупателей вокруг, я вычитывал рукописи его самых новых книг. Я открывал для себя новый и неведомый мир моего друга. За четыре месяца работы в частной галерее при национальном музее я почти отмылся от канцерогенного мазута, ядовитой солярки и резинового клея, что были у меня под кожей после четырёх лет адского труда на почти искалеченных руках. Там моя голова была “лишним и бесплатным приложением” к побитым кузовам. Я

помню, как часто без сил засыпал в ночную смену на СТО, а вокруг бегали страшные бешеные крысы, которые никого не боялись. Все вокруг боялись их звериного нрава, опасаясь нападений и укусов. Зарплата 3-4 доллара США за день на СТО, в смрадной духоте и чудовищной антисанитарии, была и оставалась моей мечтой лишь до встречи с новым и преданным другом. Была и ещё одна удача. Удалось мне проработать более полугода и в знаменитой картинной галерее самого Владимира Филатова, что при Русском театре. Когда же через год работы намного прибавилось и галерея стала мешать, то Мэттью посадил меня только за компьютер, и поэтому несколько лет я редактировал, набирал тексты и корректировал его книги для типографий, журналов и газет по всему миру. Я занимался только этим и только сидел дома. Домом занималась домработница. Садам занимался садовник. Иногда работа над интернетной сборкой иллюстраций для DVD-1 или DVD-2 продолжалась до 2-4 утра, а затем мы шли в круглосуточный супермаркет на завтрак. Сил дойти ни у кого из работающих не было, и я доползал до гаража и пригонял свой “Мерседес” к подъезду дома. По рекомендации Мэттью и чтобы не заскучать, я вскоре начал работать в нескольких детских журналах одновременно. Здесь я научился общению на равных с журналистами, меценатами, магнатами, олигархами и депутатами... Постепенно я стал “тёртым калачом”, со слов Мэттью. Я навсегда запомнил слова Мэттью, что “главные несчастья мы приносим себе сами”. Я приобрёл множество новых профессий благодаря моему интуитивному знанию русского языка и помощи Мэттью. Высшее образование, уверен, я обязательно получу в Европе или Австралии. У меня нет на этот счёт сомнений, так я решил для себя. Да, это правда, и достаточно удивительно, но я уже очень давно в мировых проектах француза и татарина Рудольфа Хамитовича Нуреева и австралийца Юри Мэттью Рюнтю. Корректурка и редактирование, как и компьютерный дизайн и вёрстка, стали моими самыми главными профессиями. В этом сайте мои авторские фотоработы, и это мой новый горизонт для творчества. Но... если кому-то покажется, что у Мэттью всё шло гладко и “на ура”, то это нелепый предвзгляд. Вот, например, он подал заявку на “Российский сюжет”, и провалил на 100 % конкурс. Его книги не вызвали никакого интереса у российского тележюри. Вероятно, он, как уникальная личность, ОПЕРЕЖАЕТ — в какой-то степени — ВРЕМЯ ВОКРУГ СЕБЯ...”.

9. Людмила Рудакова и Рамазан Бапов говорят:

“Начало всякого балета от сердца и доброты”

Людмила — блистательная и удивительная балерина из круга великих мастеров танца — Юрия Григоровича и Игоря Моисеева. С гениальным Махмудом Эсамбаевым — они земляки из Грозного. Она на сцене театра оперы и балета им. Абая в Алматы более 40 лет, где многие годы обучает поколения казахстанских звёзд. Её обожают блистательные ученики — Лейла Альпиева, Алексей Сафронов и Екатерина Хомкина. Её мнение о качестве хореографии спектаклей ценят и любят выспросить Екатерина Максимова и Наталия Бессмертнова, которые постоянно в членах жюри на международных конкурсах балета в Казахстане и России.

ОНА РАССКАЗАЛА о СЕБЕ и МУЖЕ в ЭТОТ РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ 8 МАРТА:

“Я женщина, и моё искусство очень женское и нелёгкое, в понимании повседневной жизни и быта! Моё военное поколение — это особые люди, особый жизненный опыт. Это в памяти навсегда. Мне было четыре года, когда началась Вторая мировая война. Мы жили тогда в Грозном. Мой дедушка работал на ремонтно-механическом заводе здесь же. При приближении немецких войск нас эвакуировали вместе с заводским оборудованием в глубь России. Но прифронтовой город не окружили, мой город не сдался. Все следующие сто дней войны шли жестокие бои вокруг. Когда враги отступили, то моя семья сразу возвратилась назад, домой.

Никто не удивился, что вся одежда была на месте, меня ждали мои игрушки, наша посуда стояла нетронутой на кухне, не были побиты даже стёкла на крыше и в комнатах. Папа был призван на фронт. Мой дедушка продолжал работать на прежнем месте. Я же с удовольствием и с большой радостью вернулась в детский сад. Это — воспоминание о войне.

Мы все, крошечные деточки, отнесли свои любимые игрушки для раненых в большой военный госпиталь. Я выбрала моего любимого мишку-игрушку, такого доброго, коричневого и самого мягкого на свете. Это дарение было в здании Дворца культуры, затем и в других госпиталях вокруг.

Я тогда много пела и часто без устали танцевала, чувствовала себя настоящей артисткой. Солдаты счастливо улыбались и радовались смешным и весёлым детям. Профессиональных артистов в тех госпиталях Грозного я не встречала. Шла долгая война.

Я же совсем не замечала горя вокруг. Я была счастлива от внимания к себе, общения с приветливыми взрослыми. Я остаюсь очень общительной и открытой с тех самых пор. Я совсем-совсем не изменилась. В какой-то степени это шло от старших в моей семье.

Я постоянно видела уроки доброты вокруг. Вот моя бабушка встретит солдат на улице и сразу же пригласит в дом. Тут же нальёт им молока, угостит пирожками с капустой и картошкой; для них на кухонном столе много чая, много зелени и фруктов. Без перебоев у нас на военном базаре были роскошные абрикосы, яблоки, груши и бесконечная зелень. Главной же едой для всех, в ту далёкую войну, была кукуруза. Все мои близкие подолгу работали на семейном огороде и в саду, что за окном нашего дома.

Но вот война ушла. И тут, в мирное время, я впервые в жизни увидела артистов-лилипудов из цирка, что приехал в Грозный и назывался “Шапито”. Их акробатические этюды меня потрясли, сразили наповал невероятным и тем, “что не могло быть на самом деле”. Я сказала тогда всем вокруг: “Я буду лилипуткой, буду танцевать”.

С утра до вечера я всех изводила своей настойчивостью. Я убеждала всех: “Хочу, хочу... и только танцевать хочу”. Я немедленно начала делать гимнастические мостики, невероятные шпагаты и без остановки принимала смешные позы, вызывая хохот и восхищение собой на людях.

Когда же вскоре я увидела трофейный фильм “Балерина” (через десять-пятнадцать лет фильм переименовали в “Мужчину в моей жизни”), то немедленно и бесповоротно приняла решение, строго сказала себе: “Я буду балериной”. Мне тогда только-только исполнилось семь лет.

“Папа, что мне делать с дочерью? — спросила моя мама. — В нашем родном Грозном балетной школы никогда не было, никогда и не будет! В

Ленинграде — есть балетное образование, но там плохо! Там холод и на такой дальний север — ей никак нельзя. Заболит туберкулёзом от холода! Смотри на неё! Смотри, какая она тощая, какая хрупкая и очень нежная. Что мне с ней делать?”.

Мой дед строго ответил: “Она ещё совсем-совсем маленькая. Только девять лет!!! Забудь об этом! Мало ли что в голове у такого ребёнка? Не надо потакать! Мало ли что она хочет”. В общем, дед запретил маме думать об этом моём капризе, моей мечте о балете.

Я ещё два года всех неугомымо мучила, долго и противно плакала, устраивала частые истерики. В ответ был скандал между мамой и моим дедом.

В одиннадцать лет всё решилось в мою пользу. Мама сказала: “А если она ни на что не будет способна?”. В ответ на этот сложный вопрос мама поссорилась со своим отцом, бросила дом, оставила весь уют и своих родителей в Грозном и с маленьким чемоданом и со мной под мышкой приехала в чужой город. Здесь, в Баку, у нас не было ни родных, ни знакомых.

Итак, из России мы переехали в Азербайджан, незнакомую союзную республику.

С поезда я и мама стали искать и быстро нашли вывеску над полуподвальным помещением, где прочли название “Хореографическое училище”. Это было совсем дверь в дверь с государственным театром оперы и балета имени М. Ф. Ахундова.

Открыв дверь шумной учительской, мы встретили там строгого директора Алю Азизовну Таирову. Её ответ нас огорчил. Она заявила: “Все приёмные экзамены на хореографию закончились в мае, а сейчас уже конец августа и вообще уже даже двадцать седьмое число... Говорить не о чем!!!”.

На это мама радостно и с улыбкой ответила: “Вы посмотрите её в танце, пожалуйста, если она не подходит для балета, то мы сейчас же уезжаем домой в Грозный. Мы прямо здесь и только с поезда. И вообще нам негде даже остановиться!!!”.

Это было в одиннадцать утра, а ехали мы всю прошлую ночь в поезде из Грозного до Баку.

Директор взяла меня за руку, привела в роскошный балетный зал с портретами волшебных красавиц-балерин. Я была потрясена, здесь всё происходило как в волшебном сне. Я увидела наяву кадры из любимого фильма “Балерина”. У меня немедленно появился жуткий страх.

Однако все они — пианистка, директор и три педагога — осмотрели мою вытянутую ножку, наиподробно изучили мою фигуру и немедленно, без подготовки, попросили станцевать свою личную импровизацию.

Я как-то сразу забыла о панике и страхе и с воодушевлением показала свои “Арабески”, которые запомнила из самых разных фильмов. Изобразила я и что-то похожее на “Умирающего лебедя” из другого московского кино.

Решение той хореографической комиссии сделало меня самой счастливой и по сей день. Они сказали: “Всё-всё, мы вашу девочку берём. Узнайте тридцатого августа расписание занятий”. Мама была тоже очень счастлива и одновременно в ужасе от вопроса: как дальше жить? Эту ночь мы ютились на железнодорожном вокзале в комнате матери и ребёнка для бездомных или сирот.

Прошло время, и всё наладилось к лучшему. Мы встретили замечательных людей в незнакомом для нас Азербайджане. Всё хорошо для нас устроилось.

Однако первый год мы жили очень тяжело. У нас был лишь “угол” в одной комнате с хозяйкой жилья. Там у нас с мамой была одноместная кровать. Своего стола не было. Мы ели сообща с хозяйкой на кухне. Вся одежда хранилась на стульях. Шкафа не предполагалось из-за тесноты.

А затем я встретила того мужчину, кто влюбился в нас. Он был инвалидом войны, без левой руки. Он был чуть-чуть старше любимой мамы. Свахой, на этот раз, стала я.

Он сделал предложение образовать семью. Мне удалось уговорить маму переехать к жениху. На это ушло два месяца. Я упорно и ежедневно убеждала маму и убедила. У нас получилась счастливая семья. Детей больше не было — так захотела мать. Я была и осталась единственной в семье.

Я хорошо помню тот 1949-й. Мой папа погиб за 6 лет до того, в 1943-м. Мой отчим Александр Игнатьевич Рязанов стал для меня, ребёнка, очень родным и очень дорогим человеком. Вскоре он спас мою жизнь.

А было всё так... После операции аппендицита меня выписали домой, но ночью вспыхнул рецидив. Я потеряла сознание от критической температуры. Я просто умирала. Он немедленно принял решение и, подхватив меня правой рукой на плечо, отнёс в больницу, где повторили операцию. Это было безумно тяжело для инвалида. От дома до больницы было более десяти километров. Телефонов-автоматов на улицах, чтобы вызвать “скорую помощь”, не было. Глубокая ночь. Был тот же, 1949 год.

После окончания любимого хореографического училища я сразу же была принята солисткой балета в театр имени М. Ф. Ахундова. Здесь я вскоре стала ведущей балериной. Через шесть лет была приглашена, как прима-балерина, в Кишинёв (Молдавия). Через три года стала жить в Алма-Ате, где и живу постоянно с 1965-го.

Мой второй дом — это государственный академический театр оперы и балета имени Абая. Из призвания мой балет стал моей судьбой. Здесь я встретила своего мужа — Рамазана Саликовича Бапова. Он — казах из поколения в поколение, родился в Алма-Ате в 1947 году. Я бесконечно горжусь им, бесконечно преданна ему и люблю. Его имя украшает славу Большого театра в Москве.

Его достижения в мировом балете значатся в списке имён великих мастеров танца XX века. Он — признанное национальное сокровище Казахстана и России.

Я держу в руках фотографию стены у входа в мировую святыню балета и читаю список звёзд: “Выпускники училища народные артисты СССР: Моисеев И., Головкина С., Фадеичев Н., Лица М., Максимова К., Васильев В., Бессмертнова Н., Лавровский М., Бапов Р.С.”.

У меня счастливая семья. У нас есть дочь, наше счастье. Она — Юлия Бапова, работает с балетмейстером Юрием Григоровичем. Моя дочь многому научилась от гениального мастера. Он глубоко и искренне ценит её талант музыканта. В моём сердце живёт память о Махмуде Эсамбаеве, великом танцовщике всех времён. На моей памяти его никто не превзошёл в таланте и в любви к искусству.

Это — наша жизнь, наше счастье. Мы родились с ним в Грозном. Чечня — наша любимая родина. Там ранняя и красивая весна, на взгорьях

много полевых цветов, бесконечные фруктовые деревья в долинах. Я любила и люблю собирать подснежники: белые и синие с сиреневым отливом. Там горная река Сунжа — такая бурная и с ледяной водой. Память о детстве всегда со мной.

Сегодня я заслуженная артистка РК. Пятьдесят лет отдано балету и педагогике.

Я обучаю новые и новые поколения звёзд, которые украшают алмазинскую сцену.

Я помогаю им быть великими и знаменитыми.

Я восхищаюсь молодостью.

Мы всегда вместе.

Моё сердце на стороне совестливых коллег. В жизни бывает всякое: взлёт и падения, болезни и неудачи, просто бывают нервные срывы и семейные несчастья.

Жизнь нельзя строго планировать, как и невозможно жить по линии.

Искусство балета для меня — это когда я могу захлебнуться от наслаждения музыкой, танцем и декорациями.

Картины и костюмы — это образы счастья.

Научить сочинять музыку или балет — невозможно. С этим надо родиться и только родиться, а научить можно другому и многому в искусстве, но не этому.

Учёба — это тренировка. Здесь повторы, воспроизведения, что показано и сделано учителем для ученика.

Гениальность же — это от Бога. Это — высший дар и выбор — не от человека. У таких талантов — особое предназначение и предзнаменование в Большом Искусстве Танца.

Этих личностей можно сосчитать по пальцам на одной руке — я говорю о сценической культуре и высших эталонах танца в широком смысле их осознания.

Начало всякого балета — это хореограф и учитель. Их дружественная и созидательная гармония рождает сценический успех для ученика. Этим определяется целая жизнь для ученика, и это становится конкретной судьбой. Как хореограф и учитель лично относятся к конкретному артисту — случается ломка или взлёт. Начало всякого балета от сердца и доброты.

Артистический талант и стандарты совести педагогов — рождают или гасят, говоря современным языком, наших сегодняшних звёзд. Здесь строгая правда жизни — на сцене и за кулисами.

Чем меньше администрирования в искусстве — тем больше мировых достижений.

Я стараюсь так себя вести, чтобы мои ученики не хлопали дверью.

Мои сценические уроки в хореографии — это сосредоточенность, медитация, строгая дисциплина и бесконечная доброжелательность. Иного и не может быть в совместном творчестве для артистов. Мы не на поле боя, общаясь через вдохновение.

Великое и гениальное из хрупких материалов.

Вдохновение незнакомо камню.

Сердце непременно предопределит и подскажет единственное решение, где верный путь для трудолюбивого таланта.

У меня нет конфликта с Богом и людьми. Мой огромный мир танца и прекрасной музыки всегда со мной. Я живу свою жизнь, день за днём, в моём любимом Алматы”.

10. Алексей Сафронов и Екатерина Хомкина говорят:

“Мы просто молодая балетная семья и очень счастливы на родине в Казахстане”

Их юность, красота и талант украшают наш прекрасный театр оперы и балета им. Абая в Алматы. Алексею — 23, Екатерине — 21. Магнетизм индивидуальной пластики танца и пронзительная чувственность в их “Спящей красавице” завораживают изощрённых балетоманов. Редкая одарённость и исключительная искренность чувств подчёркиваются высоким профессионализмом, что они унаследовали от прославленной балерины Людмилы Рудаковой — их педагога, которая более полувека обучает поколения казахстанских звёзд.

Я попросил их рассказать о себе.

ЕКАТЕРИНА: “Я поздравляю всех с 8 МАРТА!!! ВСЕМ СЧАСТЬЯ В ЭТОТ ДОБРЫЙ И КРАСИВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ!!!

Я обожаю ездить. Я уже была в России, Турции, Болгарии, Китае и США. Когда я там — во мне просыпается гурман. Я люблю найти свои любимые сладости, деликатесы и национальные блюда. Сравниваю, рассказываю мужу об их различиях. Это любопытно. Я люблю радоваться жизни и умею это делать. Гастроли — это очень серьёзно и большое напряжение сил, но ведь жизнь идёт своим чередом, и я не хочу быть фанатиком или жертвой профессии. Я смотрю на старшее поколение, стараюсь избежать ломок и разочарований. Лучше открыть пошире глаза и не повторять недоразумений, которые видны из жизненного опыта коллег по сцене. Я берегу ощущение БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ и ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНОЙ. Это для меня очень важно. Так я живу и так чувствую мир вокруг.

После встречи с Лёшей я стала очень-очень семейной. Мы делаем всё вместе, стараемся быть всегда рядом. Если я его не вижу, то скучаю — ищю глазами и сердцем. У нас это взаимно. Мы просто молодая балетная семья. Мне нравится быть заботливой женой. Это новое и приятное ощущение”.

АЛЕКСЕЙ: “Я алматинец, здесь все мои близкие и родные. Я ПОЗДРАВЛЯЮ ДОБРЫХ И ПРЕКРАСНЫХ ДАМ С 8 МАРТА!!!

Я проник в балет по ВДОХНОВЕНИЮ, почти СЛУЧАЙНО. В 10 лет встретил педагога из знаменитого хореографического училища им. А. Селезнёва. Тот зашёл в мою семидесятую среднюю школу в мае и спросил: “Кто бы хотел учиться балетному искусству?”. Я уже занимался фигурным катанием и любил ощущение движения. Любил летать надо льдом, стремительно прыгать к небу, был юркий, как ртуть.

Педагог придирчиво осмотрел физические и артистические данные более 70 школьников в нашем спортзале. Составил список кандидатов для вступительных экзаменов, где был ужасный конкурс — почти 1 учебное место на 40 мечтателей.

Я сразу же забыл об этом, не отнёсся серьёзно. Всё было как-то нереально. Мама уговаривала меня целый июнь пойти на экзамены, где моя фамилия была в списке двух допущенных до экзаменов из моей школы. Но у неё НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЛОСЬ. И тут она решила: “Алёша, давай так сделаем — посмотрим балет”.

И тут случилось ЧУДО — это была потрясающая и драматичная “Жизель”. Я был в ВОСТОРГЕ!!! Я стал уговаривать маму — немедленно туда, на экзамены, и начинать учиться взамен средней школы. Мама сделала

вид и стала ежедневно возражать, как будто она передумала и не согласна с моей внезапной и бурной мечтой — стать премьером или ведущим солистом. Я стоял на коленях и уговаривал маму: “Хочу танцевать в балете. Это — моя мечта. Пожалуйста, мама, согласись и разреши мне учиться танцевать!”. Я не подозревал, что это адский труд владеть своим телом на сцене.

Меня взяли, и я начал учиться. Мой самый любимый педагог — Эдуард Джабашевич Мальбеков. Он учил меня в выпускные годы. Я закончил и стал профессиональным артистом балета. На распределении выпускников меня спросили, где буду отрабатывать два года? Поясняю: надо отрабатывать деньги, которые государство истратило на обучение артиста. Я согласился, и меня зачислили в штат знаменитого государственного театра оперы и балета им. Абая. Здесь меня обрадовали и определили на должность “артист балета второй категории”. Здесь я уже 5 лет.

Сегодня я ведущий солист моего любимого театра. Я счастливый человек, здесь на занятиях классикой я встретил мою Екатерину. Мы очень любим друг друга. Мы любим вместе танцевать в “Лебедином озере”. Это — восторг и наслаждение для нас. Мы можем передать те чувства и обожание друг другом с помощью жестов и музыки, которые невозможны в быту или вне сцены. Взгляд мельком, пауза в движении рук и интонация жеста — это наше дыхание, вдохновение и любовь.

Балет — это чудо и радость выбора своей судьбы и особого присутствия во времени, быстротечного как жизнь. Всё это — в рисунке балета “Лебединое озеро”. Музыка Петра Ильича Чайковского — ритм нашего сердца и дыхания.

Наш академический танец в этом балете — лишь невесомые волны или рябь на поверхности бессмертного сценического шедевра высокой европейской культуры.

Хотя у Екатерины есть новая мечта к осуществлению, мечта — о своей и особой “Жизели” на сцене. У новой “Жизели” моей жены — все чувства нарастают, пожалуй, легче ей натанцевать сценический образ, чем говорить об этом вслух. Нелегко найти хореографические ответы на вопросы о трагедии безумства от несчастной любви и обманутых надежд быть вместе.

Я также знаю со слов суперзвезды мирового балета — Рамазана Бапова, что мужская балетная партия Альберта в “Жизели” — самая тяжёлая эмоционально и чисто физически.

Я вижу канву танца моего Альберта на живущих в нём противоречиях: обман и счастье, коварство и чистота чувств, раскаяние и бессовестность, бессмертие и смерть, и ещё — его ужасающее страдание от невозможности повиниться за причинённую боль любимой.

Вот этими разговорами, балетными партиями мы заняты вместе круглосуточно.

Мы мечтаем вместе, радуемся сценическим прозрениям вместе или огорчаемся неудачам, если они приходят в гости.

Мы уже ХОРОШО знаем, что быть МОЛОДЫМИ — это значит испытать много искушений на прочность в желании всё преодолеть и остаться верными своим мечтам о возвышенном и великом в балете.

Наше СЕГОДНЯШНЕЕ СЧАСТЬЕ — БЫТЬ ВМЕСТЕ.

Это — не так мало.

Мы очень ценим НАШ СОЮЗ — БЫТЬ ВМЕСТЕ.

Нас оберегает наш добрый друг семьи и любимый педагог — Людмила Рудакова, которой мы доверили наше профессиональное настоящее на прекрасной сцене любимого театра в нашем любимом Алматы”.

г. Алматы.

Наталья КУРПЯКОВА

Выбор пути

Прозаика Веру Галактионову называют и неомодернисткой, и почвенницей, и даже сказительницей (хотя сама писательница с последним определением не согласилась). Российская критика пока не может найти нужного термина для раскрытия сути её творческого метода. В. Галактионова — лауреат Международной премии имени Андрея Платонова за высшие достижения в прозе (2002) и премии “Литера-

турной газеты” имени Антона Дельвига (2005). Считают, что у неё женское сердце и мужское перо, а её книги взрывают представления о женской прозе. Вера Григорьевна же полагает, что нельзя делить искусство по гендерному признаку.

В Астане осенью прошлого года Вера Галактионова вместе с группой московских литераторов встречалась с читателями, студентами и творческой интеллигенцией Казахстана.

По мосту-по мосточку

Произведения Веры Галактионовой “Со всеми последующими остановками”, “Мы будем любить”, “Большой крест”, “На острове Буяне”, книги “Слова на ветру опустевшего века”, “Крылатый дом” и другие, пожалуй, не известны кругу читателей, который принято обозначать как широкий. У неё своя читательская аудитория — рассуждающая и думающая о судьбе России и русского человека, не закрывающая глаза на проблемы нашей жизни, но и не “плачущая” над безысходностью бытия. Наверное, таких читателей пока немного. Слишком велики соблазны обрушившегося на нас потока гламура, детективщины и прочего чтива.

— Однако сейчас всё чаще критики пишут о новой волне в литературной современности, — говорила на встречах Вера Галактионова. — Писатели, всё это время создававшие настоящие вещи и, соответственно, выживавшие только чудом, всё же — с трудом, страшно редко, в порядке невероятного исключения, — издавались. Теперь они как будто перетягивают на себя внимание читающей публики. Очень многое уже сделали наши учёные-литературоведы. Самоотверженные и самые образованные ценители русской литературы устроили что-то вроде бунта против безвкусицы — при деятельной поддержке “Литературной газеты”. Теперь её надо читать.

— С Казахстаном многое связано в моей жизни, — продолжала Вера Григорьевна. — Первые мои книги вышли здесь. В 1985 году в издательстве “Жалын” — сборник повестей и рассказов “Шаги”, с которым я была принята в Алма-Ате в Союз писателей СССР. Вторая книга “Зелёное солнце” получила литературную премию имени Ивана Шухова как лучший роман года. В 1991-м появилась третья — “По мосту-по мосточку”. А творческое

становление проходило в Уральске. Там в восьмидесятые годы было сильное литературное объединение. Мы старались не подражать, а создавать свои миры. Получилось ли? У многих, я думаю, да. Оттуда вышли интересные, талантливые поэты Таня Азовская и Тамара Шабаренина. Из прозаиков назову Геннадия Доронина. Это яркий художник, его произведения похожи на шампанское — динамичная, остроумная проза, великолепные диалоги и где-то на горизонте — огромная грусть.

Я работала старшим редактором Уральской студии телевидения, была собственным корреспондентом «Казахстанской правды» — по Караганде и в Москве. Был и алматинский период — в отделе прозы в журнале «Простор». Здесь мне довелось переводить повести «Двор Акберды» и «Сарманкул», роман «Путь к чёрной звезде» замечательного казахского прозаика Акима Тарази. У него мощная, многосмысловая метафора, позволяющая понять, как смотрит на мир таинственная и неразгаданная Азия. Эта работа помогала и прочувствовать Казахстан, и выработать собственный стиль.

Ведь главная задача писателя — выработать стиль, ни на кого не похожий, не воспроизводимый. Для писателя, особенно в период становления, крайне важно знакомиться с мировоззрениями других народов. В любом языке интересно то, что непереводимое. Например, казахская метафора. Или немецкая точность стили — у Гейне, Гёте, Шиллера, которых я старалась читать в подлинниках, сравнивала их с переводами. Очень любопытны достижения древних японцев. Например, танка Исикава Такубоку. Умение вместить в несколько строк чуть ли не романский объём. Я старалась понять — как это получается? Мне критики пеняли потом за «плотность» прозы, а то была дань японскому мастерству — стянуть большие смыслы в некие сюжетные узлы, на которых строится повествование.

Услышать слово человека

В каждом произведении писательница ставит перед собой новые жанровые задачи, находит неожиданные повороты сюжета. Проза Веры Галактионовой — особенная, многостилевая. А также аналитичная, спрессованная, ассоциативная, мифологичная. Одни говорят — нельзя дочитать до конца, другие — невозможно оторваться.

— *Вера Григорьевна, так какая она — женская проза?*

— Нет женской прозы. То, что привыкли понимать под этим словосочетанием, псевдопроза. О ней рассуждать не серьёзно. Как можно писать, не работая над портретом, пейзажем? Причём так, как этого никто ещё не делал? Надо «ставить» руку, обретать свой стиль — сочинять, отбрасывать, пробовать снова. Это огромный труд. А писать так — вошёл-сказал-закрыв дверь-ушёл? Это не литература. Авторами обильно поощряемых и густо публикуемых произведений являются не писатели, а пипы: в среде литераторов их именуют проще — пипками. Пипы — это персонифицированные издательские проекты. Кто стоит за тем, либо другим, чаще всего — женским именем, не всегда понятно. В Москве ходит один анекдот, в котором упоминается имя одной очень богатой и очень халтурной пипы. Как в доме её производился обиск. В результате в подвале дома были обнаружены пятьдесят мартышек, печатающих на машинках.

— *О чём же должен писать современный писатель, чтобы быть интересным современному читателю? Или сегодня они существуют отдельно друг от друга?*

— Писатель будет интересен только тогда, когда не станет ставить задачу быть интересным. Если сороконожка задумается, как ступает та или другая её нога, она не сможет ходить. Когда писатель старается оправдать ожидания читателя, писать на потребу дня, исходить из интересов какой-либо социальной группы, то он идёт за читателем, а не впереди него. Талант писателя, на мой непросвещённый взгляд, оценивается всё-таки тем, насколько писатель обгоняет время. У каждого народа есть своя поступь, у каждой страны есть своя судьба. И есть писатели, которые прозревают будущее. Известное читать не интересно. Нужно открыть читателю новую форму его бытия, новый смысл его поступков, увиденных в бытовом ракурсе, создать некие символические картины.

— А вы знаете своего читателя?

— Нет, не знаю. Только могу удивляться, узнавая, кто он. Показательна история с выходом книги “Крылатый дом” в финал конкурса “Русский национальный бестселлер”: все баллы дал молодой читатель Питера, Москва — один-единственный. В Петербурге я не была, эта среда мне совершенно не знакома. Как возникли эти вибрации взаимопонимания? Такое не вычисляется.

— Критик Руслана Ляшева сказала, что роман “На острове Буяне” “по актуальности даст фору любому политику”. Также усматривают созвучие романа с повестями Валентина Распутина “Мать Ивана, дочь Ивана” и “Прощание с Матёрой”. Вами эта связь ощущается?

— Сравнение этих работ кажется мне не совсем удобным для меня в этическом плане. “Мать Ивана, дочь Ивана” писал великий мастер, человек, отдавший литературе много сил и энергии, но уже на излёте, сквозь чудовищную усталость. А “Прощание с Матёрой” — сочинение непревзойдённое.

Те, кого называют почвенниками, деревенщиками, выработали мощный творческий метод и потом очень немного добавляли к нему. В Литературном институте нас жалели: бедные вы, бедные, что же вы будете писать? Ведь наиболее выигрышные ходы в литературе уже сделаны, как надо — уже написано. Тогда я поняла: надо идти нехоженными тропами, путями, которые числятся теоретически проигрышными. Из проигрыша делать выигрыши. Это мне любопытно. Если в жизни возникает где-то минус, я повторяю себе: вот для плюса уже одна перекладинка готова, надо только вертикаль поставить. Есть горизонталь — хронология, быт, внешняя канва событий. Мне нужна вертикаль, встроенная в сюжет: чтобы просматривалась глубина, исторические смыслы — прошлое России, будущее, плюс-минус бесконечность. Я свои сюжеты делаю крестом. А вот вертикали я у деревенщиков не вижу, они работают изумительно-блестяще, но, как правило, на горизонтали.

“На острове Буяне” — роман о противостоянии русской провинции всему тому, что расшатывает устои русской жизни, о сопротивлении разрушительным законам нового века. Сегодня глобализация, к сожалению, стирает индивидуальность. А недооценка индивидуальности — это недооценка таланта. Глобализация ставит на поток программы, темы, работает как конвейер, устремляясь к штамповке. Она воспитывает потребителя и кормит его как раз такой литературой, какую он ждёт — вам с сиропом? а может быть, вам с горчицей? Извольте! Но это лакейская, бесперспективная литература.

— Вы антиглобалистка?

— Нет. Но и не глобалистка. Потому что мир развивается по своим законам. Моя задача смотреть на всё происходящее со стороны, что-то

разделяя, за что-то болея. На развитие цивилизации художник смотрит в историческом ракурсе, то есть с известного расстояния.

— У ваших героев очень запоминающийся язык, а у повествования особая сказовая манера.

— Тут моей особой заслуги нет. Природой бывает дан слух на слово. Специалисты отмечают, это более редкое явление, чем музыкальный слух. Мне довольно просто воспроизвести диалог или монолог двадцатилетней давности. Слово в слово. Тут мне нарабатывать ничего не пришлось. А высшее достижение в литературе, я думаю, это Николай Лесков, с его изумительной работой над словом. Лев Николаевич Толстой, не обладающий таким слухом и не достигающий такой яркости слова, с ним боролся, называл речь Лескова выдуманной. Это, конечно, не так.

(В одном из интервью на вопрос о своих учителях и о том, каким она видит героя нашего времени, Вера Григорьевна ответила так: «Я представляю себе героя нашего времени как народного мстителя. Восторжествовавшие в нашей стране «рыночные отношения» приобрели такие уродливые формы, низвели современного учителя до столь оскорбительно низкого материального уровня, что новое поколение, вырастающее сегодня из нынешних школьников, будет особенным. Современные российские учителя своим жизненным примером, своим ежедневным бытием уже воспитали поколение таких патриотов, которых не могла бы сформировать никакая масштабная пропаганда. Голодный педагог в замерзающей школе воодушевил новое поколение, которое поставит «рыночные отношения» на подобающее им место. Это, с одной стороны, — результат скупости наших «рыночников». Но, с другой стороны, плоды трудов учительства. Ведь учитель — это редчайшая профессия, которая за минувшие десять лет всем своим поведением, своей нравственной честностью не вызывала у меня стыда. Не приходится стыдиться за то, как сквозь это десятилетие прошли наши педагоги.

И это про моих учителей. Я в числе близких людей всегда вспоминаю свою учительницу литературы Валентину Ивановну Пискунову, которая учила меня русскому языку в сельской школе Ульяновской области. Она — мой учитель наряду с Иоанном Златоустом и Николаем Лесковым, этим великим учителем русской словесности»).

— Вера Григорьевна, а как вы пришли в публицистику? Вы бывали в Нагорном Карабахе, Чернобыле, Армении и Азербайджане. Эссе «Чёрная быль — Белая Русь» признают лучшим из написанного о чернобыльской трагедии.

— Когда читаешь философские произведения, религиозные, исторические материалы, пытаешься понять пути развития нации, пути сохранения и мутации человека, события выстраиваются как будто в помощь тебе. Причём осознать это можно только потом. Было приглашение Александра Лукашенко и встреча с Чернобылем. Ты заканчиваешь свою работу и думаешь, что можно отдохнуть, расслабиться. Но раздаётся звонок — и ты едешь в Карабах. Тимур Зулфикаров сказал: «Ты ходишь по рубцам Земли». Нет, не я хожу, и не я выбираю. Так получается само.

— Вы быстро пишете?

— Нет, у меня есть наброски, которые лежат лет по семь. Первые записи похожи на графоманию. Они должны вылежаться, потом надо всё пересмотреть, переиначить, иногда даже вызвать в себе чувство отвержения того, что написано. Тогда легче «держать в узде» самую повествовательную форму.

— Какая книга для чтения лежит на столе у писателя?

— Никак не дочитаю “Закат Европы” Шпенглера. Настольные книги — это поучения и послания Авы Дорофея, двухтомник Иоанна Златоуста.

— *А из современных авторов?*

— Трудно вот так сразу сказать. Назову, пожалуй, имя замечательного прозаика Константина Воробьёва, которому судьба дала раскрыть талант в полной мере. История и время сжали его, не дали развернуться. А он продолжал в литературе чрезвычайно любопытную линию, идущую от гаршинского символизма.

— *Вера Григорьевна, а у вас не возникало желания начать преподавать, например, в Литературном институте?*

— Мне кажется, сейчас я бы уже могла вести свой семинар — есть чем делиться и чему учить. К тому же и студенты звонят, задают вопросы, им хочется встречаться, говорить. Другое дело, что не всегда находится время. Я выступала перед студентами университета в Сеуле, с ними было легко и просто общаться. У них огромный интерес к русской культуре. Я была удивлена, что там молодёжи моё творчество известно значительно больше, чем здесь. Хотя в Москве есть вузы, в которых то, что я сделала, считается вроде бы как модным. Пишутся дипломные работы, готовятся диссертации. Удивила одна девушка, собравшая обо мне целую папку материалов: я и четвертой части о себе не читала.

— *Вы известны за рубежом?*

— За рубежом мои вещи публикуются как-то бестолково. Кстати, моя первая публикация была в русско-болгарском журнале “Дружба”, на двух языках. В недавно вышедшем сборнике произведений российских писателей в переводах на китайский язык есть два моих текста. Но со мной никто не связывался, я не знаю, как шёл процесс перевода, кто переводил, не могу судить и о качестве сделанной работы. Появляются и “пиратские переводы”. Очень коварная штука — Интернет, где часто появляются искажённые произведения.

— *Тогда давайте поговорим о беспорном — о вашем новом романе “5/4 накануне тишины”, который признан явлением в современной литературе. Критики говорят о новом подходе к структуре романа, о решении сложной творческой задачи — показать героя нашего времени. Действие романа происходит в городе Караган — чёрном солнце Евразии. Вы вспоминали о Караганде, выбирая название и работая над сюжетом?*

— Караган очень много взял от Караганды. Но это художественная проза, где мне не хотелось делать “привязку” к определённой местности. Однако Карлаговская тема там прослеживается. Тему репрессий, развала Союза, некоторые закономерности развития общества на постсоветском пространстве дала Караганда.

— *Вы пишете “душа и мир — это зеркала, которые отражают друг друга. Больно миру — больно душе. — Всё отражается во всём”. А есть обратная связь? Миру бывает больно за отдельную человеческую душу?*

— Есть обратная связь! В романе “5/4 накануне тишины” я пишу о распаде — традиций, государства, души человека. Разрушая одно, мы разрушаем другое. Мир становится хуже, темнее, когда нас раздражают отрицательные переживания. Но мир имеет способность облагораживаться через наши хорошие движения души. Может быть, человек и послан на Землю для того, чтобы перерабатывать негатив в позитив, тьму в свет. Пространство вокруг нас несколько высветляется, но происходит это через жертвы.

Задачи рода

Выступая в Астане перед студентами, Вера Галактионова не старалась быть понятной, лёгкой и беззаботной. Говорила о русских, живущих за пределами России, о национальном сострадании и понимании, об ответственности и долге людей друг перед другом.

— Я люблю степной Казахстан. И не только потому, что он стал надёжным прибежищем для моего отца, родители которого в России были репрессированы, а сам он пережил в ней много невзгод и преследований. Я хочу сказать о другом. Воздух Казахстана очень горький от пыли. Но ни в одной другой стране нет такого открытого, просторного неба, как здесь. Горизонт в степи всегда очень далёк. Однако он хорошо виден. И взгляду простого человека — путника, чабана, жителя посёлка и аула — горизонт открыт больше, чем взгляду кабинетного человека. Я хочу, чтобы каждый кабинетный человек, принимая важные решения, руководствовался бы главной ценностью в жизни любой страны — сбережением народных традиций и богатств земли для потомков.

Когда Вера Григорьевна начала выступление, признаюсь, стало немного не по себе. Не часто с ребятами разговаривают о таких серьёзных вещах, не делая скидок ни на возраст, ни на небольшой читательский и жизненный опыт. Поймут ли? Или, не уловив мысли писателя, — чьё имя к тому же они слышат впервые — зашепчутся, зашумят, обидят невниманием. Этого не произошло. Не только даром слушания речи обладает писательница, её слово было услышано и понято. Записывали названия книг, присылали записки с вопросами, приглашали на новые встречи. Вера Григорьевна потом сказала, что запомнились ей глаза девушек в первом ряду — удивлённые, умные, добрые. Запомнились и слова Веры Галактионовой, звучавшие в абсолютной тишине. Как сказ, услышанный далеко-далёко, где-нибудь на острове Буяне. Как напутствие писателя — читателю, человека — человеку.

— Человек не существует сам по себе, вот что важно. За каждым из нас стоят предки. У Павла Флоренского есть великолепное философское исследование о задаче рода. Род, от поколения к поколению, накапливает некую творческую энергию, творческий потенциал, который реализуется наиболее полно в одном из представителей этого рода. Когда человек трудится во имя своего народа, во имя памяти предков, его достижения всегда крупны и плодотворны, путь более значим. Человек, который рассматривает себя в отрыве от народа, от традиций, работает исключительно ради своего “я”. Путь ради себя — обезличенный путь. Значит, человек проходит по неверным дорогам. Об этом говорят многие религии мира. Всем нам желаю первого пути.

P. S. Жюри литературной премии им. Александра Невского “России верные сыны” объявило лауреатов за 2006 год. Премия присуждена: поэту **Николаю Добронравову**, критику **Льву Аннинскому**, прозаикам **Вере Галактионовой** и **Владимиру Ерёменко**.

Торжественная церемония вручения наград состоялась 6 декабря 2006 года в Центральном Доме литераторов.

Помимо денежной премии и диплома каждый из лауреатов получил именную медаль, изготовленную из золота и серебра, с профилем великого полководца.

Редакция “Нивы” сердечно поздравляет Веру Григорьевну Галактионову с заслуженной оценкой её писательского труда.

Литературная жизнь России

Встречи на Слобожанщине

В центре Слободской земли городе Харькове состоялся ряд встреч, конференций и “круглых столов” по вопросам исторических, экономических и культурных связей России и Украины. В этих мероприятиях принимала участие делегация Союза писателей России и Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС) под руководством председателя СП России, заместителя главы ВРНС, члена Общественной палаты РФ В. Н. Ганичева. В делегацию входили доктор исторических наук С. В. Перевезенцев, главный редактор журнала “Новая книга России” С. И. Котьяло, доктор филологических наук С. А. Небольсин, писатель, доцент Литературного института А. Ю. Сегень, поэт В. Г. Верстаков и главный редактор журнала “О Русская земля!” М. В. Ганичева. Во встречах в Харькове участвовали также гости из украинского города Николаева — член СП России профессор Н. Г. Мирошниченко и председатель Николаевского отделения Центра адмирала Фёдора Ушакова Г. В. Бушуева.

В НТУ “Харьковский политехнический институт” состоялась конференция, посвящённая очередной годовщине Переяславской Рады (1654 г.) и гармонизации нынешних украинско-российских отношений. Были заслушаны десятки докладов по этой теме учёных, общественных деятелей, преподавателей, студентов и аспирантов Харькова, Москвы, Киева и Николаева.

В Харьковском национальном университете прошёл насыщенный острой полемикой и глубокой постановкой проблем “круглый стол” по вопросу развития российско-украинских отношений, в котором наряду с учёными приняли участие представители администрации Харьковской области, Харьковского облсовета, Совета руководителей приграничных областей России, Белоруссии и Украины, представители консульства РФ и комиссии межрегионального и международного сотрудничества.

Председатель Харьковского облсовета В.В. Салыгин и ректор ХПИ Л. Л. ТОВАЖНЯНСКИЙ были награждены от имени ВРНС и СП России премией “Славянское единство” и орденами за укрепление дружбы между нашими народами.

Главный редактор журнала “О Русская земля!” Марина Ганичева и поэт Виктор Верстаков провели несколько встреч со школьниками Харькова и пригласили их участвовать в конкурсе детского творчества “Гренадеры, вперёд!”.

В епархиальном управлении прошла встреча российской делегации с митрополитом Харьковским и Богодуховским Никодимом, во время которой владыка рассказал о делах епархии, прочитал свои стихи и подарил российским писателям десять томов своих сочинений, в которые вошли его поэтические и прозаические произведения. В ответ на это В. Н. Ганичев за многочисленные прозаические и поэтические труды торжественно вручил владыке билет почётного члена Союза писателей России.

Вручена премия имени А. Прокофьева

Лауреатом этой премии, имеющей также второе название “Ладoga”, стал известный русский поэт Егор Александрович Исаев, удостоенный этой награды за новую книгу стихов “Не царь, а сын”. В торжественной церемонии вручения этой премии приняли участие представители администрации Ленинградской области и Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. В ответном слове лауреат поблагодарил руководство Ленинградской области за высокую награду и прочитал стихи из новой книги.

Вечер якутского друга

В московском Доме национальностей состоялся творческий вечер народного писателя Республики Саха (Якутия) Николая Лугинова, завершившего недавно работу над третьей частью своего романа о Чингисхане. Вместе с ним в Москву прилетели руководитель Союза писателей Якутии народная писательница Республики Саха поэтесса Наталья Харлампьева и главный редактор республиканской газеты “Якутия” поэт Владимир Фёдоров.

Николай Лугинов рассказал о своей работе над завершённым романом и поделился творческими планами на будущее.

Сказать своё слово о видном современном писателе Якутии и его творчестве пришли секретари правления Союза писателей России Анатолий Парпара и Николай Переяслов, главный редактор газеты “Российский писатель” Николай Дорошенко, один из старейших мастеров русской прозы писатель Ямилъ Мустафин, сотрудник “Литературной газеты” Александр Яковлев, поэт Иван Тертычный и другие друзья и коллеги Николая Лугинова. А секретарь исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС) Иван Сабилло вручил ему и Наталье Харлампьевой медали М. А. Шолохова.

Юбилейный “День поэзии”

В честь 50-летия со дня выхода первого номера альманаха “День поэзии”, изданного в 1956 году, воронежский издательский дом “Алмаз” при участии “Литературной газеты” (Ю. Поляков), ассоциации “Лермонтовское наследие” (М. Лермонтов), литературного журнала “Губернский стиль” (Н. Сапелкин) и при содействии Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ (А. Соколов) выпустил в свет юбилейный номер альманаха. Главным редактором “Дня поэзии — XXI век” стал поэт Сергей Мнацаканян, в его редколлегию вошли поэты Андрей Шацков, Валерий Дударев, Елена Исаева, Геннадий Красников и Евгений Юшин.

В числе ста с лишним авторов юбилейного выпуска альманаха такие непохожие друг на друга российские поэты, как Белла Ахмадулина, Владислав Артёмов, Александр Бобров, Владимир Костров, Сергей Викулов, Максим Замшев, Диана Кан, Евгений Чепурных, Юрий Кублановский, Андрей Вознесенский, Валентин Устинов, Владимир Шемшученко, Геннадий Иванов, Валерий Шамшураин, Владимир Фирсов, Николай Зиновьев и многие другие. Послесловие к альманаху написал московский поэт и критик Николай Переяслов.

Мастер рельефной поэзии

В выставочном зале Российской академии художеств состоялась выставка произведений народного художника Российской Федерации, члена-корреспондента Российской академии художеств и члена Союза писателей России Геннадия Правоторова, который широко известен как автор множества работ в жанре медальерного искусства, а также нескольких поэтических сборников. Соединяя в себе одновременно поэтические и художественные начала, Геннадий Правоторов часто обращается в своём творчестве к литературным темам и образам — им выполнен рельефный триптих в бронзе по мотивам знаменитого «Слова о полку Игореве», а также медали создателей славянской азбуки Кирилла и Мефодия, древнерусского писателя Даниила Заточника, неистового протопопа-писателя Аввакума, а также Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина и других писателей. Кроме того, им выполнено более десяти мемориальных досок, в том числе Ф. М. Достоевскому, а также доска, посвящённая 170-летию венчания А. Пушкина с Н. Гончаровой, сделанная им для церкви Большого Вознесения в Москве.

Геннадием Правоторовым создано также большое количество работ на темы российской истории, серия «Династия Романовых», рельефы Марии Магдалины, Екатерины и Елизаветы для одного из колоколов храма Христа Спасителя и объёмный цикл работ, посвящённых библейским сюжетам, образам христианских святых и теме Русского Православия.

Поздравить художника и поэта с открытием выставки пришли его друзья и коллеги из Академии художеств, Союза художников и Союза писателей России.

Посланники уральской музыки

Под председательством первого секретаря правления Союза писателей России Геннадия Иванова состоялся творческий вечер известных екатеринбургских поэтов Любови Ладейщиковой и её супруга Юрия Конецкого. Любовь Ладейщикова представила собравшимся свою новую книгу «Премия солнца», а её муж — только что изданный трёхтомник избранных произведений. Пришедшие на вечер московские писатели говорили о художественном своеобразии творчества уральских коллег, а Любовь Ладейщикова и Юрий Конецкий читали перед собравшимися свои новые и старые стихи.

Гостя из Кировограда

В актовом зале правления Союза писателей России с большим успехом прошёл творческий вечер поэтессы из украинского города Кировограда Галины Вовченко-Керуцкене. Галина относится к той категории людей, которых академик Л.Н. Гумилёв называл «пассионариями». Она не просто хорошая поэтесса, пишущая сильные гражданственные и лирические стихи на русском языке, но и человек поистине необыкновенной творческой и социальной активности — член Союза писателей России, инициатор множества литературно-культурных и общественных акций, пропагандирующих русский язык и литературу на Украине и направленных на укрепление не декларативной, а подлинной русско-украинской

дружбы, руководитель творческого объединения “Парус”, под крышей которого собираются не только начинающие поэты и прозаики Кировоградской области, но и представители других родов искусства, и вообще — самый настоящий “мотор” Кировоградского отделения СП России, официальной регистрацией которого в украинских органах юстиции она сейчас занимается.

Послушать пламенные стихи Галины о женской доле, любви и, конечно же, о любимой Руси-России пришли секретари правления Союза писателей РФ Геннадий Иванов и Николай Переяслов, профессор Владимир Сигов, писатель Владислав Чуканов и многие другие почитатели творчества кировоградской поэтессы, её московские земляки, а также просто друзья Украины и сторонники единения культур славянских народов.

В Вологде занялись молодыми

Впервые после многолетнего перерыва в Вологде прошёл семинар молодых (и уже не очень молодых) литераторов области, на котором были рассмотрены рукописи многих начинающих авторов. Помимо вологодских прозаиков, руководить работой семинара приехали из Москвы писатели Владимир Личутин, Геннадий Иванов, Вадим Дементьев, Капитолина Кокшенёва и Андрей Воронцов. Они читали произведения своих младших собратьев по литературному творчеству и вместе с ними проводили анализ того, что у них получилось удачно и над чем ещё надо много и серьёзно работать. Общее мнение руководителей творческих групп сводится к тому, что большие перерывы в работе с творчески одарённой молодёжью приводят к значительным упущениям в её профессиональном росте, потере полезного времени и нерезализованным возможностям, а значит, заниматься литературной сменой надо регулярно и с большей любовью.

Памяти Николая Рубцова

В конференц-зале Союза писателей России состоялся вечер памяти великого русского поэта XX века Николая Рубцова, организованный правлением СП России и Вологодским землячеством. Перед началом разговора о судьбе поэта и значении его поэтического наследия для сегодняшних читателей председатель правления СП России Валерий Ганичев вручил группе московских литераторов юбилейные медали в честь 65-летия обороны Москвы, после чего началось чтение стихов Николая Рубцова, анализ особенностей его поэтического творчества, размышления о его судьбе и личности, а также исполнение песен на его стихи.

На вечере присутствовали первый секретарь правления Союза писателей России Геннадий Иванов, секретарь правления СП России Сергей Котьяло, главный редактор журнала “Молодая гвардия” Евгений Юшин, а также поэты и прозаики Ямил Мустафин, Полина Рожнова, Марина Ганичева и ряд писателей из Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска и других городов России.

Многогранный талант

В исполкоме Международного сообщества писательских союзов под председательством секретаря исполкома МСПС поэта Максима Замшева прошёл творческий вечер заместителя председателя исполкома МСПС поэта Владимира Бояринова, выпустившего в последнее

время сразу несколько интересных поэтических книжек и сборников переводов, включая такие, как “Красный всадник”, “Русские народные потешки, песенки, прибаутки и небылицы”, “Открываешь ставень райский”, “Загулял казак” и другие. Со словом о товарище и коллеге по творчеству выступили первый секретарь исполкома МСПС Ф. Ф. Кузнецов, руководители Московского городского отделения СП России В. И. Гусев и Московской областной писательской организации Л. К. Котюков, секретарь правления СП России Н. В. Переяслов, а также многочисленные друзья и коллеги поэта, литературные критики и поклонники его творчества, единодушно отмечавшие многообразие и глубину поэтического дарования В. Г. Бояринова и его способность оставаться активно пишущим поэтом даже при невероятной постоянной загруженности организационной работой в МСПС и Московской писательской организации. Подтверждая справедливость сказанных в его адрес слов, поэт читал в ответ свои искрящиеся тёплым юмором и в то же время полные глубоких и серьёзных мыслей стихи, в том числе и написанные им в самое последнее время.

Вечер ингушского классика

Вечер памяти классика ингушской литературы поэта Джемалдина Хамурзаевича Яндиева, приуроченный к 100-летию со дня его рождения, прошёл в конференц-зале Международного сообщества писательских союзов. Вспомнить поэта и сказать своё слово о нём пришли первый секретарь исполкома МСПС Ф. Ф. Кузнецов, заместитель председателя исполкома МСПС В. Г. Бояринов, секретарь правления Союза писателей России Н. В. Переяслов, а также многочисленные земляки поэта, его родственники и переводчики его произведений на русский язык. Высокую дань уважения, любви и памяти национальному поэту отдал прибывший на этот вечер Президент Республики Ингушетия Мурат Магомедович Зязиков, в искренней речи которого нельзя было не услышать нот подлинного уважения к родной культуре и не увидеть глубокого знания поэтического наследия Джемалдина Яндиева. Говоря о судьбе поэта, Президент Ингушетии наглядно показал, что она была неотделима от судьбы родного народа, поэтому и написанные им стихи остаются близкими душе ингушского народа, а личность поэта пользуется безграничной и заслуженной славой. Его поэтическое слово было выше любых человеческих обид и неудовлетворённых амбиций и звало народы к дружбе и единству.

Выступившие на вечере писатели Канта Ибрагимов, Михаил Синельников, Азрет Акбаев, Альберт Оганян и другие участники этого торжественного собрания говорили о том, что прежние поколения писателей не разделяли поэтов на “своих” и “чужих”, на русских, чеченцев, украинцев, казахов, ингушей или якутов, а все были друг для друга просто представителями единой, общей для всех советской литературы, интересными друг другу именно своими самобытными, национально-неповторимыми особенностями творчества.

Говоря о наследии своего великого земляка и предшественника, председатель правления Союза писателей Республики Ингушетия Ваха Хамхоев прочитал посвящённое памяти Джемалдина Яндиева стихотворение

сегодняшнего ингушского поэта Саида Чахкиева, в котором портрет гениального предшественника рисуется такими яркими красками: “Он был красив. Был дерзок и упрям. / Народ учил его своим напевам. / Он, как народ, не тратил слово зря — / оно звучало нежностью и гневом. / Мудрец, он был на юношу похож / и страстным сердцем слушал молодёжь...”.

Высоко отмечая заслуги переводчиков произведений Джемалдина Яндиева на русский язык, Президент Ингушетии Мурат Зязиков присвоил Владимиру Бояринову и Михаилу Синельникову звание заслуженных работников культуры Республики Ингушетия.

Под сенью В. В. Маяковского

В праздник святого апостола Андрея Первозванного в московском музее В. В. Маяковского состоялся творческий вечер талантливого русского поэта, представителя так называемого “поколения 50-летних” — лауреата литературной премии “России верные сыны”, международной Лермонтовской премии, кавалера ордена Преподобного Сергия Радонежского — Андрея Шацкого, приуроченный, помимо его имени, к выходу его поэтической книги “Родные алтари”, изданной приложением к начавшему недавно выходить в Воронеже литературному журналу “Губернский стиль”. Кроме того, работая в должности референта министра культуры РФ А. С. Соколова, Андрей Шацков принимал самое деятельное участие в возрождении прославленного альманаха “День поэзии”, который в 2006 году отметил своё 50-летие. Благодаря его усилиям, а также помощи Ассоциации “Лермонтовское наследие” в лице М. Ю. Лермонтова (полного тёзки и одного из праправнуков великого поэта), журнала “Губернский стиль” в лице Николая Сапелкина и “Литературной газеты” в лице редактировавшего альманах С. М. Мнацаканяна, юбилейный “День поэзии” превратился сегодня из просто идеи — в реальность и, таким образом, творческий вечер поэта стал одновременно ещё и презентацией возрождённого при его участии после длительного перерыва альманаха “День поэзии”.

Со словом о поэте выступили вдова известного писателя П. Л. Проскурина критик Лилиана Рустамовна Проскурина, президент ассоциации “Лермонтовское наследие” М. Ю. Лермонтов, заведующий отделом “Литературной газеты” Сергей Мнацаканян, главный редактор журнала “Молодая гвардия” поэт Евгений Юшин, заместитель главного редактора журнала “Юность” поэт Валерий Дударев и главный редактор журнала “Российский колокол” Максим Замшев. За подвижнический вклад в возрождение альманаха “День поэзии” и всемерную поддержку современной русской литературы секретарь правления Союза писателей России Николай Переяслов вручил Андрею Шацкову Почётную грамоту СП России, а генеральный директор Московской городской организации СП России Владимир Бояринов наградил именинника юбилейной медалью.

На протяжении всего вечера звучали стихи в исполнении самого автора, а также песни на его стихи в замечательном исполнении Стелы Аргату и Юрия Алябова, Владимира Штина и Ирины Негиной, Николая Финогентова и Виктора Попова.

Российско-вьетнамское сотрудничество

Сразу целую группу вьетнамских писателей-переводчиков принял в правлении Союза писателей России глава Иностранной комиссии СПР Олег Митрофанович Бавыкин. Дружеский визит своим российским собратьям по перу нанесли председатель Ассоциации вьетнамских деятелей литературы и искусства в РФ ответственный секретарь журнала "Доан кет" Тъяу Хонг Тьюи (Чан Куи Фук), вице-президент вьетнамской Ассоциации выпускников вузов бывшего Советского Союза, директор Центра Ассоциации вьетнамских переводчиков поэт Хоанг Тьюй Тоан, а также переводчица произведений В. В. Набокова, И. А. Бунина, М. М. Зощенко и других русских классиков Нгуен Тхи Ким Хиен и специалист по русской литературе Чан Биг Хан. В разговоре о жизни Союза писателей Вьетнама, состоянии современной вьетнамской литературы и творческом сотрудничестве российских и вьетнамских писателей принял участие секретарь правления СП России Н. В. Перяеслов.

Хоанг Тьюй Тоан рассказал о делах и жизни вьетнамских писателей, поделился своими мыслями о путях развития вьетнамской и российской литературы, рассказал о проблемах в области перевода произведений русских писателей на вьетнамский язык. В свою очередь Н. В. Перяеслов и О. М. Бавыкин поведали гостям о положении писателей в сегодняшней России, рассказали о литературных новинках последнего времени и высказали свои взгляды на развитие творческих взаимоотношений между писателями двух стран.

В кабинете председателя правления Союза писателей России Валерия Ганичева участники встречи сфотографировались на память перед портретом А. С. Пушкина.

Писатели Армении в СП России

В рамках Года Армении в Российской Федерации по инициативе Общества дружбы и сотрудничества с Арменией в Москве и Ярославле прошли Дни армянской литературы, в которых приняла участие делегация писателей Армении в составе поэта Артёма Арутюняна, прозаика Левона Хечояна, критика Сергея Мурадяна, драматурга Астхик Симонян, прозаика Альберта Оганяна и поэта Глана Онаняна. Посланцы братской Армении побывали в правлении Союза писателей России, исполкоме Международного сообщества писательских союзов и в посольстве Армении. В СП России армянские литераторы встретились со своими русскими собратьями по перу первым секретарём правления СП поэтом Геннадием Ивановым, секретарём правления СП России поэтом, критиком и прозаиком Николаем Переясловым, поэтом, Героем Социалистического Труда Егором Исаевым, членом высшего творческого совета СП России Валентином Осиповым, литературоведом и критиком Николаем Сергованцевым и директором издательства “Голос-Пресс” Петром Алёшкиным, выпустившим благодаря помощи Общества дружбы и сотрудничества с Арменией сборник прозы современных армянских писателей “Зов” в переводах на русский язык. Последний раз подобный сборник издавался 15 лет назад.

У писателей Томска

Московское издательство “Корпорация Сомбра” тиражом десять тысяч экземпляров выпустило книгу “Собачий бог” Сергея Арбенина, под псевдонимом которого скрыт томич Сергей Смирнов. Его книга посвящена борьбе Добра со Злом, Милосердия с Жестокостью. И хотя канва её фантастична, а фон мистичен, многие её персонажи имеют явно томскую “прописку”. Как стало известно, эта книга вошла в десятку самых раскупаемых.

Год от года крепнут творческие связи томских писателей с русскоязычными литераторами Америки. Вот и прошедшей осенью отмечающий своё 30-летие альманах “Встречи” (г. Филадельфия) опубликовал стихи томичей Ольги Комаровой и Александра Цыганкова, а другой филладельфийский альманах — “Побережье” напечатал крупную подборку лирики Александра Казанцева. Его же стихи вышли в русскоязычной газете “Обзор”, издающейся в Чикаго и распространяемой в пяти штатах США.

В зале искусств Томской областной библиотеки им. Пушкина прошёл литературно-музыкальный вечер, посвящённый 70-летию прозаика Валентина Михайловича Решетько, автора романа “Черноводье”, повести “Тяжкий крест” и других произведений. Кроме автора и его друзей-писателей на вечере выступили спикер областной Думы Борис Мальцев, лауреаты международных конкурсов гитарист Алексей Зимаков и альтист Андрей Чудаков, бард Сергей Максимов и другие. Вечер вели Ольга Комарова и Александр Казанцев.

А из Парабельского района дошли вести, что главы из романа “Черноводье”, посвящённого судьбам васюганских спецпереселенцев, инсценированы там двумя народными театрами.

Пресс-служба правления Союза писателей России.

Гюльнар МУКАНОВА,
доцент, кандидат исторических наук

Есиль-нама, или Легенды и быль о «лунной царице» Айганым

Вместо пролога

Исследование роли Айганым Валиевой в социальной истории Северного Казахстана стало возможным в условиях государственной независимости. История правления вдовы хана Уали — сына хана Аблая — представляет интерес как исключительное явление в казахско-российских отношениях того времени, или первой половины XIX века.

Ни один исторический образ в истории Отечества не давался изучению с таким трудом. Сложно было представить, какими нечеловеческими усилиями эта хрупкая женщина, оставшись в одиночку, снедаемая физическими недугами, смогла противостоять натиску нового времени и предвидеть исход в пользу родных и собственного окружения.

Имя её состоит из двух слов “ай” — луна и “ханым” — царица, правительница, словно на роду ей, красавице, было написано править людьми. Когда её готовили к брачному обряду, обратили внимание на редкую россыпь родинок в области ниже сердца у будущей супруги хана, и засвидетельствовали это как особый знак провидения Аллаха.

Дух её, в некотором роде талисман побережья реки Есиль (Ишим), и поныне оберегает край. Он поселился в усадьбе Сырымбет, что у подножия гор Кокшетау. О ней бытуют легенды, но никто не знает истины о ней: слишком много утекло воды в Есиле, ушли в иной мир живые свидетели её деяний и речей. Непросто восстанавливать портрет человека, умевшего глубоко прятать сокровенные чувства и мысли от недоброжелателей, а преданные ей подданные уже ничего не расскажут.

Только теперь, с высот независимости, очевидна глубина мышления и сила личности ханым, благодаря мужеству которой современные историки и краеведы вправе не только упоминать о родовых землях потомков хана Аблая, но и демонстрировать их на карте Сары-Арки. Благодаря её миролюбивой политике, внуки хана Аблая выполнили своё предназначение, заставив восхищённо говорить о себе европейцев.

Супруга хана Уали (Вали), мать знаменитого Шынгыса (Чингиса) и бабушка Чокана Валиханова, труды которого высветили перспективы казахстанской науки задолго до обретения желанной независимости. Айганым, дочь бия Саргалдака, мудрая и сильная, своим женским чутьём и неземной отвагой она, как и другие прекрасные представительницы степного народа, торили путь истины и справедливости, уравновешивая в своих нежных руках весы Судьбы.

Они по праву вошли в историю независимого Казахстана — славные дочери казахского народа, познавшие и радости, и тяготы сложной судьбы, не покладая рук стремившиеся укротить её норы и быть счастливыми

вопреки невзгодам. Быть может, вера Айганым в своё предназначение и счастливое будущее близких, терпение и верность себе помогут в трудную минуту нашей современнице.

Образ неординарной женщины-степнячки XIX столетия, думается, вдохновит не раз мастеров пера и кисти на создание живописных полотен и исторических романов. У нас, живущих в начале XXI века, есть возможность преклонить головы перед величием и трагедией этой несомненно талантливой души.

Образ Айганым-ханым в современной публицистике

До этапа независимости Республики Казахстан упоминания о членах семей степных феодалов были мизерными в исторических трактатах. Айганым в этом смысле не отведено было ни строчки в первом казахстанском издании трудов Чокана Валиханова “Избранное” под редакцией академика А. Х. Маргулана (1952 год). В упомянутом издании название усадьбы ханши — Сырымбет — содержит ошибки. На начало 50-х годов двадцатого столетия тема судеб ханского клана была не востребовавшей, и лишь благодаря научным трудам и переписке Чокана Валиханова с российскими учёными и издателями фрагменты социально-культурной жизни Среднего жуза стали достоянием общественности.

Увы! Слабая изученность личности и жизнедеятельности “львицы” Среднего жуза — Айганым Саргалдаккызы привела к тому, что в ряде публикаций в Интернет-сети её ошибочно именуют даже (!) “бабушкой великого Абая”. Ошибка благополучно “перекочевала” в научные социологические доклады, освещающие роль восточной женщины в социализации и политесе Степи.

Образ Айганым-ханым в живописи. Художественный портрет ханши

В печати встречается рисунок ханши Айганым, изображающий статную обаятельную женщину средних лет с выразительным взглядом и задумчивым лицом Хозяйки. Автор неизвестен (?).

Светлый образ бабушки Чокана Валиханова, направлявшей процесс его обучения и воспитания с самых ранних лет, вдохновляет казахстанских живописцев лишь в последние годы. Причиной “забвения” замечательной темы преемственности и дружбы поколений было то, что мастера кисти и пера опасались освещать тот далёкий период истории Отечества, который назывался “ханско-феодалным”.

В музее-усадьбе Валихановых в Сырымбете Айыртауского района Северо-Казахстанской области выставляется портрет властной, притягивающей взоры посетителей статной женщины со светлой гладкой кожей, большеглазой и по всей вероятности волевой. Она смотрит на что-то или кого-то в сторону и не проходит ощущение, что сейчас она примет решение, встанет и отдаст категоричный приказ. Столько экспрессии в этой зарисовке!

Могут ли быть сомнения в том, что именно так выглядела ханша Айганым? Рождается мысль, что то мог быть образ, воплощённый современным

живописцем, однако по размышлении приходишь к выводу, что не следует умалять роли казахских управительниц-женщин в истории Евразии XIX века — ведь в Западном Казахстане аналогичную просветительскую и дипломатическую по сути деятельность вела подвижница, хорошо образованная для своего времени супруга хана Джангира Фатима, а вместе с Кенесары сражалась за свободу и независимость казахов Сары-Арки его родная сестра Бопай.

Образ Айганым-ханым в фольклоре

Легенды о судьбе и особенностях натуры Айганым отложились в народной памяти и через столетие послужили основой для воссоздания её образа в романе Сабита Муканова “Промелькнувший метеор”. Роман посвящён жизни и деятельности Чокана Валиханова. Писатель, разумеется, использовал метод художественных дополнений в легендарный образ ханши.

В первой части книги (“На холмах Кусмуруна”) описывается история женитьбы хана Вали на прекрасной Айганым. Её словесный портрет великолепен: “До чего ж она была необыкновенной! Высокая, с тонким станом, со светлой кожей цвета яичного белка. Как сияли её большие чёрные глаза в оправе чудесных ресниц, как оттеняли высокий лоб густые чёрные брови! Изящный прямой носик был чуть-чуть приподнят. Когда девушка выпрямлялась, косы, закрывавшие шею и грудь, сливались в одну волнистую шаль, сверкающую живыми чёрными переливами”.

Об отце Айганым Сабит Муканов пишет: “Саргалдак долгие годы учился в Чёрной Бухаре, двенадцать наук изучил он от начала до их вершин. В своём краю у него была слава учёного мужа, не имеющего себе равных. Кем только не был Саргалдак в глазах своих земляков: и духовным лицом — имамом, и единственным лекарем на есильских берегах”.

Женитьба престарелого хана Вали на юной Айганым изменила его образ жизни. Невеста потребовала поселить её подальше от старшей жены хана, вблизи Кокшетау. “Влюблённый хан принял все условия прекрасной юной невесты. После свадебного тоя он, оставив на прежнем месте своих старших жён, переселился к подножию горы Сырымбет, неподалёку от Есиля, как просила Айганым”.

Другая легенда гласит о том, как чтит память мужа ханша после его кончины. “Год после его смерти она не снимала траурных одежд. Год после его смерти — изо дня в день — утром, в полдень и вечером — она собирала девушек и молодых женщин. Далеко по степи разносились горестные голоса, и среди них выделялся сильный, словно рыдающий голос Айганым. Хор исполнял жоктау — обрядовую прощальную песню ушедшему. И люди плакали, присоединяясь к хору.

Когда же исполнился год со дня смерти Вали, Айганым пригласила всех казахов, подчинённых ей, на поминальный той. Тысяча овец и сто лошадей были прирезаны на угощенье. О щедрых поминках слух прошёл по всей бескрайней степи”.

Бабушка и внук, Айганым и Чокан

Сегодня трудно определить с тем, кто впервые проследил символическую связь времён, выразившуюся в тёплой дружбе поколений: властной и влиятельной ханши Айганым и Чоканом, её внуком от сына Чингиса.

Друг ли Чокана Григорий Потанин? Либо академик А. Х. Маргулан, разбиравший фонды архива Ленинградского института востоковедения?

Сам Чокан увековечил имя Айганым и топоним Сырымбет в своих воспоминаниях о детстве и замечательных, удивительно графически чётких, рисунках. Исследовательница научного наследия Ч. Ч. Валиханова, известный учёный-географ Бейсенова утверждает, что «существенный вклад внёс Ч. Валиханов в картографию исследуемых им стран. Будучи неплохим художником, Чокан с малых лет увлекался рисованием красивых мест родного края, осенних и зимних участков своего аула и др. К их числу можно отнести рисунки и чертежи «Горы Сырымбет», «Район осенних стоянок и зимовок казахов на реке Ишим к западу от гор Сырымбет», «План стоянок аулов Кушмурунского округа», «План крепости Кушмурун», «Усадьба Айганым в Сырымбете», «Схема пикетной дороги между Кушмуруном и Уйской крепостью» и другие, выполненные Чоканом в 1852-1853 годах. В те же годы Чокан составил схематическую карту Тургайской степи и Кушмурунского округа».

Талант семнадцатилетнего Чокана-художника отразил выдающиеся задатки пытливого юноши, опекаемого самой Айганым, которая приближалась к порогу седемидесятилетия. Ханша скончалась в 1853 году. Чокан находился рядом с бабушкой в последние для неё дни и месяцы, бродил по окрестностям родового поместья. Рождались образы, карандаш заполнял белые листы бумаги знакомыми с детства очертаниями ландшафта.

Сырымбет! Он был воспет известным акыном, народным композитором Аканом-серэ Корамсаулы (1843 — 1913) в одноимённой песне, которая повествует о любви к уроженке этих мест, девушке Жамал.

Для Чокана Валиханова, судьбу которого предопределило твёрдое решение бабушки, ханши Айганым, видевшей в российском светском образовании шанс обустроить будущее рода, Сырымбет всегда был дорог, по ряду причин. Именно здесь, в Северном Казахстане, будущий учёный, исследователь Центральной Азии, подпитывался мудростью старших, слушал народные мелодии, наблюдал традиции и обряды, приобщался к обычаям Степи.

Здесь, в Сырымбете, Чокан ощущал себя ветвью древа чингизидов, отпрыском ханского рода, наследным султаном.

Однако Чокан пережил свою бабушку всего на 12 лет...

Младшая супруга хана Вали

Современная справочная литература даёт крайне скудную информацию о супруге Айганым — хане Вали (1741 — 1821).

«Уали-хан Среднего жуза (1781-1821), старший сын Аблай-хана от второй жены, каракалпачки Сайман-Ханым. Уали наследовал титул согласно воле отца.

В начале января 1781 года Вали был утверждён в звании хана цинским императором, по сложившейся на тот момент в казахско-китайских отношениях традиции.

23 февраля того же года был утверждён ханом Среднего жуза специальной царской грамотой.

1 ноября провозглашён ханом султанами и биями Среднего жуза.

Имел 14 сыновей от двух жён: от старшей жены — 5, от Айганым — 9 (девять).

После смерти хана Уали ханская власть была официально ликвидирована царской администрацией. В связи с этим в официальной царской историографии Уали называли “последним ханом Среднего жуза”.

Главой клана потомков хана Аблая после смерти супруга стала ханша Айганым. Испытания обрушились на 38-летнюю Айганым. Ханская орда досталась потомкам старшего сына Уали, Губайдуллы, а Сырымбет — детям, родившимся от Айганым. В год смерти отца Чингису было 10 лет.

Губайдулла, искавший контактов с цинской династией, был арестован царскими властями и выслан в Берёзов, где провёл много лет вдали от родных мест. Бразды правления перешли в руки вдовы хана Вали, Айганым.

Традиции веры

Трудно проследить отношение нашей героини к исламской религии уже в силу непредсказуемости её натуры. Женщина, возглавившая край, лишённый прежнего статуса, решительно выбравшая для сына и внуков светский характер обучения, могла быть далека от фанатичного преклонения перед муллами.

Парадокс “В Кокшетауском окружном приказе при ханше Уалиевой (Айганым) имелись два профессиональных религиозных служителя” казахстанский исследователь Е. Валиханов в статье “К вопросу о колонизации Казахстана в XIX веке” объясняет тем, что деятельность татарских мулл в Северном Казахстане в середине XIX века насаждалась царским правительством.

Ханша Айганым, занимая лояльную позицию к власти, разрешила присутствие мулл в усадьбе Сырымбет, содержала мечеть, но не была большой поклонницей культа веры. Верить ей приходилось в свои силы и здравый смысл.

В Сырымбете по просьбе Айганым в 1824 году решением Сибирского комитета был срублен деревянный дом. По высказываниям современников то был “дом помещика средней руки”. В усадьбе, кроме различных хозяйственных построек, находилась маленькая мечеть, а при ней — школа (медресе). Азы арабской графики и чтения внуки ханши постигали непосредственно под её попечительством.

Исследователь К. Абуев в статье “Неизведанный мир Чокана” (“Казахстанская правда”, 2005, ноябрь) утверждает, что “начальное образование Чокан получил в Кушмуруне и Сырымбете, в школе, открытой в усадьбе его бабушки ханши Айганым. Духовный сан собственного отца Саргалдака-кажи, его образованность, безусловно, служили для Айганым-ханым примером внимания к религии, исполнению обрядов ислама.

Не зная достоверно отношения нашей героини к догматам веры, было бы неискренним категорично отнести её к приверженцам или противникам ислама. Человек своего времени, определённого социального круга, Айганым-ханым не отрицала мусульманство как способ самоопределения, прививала уважение к вере своим детям и внукам. (Зная скептическое отношение юного Чокана к “деятельности” некоторых мулл, можно только догадываться, насколько свободолюбивым вырос потомок Аблай-хана под присмотром любимой бабушки Айганым).

Айганым и невестка Зейнеп

Как и ожидалось, материала на тему взаимоотношений свекрови и невестки предельно мало. Чувство такта и уважения к ханскому роду способствовало лапидарности устной молвы о членах семьи ханши. О невестке Зейнеп, супруге Чингиса, которую сосватала Айганым за сына, стали писать не так давно, упоминая о ней, дочери бия Шормана и сестре знаменитых братьев Мусы и Мустафы Шормановых, в контексте истории рода Валихановых.

Большую роль в этом сыграл подвижнический интерес известного казахстанского архитектора, единственного потомка Валихановых, Шоты-Амана Едрисовича Валиханова, который опубликовал часть результатов своих поисков в республиканской печати.

В воспоминаниях Григория Потанина уделяется несколько строк портрету матери Чокана Валиханова, безутешно оплакивавшей раннюю смерть любимого сына.

Ханша и земельный вопрос

Источники, хранящиеся в архивах Российской Федерации и Республики Казахстан, характеризуют ситуацию в крае начала XIX века как скрытую борьбу за земельные площади между усилившимися местными казахскими родами и представителями ханской верхушки. Ослабление, в силу ряда причин, института ханской власти устраивало царское правительство. В результате в Степи после реформ 1822-1824 годов имели место случаи дискредитации соперников в стремлении занять выгодную должность старших султанов.

Айганым-ханым недолго занимала пост старшего султана. Будучи к тому же единственной женщиной, назначенной на такую ответственную должность, “вдова Вали-хана не сумела противостоять росту влияния кокшетауских баев и прежде всего Жилгаре, сыну Каратоки, представляющему ветвь андагул, рода атыгай. Жилгаре и его брату Шопану принадлежали самые обширные угодья по течению Есиля, сотни десятин плодородной земли и прекрасных пастбищ. Об их многочисленных отарах и табунах до сих пор рассказывают были и небылицы” (С. Муканов. “Промелькнувший метеор”. Том 1, часть 1).

В приведённом фрагменте из исторического романа С. Муканова затрагивается тема роста земельных угодий местных баев. Приобретаемые различными способами, участки эти представляли прекрасные возможности для наращивания богатств.

Ханша Айганым, будучи наделена стратегическим мышлением, в действительности активно сопротивлялась давлению местных баев и сохранила влияние в крае. Во многом она достигала желаемого благодаря тактике лавирования и искусно пользовалась благоволением царских чиновников. Номинальное признание аристократического статуса (ханши) не устраивало Айганым, ясно представлявшую шаткость следования прежним традициям.

Земля и скот — основное богатство в Степи, эту формулу Айганым-ханым знала наизусть. В то же время она старательно перенимала опыт земледелия у русских крестьян — тому свидетельством наличие мельницы на территории усадьбы в Сырымбете.

Общественная роль Айганым-ханым

Немного материалов сохранилось для демонстрации социально-политической деятельности Айганым под эгидой российского правления. Совсем недавно в московском журнале “Исторический архив” за 2006 год увидела свет публикация материалов из личного архива М. М. Сперанского, разработчика реформ в Сибири и Северном Казахстане 20-х годов XIX века. Как оказалось, он поначалу воспринял направление в край как временный этап в своей карьере. Но именно Сперанский разглядел в казахской ханше Айганым волевою правительницу, привлёк её к реализации реформы, что оставляет надежду на обнаружение новых свидетельств активной роли вдовы хана Вали в региональной политике.

Усадьба в Сырымбете: ломка стереотипов

Она буквально “болела” этим проектом. Представляла, как возводятся стены, прозрачные стёкла пропускают свет, как тепло зимой в добротном отстроенном доме. И она, ханша, вдова хана Вали, обживаетея с достоинством вопреки завистникам. В усадьбе должно быть всё под рукой: дом, хозяйственные постройки, небольшая мечеть, домик для приёма гостей.

Усадьба стала заметным явлением в Степи, усадьба ханши Айганым, второй супруги последнего хана Среднего жуза Вали, невестки знаменитого Аблай-хана. Она больше известна как любимая бабушка, по выражению Григория Потанина, “последнего киргизского царевича” Чокана Валиханова, который как раз-таки любил бывать в Сырымбете.

В этой усадьбе жили несколько поколений Валихановых, здесь собирались акыны-импровизаторы, частыми были гости из России.

Ханша Айганым таким образом заведомо определила и статус своих подданных. Решившись на закладку деревянного дома и пристроек в Сырымбете, она узаконила оседлый образ жизни кочевников и реальные владения одной из ветвей потомков Аблай-хана. Она действовала согласно велению сердца и времени, во благо своего окружения.

Сырымбет со времени завершения постройки стал центром духовности и передовой культуры в Сары-Арке. Личность ханши Айганым, опередившей время своими прогрессивными взглядами, импонировала деятелям культуры, науки и просвещения России. Сырымбет постепенно становился очагом притяжения народных талантливых певцов и исполнителей, сказителей.

Усадьба Айганым безусловно является образцом удобного, красивого, престижного частного жилья XVIII — начала XX веков.

По проекту, обнаруженному в архивах, планировка ныне воссоздающейся при большой помощи государства в городе Петропавловске резиденции хана Аблая также идентична устройству усадьбы. Тем более что закладывалась она не в черте города, а “вблизи”, т. е. как загородное жильё. В пределах резиденции-усадьбы в своё время имелись деревянные постройки, предназначенные для длительного пользования: дом для гостей, баня и т. д.

Поскольку юный Чокан любил Сырымбет, знакомые с детства места, то его зарисовки Сырымбета сохранились в рукописях молодого учёного и впоследствии стали основой для воссоздания памятника истории в современном варианте. Ныне жители Айыртауского района Северо-Казахстанской области гордятся возможностью принимать гостей в прекрасной

заповедной местности близ озера Саумалколь и показать отреставрированную усадьбу ханши Айганым.

В период национально-освободительного восстания 1837-1847 годов под руководством Кенесары отряд под командованием его сестры Бопай ворвался во владения Айганым и нанёс усадьбе значительный ущерб. Такова была реакция на отчуждение ханши от мятежников.

Столетие спустя, в 30-е годы XX века, по рассказам старожилов, случился большой пожар, и деревянные постройки практически были уничтожены огнём. Однако в 90-е годы, после достижения независимости Республики Казахстан, когда изменилось отношение к историческому культурному наследию, местные власти приняли решение воссоздать усадьбу в прежнем виде в память о выдающемся учёном Чокане Валиханове.

Этимология топонима “Сырымбет”

“Сырымбет” — одновременно название гор, озера и усадьбы.

Секрет названия раскрывается при обращении к источникам. Сырымбет как имя хана встречается в записях казахского фольклора, в частности, у известного русского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, автора “Восточных легенд”, среди которых есть любопытная запись народных казахских текстов о сибирском хане Кучуме и другие раритеты.

Айганым и Кенесары

Тема отношения Айганым-ханым к восстанию под руководством Кенесары до сих пор остаётся слабо изученной. Этому есть ряд субъективных причин: “табу” на тему национально-освободительных движений, наложенное в советский период вкупе с замалчиванием “Кенесариады” вообще в дореволюционной истории Центральной Азии, негативные оценки личности последнего (неофициально) хана казахов и т. д.

Позиция самой Айганым в отношении России и её политики в Казахстане и Средней Азии в официальной исторической версии разнотолков не вызывала. Ханша характеризовалась как лояльный политик местного разряда, подчинившаяся веяниям времени, сыгравшим прогрессивную просветительскую роль в судьбах чингизидов.

Здесь необходимо расставить оценки с позиций более объективных, на основании опыта исследований культуры народов Центральной Азии и Китая, т.е. отойдя от собственно российской интерпретации событий начала и первой половины XIX века в Сары-Арке. Хан Вали (Уали) Аблайханов сознательно, особенно в последний период жизни и правления Средним жузом, отстаивал территориальную целостность казахских земель и, оценив агрессивность намерений царского правительства, тяготел к антагонисту России в Центральной Азии, Цинской империи.

В источниках того периода, составленных на русском языке, фиксируются факты попыток старшего сына хана Вали (от первой жены) Губайдуллы достичь с миссией Пекина в поисках политической поддержки и закрепления легитимности его султанского статуса и претендента на ханство по причине кончины Вали в 1821 году.

Валиханов Губайдулла — наследственный султан Среднего жуза. С 1824 года занимал должность старшего султана в Кокшетауском округе. Владел землями против правого фланга Сибирской линии. С принятием

российской администрацией “Устава о сибирских киргизах” (1822) и последовавшим образованием внешних округов, в том числе и Кокшетауского (29.04.1824), неоднократно выражал устное и письменное неодобрение действий местных властей от имени казахского населения Среднего и Старшего жузов.

Это имело место, в частности, во время первой личной встречи в Петропавловске с генерал-губернатором Западной Сибири П. Капцевичем.

Постепенно Губайдулла становится объектом политических интересов Цинского правительства. Власти Китая с помощью некоторых представителей местной родовой верхушки пытались повлиять на обстановку в сопредельных с Западным Китаем районах казахских кочевий.

Летом 1824 года из китайского города Кульджи к Губайдулле был направлен отряд цинских войск во главе с амбанем (должностное лицо примерно ранга губернатора округа), который должен был содействовать “возведению на ханство Губайдуллы”.

Однако под Баян-аулом (предполагавшееся место встречи) китайский отряд был окружён русскими казаками под командованием сотника Карбышева и препровождён обратно в Синьцзян.

Российский МИД в ответ на донесение властей Западной Сибири о событиях под Баян-аулом рекомендовал “сохранить принятые правила дружественных сношений с Цинской империей”, а султану Губайдулле было предложено указать на “несовместимость настоящего сего поступка с обязанностями российского подданного”.

В 1837 году Губайдулла возглавил делегацию биев и старшин Среднего жуза в Тобольск, где высказал неудовлетворённость созданием округов в казахских кочевьях.

Всё это раздражало российские власти, Губайдулла был выслан в Берёзов (ныне одноимённое село Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области РФ) как политический ссыльный. Ряд современных казахстанских исследователей склонны относить султана Губайдулла, как и султана Касыма, к идейным вдохновителям восстания под руководством Кенесары.

Всё это происходило на глазах Айганым, которая должна была сделать выводы о необходимости согласиться с условиями царской администрации. Не исключено, что дому вдовы хана Вали угрожали, тогда тактика Айганым становится понятной: как мать и бабушка, думая о сохранении рода, она “добровольно” отдаёт сына Чингиса (впоследствии и внука, Чокана) в обучение по-русски, отрывает от родных мест и окружения.

Здесь заключена своего рода семейная и личная драма Айганым, которая вынуждена разлучаться с сыном, опасаться за его воспитание и отдалённость от национальных тюркских корней. К счастью для неё, Чингис впитал как русскую, так и народную степную культуру и выполнял миссию посредника между российской администрацией и казахским населением Среднего жуза с достоинством, авторитетно.

Одновременно этот типичный для истории казахско-российских отношений начала XIX века факт вписывается в систему международных отношений в Центральной Азии, где традиционно институт заложничества (аманатов) в форме временного пребывания в другом государстве на период зыбкого состояния политических отношений (“до наступления мира”) практиковался задолго до прихода в регион русских. Как отмечалось выше,

история казахско-китайских отношений тому свидетельство. У древних тюрков Евразии фиксируются аналогичные традиции политеса. (Кстати, этому посвящена моя статья “Феномен аманатства у тюрков Степи”, опубликованная в № 5 “Нивы” за 2006 г.).

Мудрость Айганым-ханым видится, скорее, не в тактике соглашательства с обстоятельствами, которые временны, а в стратегическом выборе, заключавшемся в сохранении рода чингизидов в лице прямых потомков хана Аблая и хана Вали. В этой принципиальной схеме не находилось места для “мятежного” Кенесары, родственные связи с которым ханше приходилось обрывать и замалчивать саму тему восстания вне близкого преданного окружения.

Как доказательство изложенной интерпретации светского поведения Айганым — размышления, которыми делился Чокан с другом Григорием Потаниным о своём дяде Кенесары. В понимании Чокана, Кенесары — смелый руководитель освободительного восстания, которое следует всерьёз изучать. То есть, в семье Валихановых фигура и судьба Кенесары не были темой сокрытой. К тому же любознательный Чокан обнаруживал отголоски восстания в народном фольклоре.

Загадочная для европейцев Центральная Азия

Роль ханши Айганым в международном политесе региона ясна из исторических источников. Прежде всего, как супруга хана Вали, она была осведомлена более других о непростых взаимоотношениях, складывавшихся между Российской империей и Китаем в начале XIX века. Официальная дореволюционная и советская историография характеризовала казахского правителя Среднего жуза как недостаточно сильного и влиятельного; этим объяснялось решение сибирских властей о ликвидации института ханской власти после смерти Вали-хана.

Однако последние исследования историков позволяют воздать должное решительности и дипломатии последнего хана Среднего жуза. Реально оценив политическую ситуацию, Вали стал проявлять склонность к контактам с Цинской империей, признававшей потомков хана Аблая в качестве легитимных представителей власти в Среднем жузе. Пекинские власти преследовали свои далеко идущие цели, оказывая влияние на расстановку политических сил в Центральной Азии: продвижение России в регион их не устраивало никоим образом. Номинальная поддержка казахских ханов и султанов, в роли противовеса царской администрации, традиционно практиковалась цинскими властями.

Безусловно, позиция Вали была в данном щекотливом вопросе известна Айганым, которая, в отличие от мужа, была более осторожна в позиционировании с Санкт-Петербургом. После смерти супруга Айганым сделала окончательный выбор в пользу северного соседа, боясь вступать в сложную борьбу на два фронта. Женский практический ум велел ей следовать интуиции и избрать шанс, который выпадает раз в столетие: просвещение и экономически сильный союзник, каким ей виделась Россия.

Жребий был брошен, Рубикон перейдён.

Эпилог

Женщина, вдова, мать, лояльно настроенная к российской администрации, Айганым исполнила обязанности регентши на период до наступления совершеннолетия сына Чингиса, что сам по себе факт исключительный в истории Казахстана. Она, ломавшая стереотипы представлений о степнячках, внёсшая много нового в хозяйство края, была незаслуженно забыта историографами как представительница “феодално-ханского” периода.

Сегодня, когда в независимом Казахстане в полный рост возрождается историческая фигура хана Аблая, было бы несправедливым не отдать дань уважения его окружению. Вспоминая известных биев, батыров, членов семьи знаменитого хана, хотелось ликвидировать “белое пятно” и снять завесу замалчивания достойной представительницы клана Аблая.

Оставшись в одиночку перед лицом грандиозных преобразований, грозивших стереть с лица земли род Аблая, она сумела влиять на процессы в силу своих умений и знаний.

Я далека от мысли идеализировать образ Айганым и оправдывать ряд её действий. Такова была логика истории.

Признание статуса ханши российской стороной выразилось в строительстве по её просьбе деревянного дома с пристройками в Сырымбете. Возведённое жильё символизировало дружелюбие царя и принятие под покровительство семьи покойного хана Вали.

Примечательно, что номинальная ликвидация социального института ханской власти в Среднем и Младшем казахских жузах в ходе реформ 1822 и 1824 годов не уничтожила политического влияния представителей ханского дома чингизидов. Подружившись с автором реформ М. Сперанским, ханша, а затем старшая султанша Айганым сумела направить энергетику преобразований в крае на благо будущего Казахстана.

Она принимает стратегическое решение смириться с новыми условиями соправления, бытоустройства, обучения и своей волей подчиняет им своих детей. Чего стоил ей этот шаг, остаётся только догадываться.

В её окружении преобладали мудрейшие бии, среди них Байдалыби. Айганым, дочь бия Саргалдака, с детства впитавшая уважение к традициям, старательно выверяла свои решения, дабы не ошибиться и иметь право смотреть в глаза своим подданным, жизнь которых была доверена ей временем и судьбой.

Во многом благодаря вере в себя и верности поставленной цели, уму, обаянию и личному мужеству Айганым приграничные казахско-русские отношения носили взаимоуважительный характер, в заданных рамках, и с началом восстания под руководством Кенесары (1837-1847). Взаимоотношения Айганым и Касымовых — отдельная тема, к которой ещё обратятся историки.

Медленно, но восстанавливается справедливость в отношении казахских правителей XIX века. Драматизм судеб правителей Вали, Айганым, султанов Касыма, Саржана, Кенесары, Наурызбая, Бопай, Жапара, Сыздыка и других, избравших разные способы сохранения достоинства и чести нации, заставляет нас, потомков, низко склонить головы перед историей многострадального казахского народа.

г. Петропавловск.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
писатель, член-корреспондент
Международной Академии
информатизации

Судьба актрисы

О киноактрисе, графине Мариетте Ростиславовне Капнист много чего написано! В областной библиотеке имени Гоголя мне выудили из Интернета материал о ней, в котором утверждается на полном серьёзе, что она отбывала свой лагерный срок на добыче угля... в Джезказгане. В журнале “Отдохни” в очерке “Вы считаете меня ведьмой?” Капнист упорно называют Марией. И утверждают, что ей в начале 1941 года дали восемь лет исправительно-трудовых лагерей “за антисоветскую пропаганду и агитацию”.

Что сказать по этому поводу? Писателям и журналистам всегда надо придерживаться документов и правды жизни. И, если следовать этим принципам, то окажется, что в Жезказгане никогда не было угольных шахт, а только меднорудные. Что касается имени Капнист, то по всем документам она всё же Мариетта, и ровесники звали её Мари. Наконец, согласно учётной карточке № 262414 на заключённую Мариетту Ростиславовну Капнист, выданную мне в спецархиве управления Комитета правовой статистики и спецучётов по Карагандинской области при Генеральной прокуратуре РК, знаменитая графиня была осуждена не “за антисоветскую пропаганду и агитацию” и не в начале 1941 года, а (цитирую из документа): “6 июня 1942 года особым совещанием НКВД СССР по статье за шпионские связи на срок восемь лет”. Неизвестный летописец Карлага констатирует и такой факт: “начало отбывания срока (с момента ареста. — **Авт.**) 27 августа 1941 года, конец — 27 августа 1949 года”.

Конечно, не публикации в журналах, Интернете, а лагерные документы, которые под грифом “секретно” хранятся в спецархиве, проливают истинный свет на загадочную, трагическую судьбу Капнист. Из этой же учётной карточки я, например, узнал, что будущая кинозвезда родилась в 1914 году в Петрограде, жила в доме родителей на Английской набережной. Её отец граф Ростислав Ростиславович Капнист гордился тем, что он из древнего графского рода. Титул графа его предок, по национальности грек, Стомателло получил ещё в 1702 году за отвагу в боях за независимость островов Греции. Дед Ростислава Ростиславовича Василий Васильевич Капнист был великим украинским поэтом и драматургом.

Граф Р. Р. Капнист придерживался революционных взглядов, он даже помогал большевикам перевозить из-за границы в Россию газеты “Искра”. И всё же соратники-революционеры не пожалели его, бросив в тёмные казематы. В 1921 году графа Капниста расстреляли за аристократическое происхождение, а всю его семью из богатого дома по Английской набережной выбросили на улицу. И были бы все оставшиеся в живых Капнисты бездомными и нищими, если бы Ростислав Ростиславович в своё время не приобрёл на Чёрном море в Крыму недалеко от Феодосии в посёлке Судак дом с мезонином. Именно там, на берегу моря, среди мшистых валунов и развалин Генуэзской крепости проходило детство Мари, очень подвижной и обаятельной девушки. Она была настолько привлекательна в своём голубом сарафане, с огромным белым бантом в золотистых кудрях, что курортники, завидев её, восклицали: “Ассоль идёт!”.

В шестнадцать лет Мари вернулась в город, где родилась, чтобы поступить в театральную студию знаменитого актёра, художественного руководителя театра драмы им. Пушкина Ю. Юрьева. Её приняли сразу, ибо Юрий Михайлович был немало наслышан о семье графа Капниста, которую в своё время посещали многие выдающиеся люди, в том числе Фёдор Шаляпин. Именно его нанимал граф, чтобы знаменитый певец давал маленькой Мари первые уроки вокала.

Юная графиня была по уши влюблена в рано поседевшего Юрия Михайловича Юрьева, он на всю жизнь стал её кумиром. В 1939 году Юрию Михайловичу дали звание народного артиста СССР, ибо он был великим мастером театральной игры, его талант чтит Иосиф Сталин. И до сих пор критики вспоминают Чацкого, Арбенина, Отелло в исполнении Юрьева как вершины творческого перевоплощения актёра.

Но даже такой известный и почитаемый всей страной артист не смог защитить выпускницу своей студии, молодую талантливую актрису от преследований чекистов. А после убийства Кирова в Ленинграде снова вспыхнул красный террор, и всех дворянско-графского происхождения ставили к стенке. Намечали забрать и Мари как дочь врага народа. Но она по совету Юрьева вместе с матерью уезжает в Батуми... Местный провинциальный театр принимает её с объятиями, но не успевает актриса выйти на сцену, как её арестовывают. Из окна Батумской тюрьмы она видит блистающее солнечными бликами бескрайнее море, шумный порт с его скрипучими подъёмными кранами, белоснежными кораблями и баржами, гружёнными лесом, металлом и углём. Как прекрасна жизнь, думает Мари, и постоянно обращается мысленно к Богу: Господи, спаси!

Бог посылает ей жизнь, перечёркивая тени смерти — тени решёток. Её везут в Карлаг — в Караганду, затем она попадает в Карабас, оттуда — в Бурму.

Когда я двадцать лет тому назад — в 1985 году побывал в этом посёлке, то удивился буйной зелени, густым всходам пшеницы, орошению... Кто здесь начинал, кто распахивал первые целинные гектары земли? В парткоме совхоза “Бурминский” мне показали фотоальбом “Они были первыми” — на снимках я увидел комсомольцев-добровольцев 1957-60 годов. О них-то я и рассказал в областной газете “Джезказганская правда”

в большом очерке. И очень удивился, когда получил из Бурмы письмо от бывшего заключённого Виктора Шишкова. Он писал: “Уважаемый корреспондент! Всё, что вы напечатали, правильно. Только ваши комсомольцы-добровольцы не были в бурминской степи первыми. Первыми были заключённые. Согнанные сюда ещё в тридцатых-сороковых годах, именно они совершили тот трудовой подвиг, о котором вы пишете. Жили мы в землянках, которые сами себе выкопали, отогревались у глиняных печей, отапливаемых кизяком... Не счесть, сколько здесь погибло невинно арестованных людей. Но именно они первыми распахали здешние целинные земли, посеяли пшеницу, овёс и рожь, посадили первые деревья и кустарники, чтобы остановить жаркие ветры с песком, дующие из Бетпакдалы, построили МТФ. Среди них были партработники, учёные, строители, даже артисты. Я был занят на лёгкой работе — поваром на кухне, затем диспетчером. И хорошо помню Мариетту Ростиславовну Капнист, артистку, она дружила с вдовой адмирала Колчака — Анной Васильевной Тимирёвой, по происхождению княгиней. Считалась её подругой Тасо Залпетер, супруга известного чекиста Закавказья, который назвал Ежова Василием Блаженным, за что и был замучен в годы “большого террора” в сталинских лагерях... Если вы мне не верите, то поищите в архивах МВД, прокуратуры, КГБ дела на этих политзаключённых — у вас откроются глаза на наше прошлое, каким оно было по правде”.

Более двадцати лет прошло с тех пор, как я получил это письмо. И оно полностью подтвердилось, хотя я сначала отнёсся к нему настороженно. Мне никак не верилось, что Бурма построена на костях заключённых. Постепенно по мере знакомства с материалами из архивов я начал многое понимать по-иному. Да, все названные Шишковым заключённые — первостроители Бурмы. В этом лагункте Тасо Залпетер потеряла зрение из-за тяжёлых работ на полях. И, вернувшись в Грузию, получив реабилитацию, она продолжала проклинать Берию за то, что потопил в крови страну, за то, что семь миллионов узников в 1935-1940 годы погибли только в тюремных стенах.

В Бурме похоронен родственник поэта Булата Окуджавы — Эстатий Иванович Окуджава. Этого высокого, худощавого старика с большими красными руками знали в степи многие. Я рассказал о нём в своей книге “Звёзды ГУЛАГа”. Сейчас только напомним, что он работал в лесхозе в Чечкарском районе Грузии. Ему было уже 63 года, когда его арестовали, доставили в Карлаг тбилисским этапом. Вместе с Мариеттой Капнист, Тасо Залпетер, Анной Васильевной Тимирёвой он как раз и посадил в Бурминской степи первые берёзы и тополя, первую лесополосу.

Недолго пробыла в лагункте Бурма Мариетта Капнист. Вскоре её перевели в самое пекло Карлага — на медные рудники Джезказгана. Шла война, рабочих рук не хватало, почти всех мужчин отправили на фронт.

Она попадает в Степлаг и, как помечено в её лагерной учётной карточке, находится там до 23 сентября 1948 года.

Степлаг — лагерь, созданный по типу германских концлагерей. С высокой колючей проволокой, бдительной охраной с овчарками,

наручниками, номерами на одежде заключённых и соответственно — с нукудышним питанием, в объёме, чтобы сразу заключённому не умереть.

Капнист работала учётчиком на добыче руды как в открытых карьерах, так и на шахтах. Она довольно часто спускалась в подземелье рудников, общалась с горняками-заключёнными. Почти все они болели силикозом или туберкулёзом, сухой кашель сотрясал их лёгкие так сильно, что кровь шла горлом. Чтобы пыль пустой породы не попадала в организм, Капнист всегда носила с собой “синенький скромный платочек”. Перед спуском в шахту она его смачивала водой из графина. Оказавшись под землёй, обвязывала им губы и дышала только через нос. Позже она, криво улыбаясь, говорила журналистам: “Сколько жить буду, не перестану хвалить “синенький скромный платочек”. Воспоминания о нём бойцам помогали на фронте, как поётся в песне. А меня обычный платок спас от силикоза и туберкулёза”.

Заключённые-мужчины называли её в шутку “хозяйкой медной горы”. Увидев Капнист, они говорили: “Опять пришла считать свои каменные богатства. Считай, считай, хозяйка медной горы, руда — не хлеб, её не съешь, не украдёшь, вся в целостности и сохранности дойдёт до потребителя”.

В годы войны почти все заключённые работали до упаду, ибо понимали, как важно было тогда для Победы дать стране как можно больше меди. Капнист поражалась их высокому сознанию и долготерпению. Ведь они могли и не работать так самоотверженно, просто делать вид, что работают, или вообще бойкотировать труд в забоях. Весной 1948 года Капнист заболевает авитаминозом, попадает в медсанчасть, переполненную до отказа заключёнными. Но и там их кормят недоброкачественной рыбой и мясом, о фруктах, овощах можно было только мечтать!

Повторяю: в учётной карточке № 262414 Мариетты Ростиславовны Капнист сделана пометка: “Убыла из Степлага 23 ноября 1948 года”. Куда? Её опять направили в лагерный пункт Карабас. Врачи констатировали: кроме авитаминоза, истощение нервной системы, рекомендовали для Капнист более лёгкий труд. И вот она опять в Карабасе — попадает в швейный цех. До освобождения оставалось менее года, и Мариетта твердила себе: “Выдержать, выдержать, чего бы это ни стоило!”.

Помогают ей выстоять и письма, посылки её любимого, московского инженера Георгия Евгеньевича Холодовского, которому она хранит долгую верность. Когда начальник лагпункта положил на неё глаз, она проявила непокорность. Битых три часа держал чекист её у себя в кабинете, домогаясь близости, оставив с десяток синяков на руках и шее... Но ничего у него не получилось. Казалось, уже Мари выдохлась, вот-вот упадёт на диван в бессилии. И вдруг служака получает страшный удар в пах. Потом ещё и ещё. Это его била ногой ожившая от ненависти Мари. И он закричал, топя ногами: “Это тебе, дрянь, не пройдёт бесследно!”.

Позже, когда Капнист расскажет об этом эпизоде певице Лидии Андреевне Руслановой, та её обнимет и расцелует за мужество.

Однако дорого обошлось это мужество Мариетте Капнист. Её отправляют в Сибирь. Близ Тайшета Мариетту определяют на лесоповал. Однажды в лагере произошёл пожар, деревянный барак охватило пламенем,

и бедная графиня могла бы погибнуть, если бы не заключённый Владимир Сысоев. Окатив себя ледяной водой, он ворвался в барак через горющие двери и вынес на руках упавшую в обморок женщину.

Они стали встречаться. Сысоев мечтал стать писателем, и читал ей стихи о любви, природе, как бы завораживал и очаровывал её Поэзией, которую она почитала пуще всего.

*О, эти трепетные звуки,
Очаровали вы меня!
Твои глаза, улыбка, руки —
Как много в них Любви огня!*

Она никогда не думала, что такой красивой может быть тайга! Листья — оранжевые, жёлтые, розовые, зелёные — разноцветными волнами переливались на поляне. У подножия небольшой сопки бежал ручей, то лихо журча, то напевая грустную мелодию об ушедшем лете и предстоящей зиме, то захлёбываясь от радости, что жив, бодр и весел. Невесть откуда примчалась белка и полосатой стрелой пролетела вдоль ручья к соснам, горделиво кивающим верхушками зелени людям.

“Как хорошо здесь! — сказал Володя и подтолкнул её к золотому вороху листьев. — Садись...”.

Почему-то у неё задрожали ноги и руки, когда она опустилась на тёплую землю.

Счастливая, вся в листьях, Мариетта обхватила его кудрявую голову, положив её на грудь, а сама смотрела в бездонное холодное синее небо Сибири. Как далеко от Москвы, в дебрях глухой тайги на поляне, сплошь покрытой листьями, она впервые испытала это драгоценное чувство любви во плоти!

Да, она забыла в тот день о Георгии, который высылал ей из Москвы посылку за посылкой, письмо за письмом. Она забыла о себе, только бы отблагодарить этого отважного человека за спасение от гибели во всепожирающем огне барака. В конце концов она родила девочку и назвала её Радой. Такое имя дала ребёнку, чтобы и самой, и ей радоваться жизни.

У неё, конечно, после реабилитации в 1958 году будет немало радостных дней. Но она никогда в жизни больше не встретит Володю Сысоева, погибшего на лесоповале под упавшей на него сосной. Да и с Георгием она, встретившись в Москве, не сойдётся, ибо так устроена жизнь — отцветают сады, отцветает ранняя любовь, сколько ни старайся её продлить.

И совсем другая любовь повела Мариетту по жизни — любовь к театру, киноискусству. Она решила жить в Киеве, ибо считала себя по материнской линии украинкой. Её мать Анастасия Дмитриевна Байрак была правнучкой знаменитого вожака запорожских казаков Ивана Серко. И потому Мариетта в титрах фильмов указывала всегда двойную фамилию: Капнист-Серко. Именно под этой фамилией она обозначила себя как киноактрису в фильме режиссёра Александра Лукича Птушко “Руслан и Людмила”, где сыграла роль ведьмы Наины.

Народный артист СССР, режиссёр А. Л. Птушко был высокого мнения о способностях Мариетты Ростиславовны. “Если бы не годы,

потерянные на каторжных работах, — говорил Александр Лукич, — она давно стала бы великой актрисой”.

Кинофильм “Руслан и Людмила” завоевал большую зрительскую аудиторию. Я помню, что эта картина произвела на меня огромное впечатление яркими постановочными эффектами, зрелищностью, фантастикой. Я как бы побывал во дворце Черномора, стал свидетелем сражения Руслана с Головой Великана. Фильм славил русских богатырей, защитников Родины, воспитывал красоту и верность любви. Капнист-Серко снялась в этой картине в одной труппе со знаменитыми актёрами, такими, как В. Козинец, Н. Петрова, В. Фёдоров, А. Абрикосов... Она играла не хуже, а порой даже лучше других.

И не заметила Капнист, как пролетали её творческие годы, в заботах о съёмках в фильмах “Шанс”, “Олеся”, “Бронзовая птица”, “Старая крепость”, “Ведьма”, “Дикая охота короля Стаха”... Спокойная благодать всё чаще охватывала её в последние годы, она уже, как прежде, никуда не спешила, не торопилась, но никогда не отказывалась сниматься в фильмах. Даже присвоение ей звания заслуженной артистки Украины она восприняла без больших волнений и эмоций. Она любила напевать: “Ямщик, не гони лошадей”.

И часто, довольно часто к ней приходили воспоминания о прошлом. И среди всяческих снов она особенно радовалась видеть себя на поляне, покрытой осенними листьями Сибири рядом с молодым, красивым Сысоевым, читающим стихи...

Может быть, поэтому она любила и в семидесятилетнем возрасте собирать падающие с деревьев листья. И однажды, выйдя из Дома кино, она долго собирала в парке букет осенних листьев. Померкло солнце, и быстро стало темнеть на улицах. Она не заметила, как из-за поворота выскочила легковая автомашина. А может, и не хотела замечать? Букет вылетел из её рук, и жёлтые листья упали на её безжизненное тело...

“Какая страшная смерть! — тихо произнёс актёр Владимир Фёдоров, когда узнал о гибели Мариетты Капнист. — Какая горькая судьба у этой прекрасной женщины...”.

г. Караганда.

Сергей ХАРИТОНЕНКО

Картины, наполненные светом

Василий Павлович ВОРОХОВ родился в г. Кокчетаве 16 марта 1949 года. В 1969 году окончил Пензенское художественное училище им. К. А. Савицкого. Творчество Василия Ворохова многогранно — это живопись, графика и плакат, монументальное и декоративное искусство, дизайн и художественное оформление. Художник — участник более 80 международных, республиканских, зональных и областных выставок и конкурсов.

Картины Василия Ворохова находятся в коллекциях музеев г. Уокешо (США), космодрома Байконур, подарены нескольким музеям Акмолинской области. Акварели, пейзажи, графические работы художника есть и в частных коллекциях Казахстана, России, Украины, Польши, Азербайджана, Германии, Канады, Турции, Франции, Китая.

Начиная с 1988 года, Василий Ворохов организовал и провёл семь персональных выставок своих работ в городе Кокшетау. Одна из них под названием “Пейзажи родного края” состоялась в Акмолинской областной библиотеке им. М. Жумабаева.

Открытие вернисажа и осмотр выставки сопровождались монологом самого художника.

— Почему в этом году меня понесло на природу? — задаётся вопросом Василий Ворохов и сам же отвечает: — Дышать стало нечем в городе. Вот и потянуло, тем более я шестиклассником объездил на велосипеде окрестности Кокчетавы. Вновь обошёл все эти места и обомлел! Как в Библии: “И увидел я другое небо и другую землю”. Но землю лучше бы не видел, — невесело усмехнулся художник. В детстве он собирал здесь грибы и ягоды. Сейчас грибов-ягод не видно, сплошняком — бутылки, окурки, обрывки пластиковых пакетов, мусор. Грустно.

До сих пор он предпочитал работать темперой, а тематику выдерживал исполненную символизма, философии, начиная от распятия Христа и заканчивая размышлениями о том, кто мы, откуда, и куда нас тянет с неудержимой силой. Художник “всеяден”, его выставки всегда обозначались просто: “Василий Ворохов. Живопись, графика, плакат”. Это основное, чем он всю жизнь занимался.

В пейзажи Василий Ворохов “ударился”, чтобы почувствовать цвет. А причина тоже весьма необычна. Он стал читать журнал “Юный художник”,

причём начиная с 2005 года и возвращаясь назад. А когда дошёл до 1999 года, то наткнулся на собственную работу. Её художник использовал как открывающую этот вернисаж.

А вообще он хотел просто “почистить глаз”. Не придумано для этого ничего лучше пленэра или выхода на этюды.

Вот молодые берёзки напротив станции юных туристов. Кобальт синий, кобальт голубой — чистые цвета, говорят, что в природе их нет, а вот поди ж ты, легли на этюд — и оказались на своём месте. А вот бархатная речка — оказывается, это была на самом деле просто лужа. Но у неё был такой цвет! Он напоминал детскую сказку о жабе, которая ходила в камзоле. Через три дня лужа высохла и потеряла своё мимолётное очарование. Оно осталось лишь на этюде.

Жёлтые, розовые георгины. Хороший, можно сказать, громадный, куст вырос на даче у художника. А на картине — словно кусок волшебного сада из другой детской сказки.

Вот бабье лето, а вон — девушка в обрамлении цветов и трав. Природа — она ведь действительно как женщина.

А вот синие отвалы, видите? Красиво, а ведь до сих пор “фонят” радиацией. Тут кстати придётся замечание: работы, небольшие по формату и смелые по мазку кисти, стирают всё то, что “человек безумный” творит с Природой. И ржавый остов баркаса на берегу озера Коба превращается в загадочное нечто, выглянувшее из воды, а дымящие трубы котельных становятся продолжением стаи облаков.

Незамысловат, казалось бы, взгляд художника на пейзаж, но во многих работах чувствуется определённый философский подтекст: что ждёт тебя, край родной? Ворохов, открывая нам глаза на мир природы, не даёт названий своим картинам, объясняя это так: “Если художник сумел выразить то, что переживал и переживает, то надо ли как-то это называть? Пусть тот, кто смотрит, думает сам”.

— Хорошая рамка для картины играет важную роль, — говорит художник. Он считает, что женщина без одежды выглядит великолепно! А вот какой бы прекрасной ни была картина, без рамки она всё-таки многое теряет. Начинаешь голову ломать, ну как же её одеть, и понимаешь, что это действительно очень серьёзная проблема.

— Что художник чувствует, глядя вслед посетителям, покидающим его выставку? Надеется, что всё-таки кого-то из них “зацепило”, — говорит Василий Ворохов.

А книгу отзывов он читать не любит. Хотя иногда в неё заглядывает. Было дело, одна женщина так расчувствовалась, глядя на его работы, что на двух страницах выплеснула свои воспоминания о том, как жила её семья здесь, тогда ещё в Кокчетаве, чьи виды открываются на этюдах художника. Значит, не зря всё это.

— Спасибо за свет, — сказал я, покидая выставку.

Художник взглянул на погашенные люминесцентные трубки под толчком.

— Нет. За свет, исходящий от ваших работ.

г. Кокшетау.

Новое имя

Любовь ЛИХОГРАЙ

“Зови меня бабушкой...”

— А Максимка за хлебом побежал, кинулись, а хлебница пустая. Вы с ним не столкнулись? — Зоя Дмитриевна смотрела, как обычно, поверх своих больших очков. Её тёмные волосы с проседью у корней аккуратно были уложены под “каре”, только крутой изгиб чёлки слегка упирался в глаза. — Ну, проходите. Как доехали?

— Спасибо, мама. Хорошо. А ты почти не изменилась, — Оксана, справившись с волнением, огляделась вокруг. В сердце защемило, но она улыбнулась и обняла маленькую худенькую девочку, смиренно стоящую рядом с ней:

— Ну, доча, доставай подарки.

Зоя Дмитриевна подняла тяжёлый взгляд и глухо проговорила:

— Да какие подарки? Зачем? У вас и так с переездом, поди, много затрат?

Катя копошилась в сумке и доставала маленькие пакеты.

— Переезд у нас лёгкий, потому что и перевозить-то нечего, правда, Катюш? — Оксана выдавила улыбку и слегка подмигнула дочери.

— Зоя Дмитриевна, это вам, наша художественная школа разрисовывала, — Катя робко положила на стол несколько ярких разделочных досочек.

— Ой, спасибо, какие красивые, — что-то на миг блеснуло в глазах Зои Дмитриевны, но тут же погасло, и снова её взгляд приобрёл мутноватый оттенок.

— А вот твоя любимая “Премьера”, — Оксана достала тяжёлый кулёк конфет, — моя знакомая с кондитерской фабрики самые свежие набрала.

— Спасибо, — сухо проговорила Зоя Дмитриевна. Она повернулась к плите и что-то помешивала в кастрюльке, — ну, идите мойтесь, да за стол.

— Как в школе? Не устала от педагогической деятельности? — Оксана смотрела на слегка сутулую спину матери. Как давно она её крепко не обнимала!

Любовь ЛИХОГРАЙ

родилась 28 марта 1981 года в г. Талды-Кургане. В 1998 году закончила среднюю школу в г. Лисаковске, а в 2002 году — институт экономики и управления при Костанайском государственном университете им. А. Байтурсынова. Но любовь к литературному творчеству никогда не оставляла её и проявилась в феврале 2006 года в серии рассказов, два из которых “Нива”, где автор выступает с дебютом, предлагает вниманию читателей,

Живёт и работает в Астане.

— Да ничего. Всё по-старому. Мне уж немного осталось. Молодые учителя пришли, все с новыми идеями. А мы, несколько старушек, так ещё по-советскому, по-привычному и учим детей.

Входная дверь скрипнула, щёлкнул замок, и на пороге появился высокий мускулистый парень с озорной улыбкой.

— Ксанка, привет! — Максим подбежал к сестре и крепко её обнял. Оксана еле сдерживала слёзы, ей почему-то не хотелось плакать при матери.

— Максик, ты всё растёшь. Вон какой высокий, а в детстве все переживали, что будешь коротышкой. Какой же ты у меня красавчик! — Оксана обхватила ладонями лицо брата, всматривалась в его весёлые глаза, будто искала в них прошлую частичку себя.

А Зоя Дмитриевна продолжала постукивать ложкой в кастрюльке.

Когда всё было готово к столу, молча сели. За обедом Максим увлечённо рассказывал об учёбе в институте на отделении программирования и вычислительной техники. После первого курса у него столько было впечатлений! Зоя Дмитриевна равнодушно смотрела в окно. Стояли тёплые солнечные дни конца августа. И Зое Дмитриевне казалось, что это лето уносит с собой что-то важное, дорогое...

— А когда ваши вещи привезут? Надо успеть подготовить твою комнату, там столько хлама накопилось, — Максим был уже весь в планах по обустройству комнаты сестры.

Зоя Дмитриевна как-то неестественно дёрнула плечом и не отрывала взгляда от окна. Оксана немного помолчала, надеясь, что мама скажет сама, но, видя её безучастность, тихо проговорила:

— Максик, но мы не здесь будем жить. Лена уже устроила нас в мало-семейке возле театра.

Максим непонимающе смотрел на сестру, он и предположить не мог, что она не будет жить с ними. Потом взглянул вопрошающе на мать, но она даже не повернула голову в его сторону.

— Mam, почему Оксана не может жить с нами? — в голосе его чувствовались гневные нотки, которые он старался сдерживать.

— Максик, я так сама решила, так будет лучше. Да и мне там ближе от работы. И школа совсем рядом. Так будет лучше, — Оксана улыбнулась и взяла за руку брата. Казалось, совсем недавно она водила его в детский садик, гонялась по двору, чтобы затащить домой и заставить делать уроки, а теперь он пытается решить взрослые проблемы.

— Поставлю чайник на плиту, — как будто самой себе сказала Зоя Дмитриевна. Она тихо встала и бесшумно ушла на кухню.

Катя начала зевать и опускать тяжёлые веки. После долгой дороги она сильно устала.

— Что, зайчик, спать хочешь? Ну иди приляг, отдохни, — Оксана поцеловала дочь в рыжие кудряшки и обняла тоненькие плечики, — Максик, уложишь её на свою кровать?

Максим взял Катю за руку и отвёл в свою комнату. Вскоре оттуда донёсся его низкий голос, он рассказывал девочке о своей коллекции деревянных солдатиков. Оксана, собрав посуду со стола, принесла её в кухню и медленно открыла кран с водой, она так же всё тихо делала, как и Зоя Дмитриевна. Они вообще были очень похожи и внешне, и привычками, но мнения их часто не совпадали. Два разных поколения? Воспитание? Или наши убеждения рождаются с нами и с нами же умирают?

... Пять лет назад, когда Оксана только закончила институт, был ещё жив отчим. Он относился хорошо и к Максимке, и к ней, но папой Оксана так и не смогла его назвать. Может, потому, что, когда отчим напивался, он поднимал руку на маму. Это, конечно, было не часто, но все такие вечера Оксана помнила очень хорошо. Пять лет назад всё и началось. А может, это началось ещё раньше, просто был поставлен жирный знак препинания в сложившейся ситуации. Оксана знала, что мама безумна влюблена в дядю Лёшу, а может, это была совсем не любовь? И когда он, придя в себя и отрезвев, замаливал грехи подарками и извинениями, Оксана смотрела обычно на маму и видела, что та даже не умела злиться на него.

В тот октябрьский день ветер разгулялся не на шутку. С окон облетала старая ржавчина, кружась с листьями в холодном потоке, подражая листопаду. Дождя ещё не было, но чувствовалось, что чёрные тучи устали от наполняющей их тяжести и вот-вот расхохочутся в истерическом смехе, выжимая из себя всё до последней капли.

Было около девяти вечера, Максим задерживался в школе на репетиции. Он был гитаристом в музыкальной группе "КаНаДа", а на днях предстояло выступление, и он возвращался поздно. Зоя Дмитриевна не успокаивалась, пока сын не переступал порог. В этот день она, как обычно, нервно листала тетради учеников. Но Оксане показалось, что мать больше обеспокоена тем, что ещё не вернулся дядя Лёша. Оксана только устроилась на работу в ателье дизайнером. Она готовила эскиз свадебного платья для одной клиентки. На стене мирно тикали часы, подчёркивая тишину, царившую в квартире. Вдруг раздался нервный долгий звонок в дверь. Оксана услышала, как мама уронила несколько книг, вставая из-за стола, быстро прошла мимо её комнаты и резко открыла дверь. В коридоре послышалась пьяная брань дяди Лёши. Он снова начал жаловаться на жизнь, что его никто не любит и не уважает. Зоя Дмитриевна, как обычно, стала его успокаивать, но это ещё больше раздражало отчима. И вот Оксана услышала, как он избивает мать. Она выбежала из спальни, в нос ударил резкий запах перегара. Мама лежала на полу возле зеркала, а пьяный озверевший мужчина пинал её, нанося удары по телу. При каждом ударе зеркало сотрясалось, словно хохотало и подраживало на новые. Оксану затрясло от обиды и страха, ей захотелось убежать и спрятаться подальше, лишь бы не видеть эту ужасную картину. Но она на ходу выхватила из кладовой деревянную швабру и со всего размаху ударила отчима по спине. Он вскрикнул от боли и кинул на неё злобный взгляд. Она выдержала его и, задыхаясь от ненависти, крикнула:

— Немедленно убирайся, вон из нашего дома! — и, размахивая шваброй, решительно шла на него. Теперь её покинули и страх, и обиды, всё забылось, были только эти минуты, которые решали всё.

Отчим рванулся вперёд, но швабра угрожающе просвистела прямо перед его опухшим и безумным лицом. Он отпрянул к двери, нащупал ручку и быстро дёрнул её на себя. Как только он скрылся, Оксана закрыла дверь, подняла рыдающую мать и уложила её на кровать. По всему телу избитой женщины выступили синяки и кровоподтёки, она что-то крепко сжимала в руке. Оксана медленно разжала пальцы матери, и на пол упал ключок от мужской рубашки.

Максима ещё не было, что только радовало сестру, хорошо, он не видел всего этого ужаса. Она позвонила в милицию и рассказала о случившемся.

Грубый женский голос из телефонной трубки ответил, что они могут завтра прийти для снятия побоев, дачи показаний и составить заявление об избиении. Оксана просила, чтобы отчима задержали. Ей объяснили, что свободных людей нет, чтобы разбираться с каждой бытовой проблемой. Если он вернётся, пусть позвонят, тогда милиционеры приедут.

В висках бешено kloкотало и тяжестью давило на глаза. Всё ещё слышались всхлипывания матери в спальне. Оксана заварила свежий чай с мятой, вздрогнула, когда раздался звонок в дверь. Это был Максим, она облегчённо вздохнула. В эту ночь никто долго не мог уснуть. Выпал первый снег, мягкий свет от белых пушистых снежинок озарил всё вокруг. Но он не смог успокоить возбуждённый мозг, разболевшееся сердце Оксаны, потрясённой от увиденной жестокости.

Утром Оксана проснулась от телефонного звонка, как-то по-особенному громкого. Она полусонно буркнула в трубку:

— Алло, я слушаю.

— Это квартира Алексея Васильевича Бурина? — не дождавшись ответа, голос в трубке продолжал, — сегодня в 4.35 произошло ДТП возле Западного кольца, в результате которого Алексей Васильевич погиб. Примите соболезнования...

У Оксаны сердце учащённо забилося, она машинально что-то отвечала, а сознание выдавало: "Неужели его больше нет?". Девушка и не знала, радоваться ей или плакать. Всё смешалось в голове. Вчера она сама готова была его убить, а сегодня почему-то всё сжалось внутри, и слёзы подступили к глазам. Как об этом сказать матери? Она чувствовала, что случившееся несчастье окончательно разорвёт нити, связывающие их семейный очаг. Так оно и вышло. Зоя Дмитриевна почти полгода не могла отойти от такого удара. Иногда она сутками лежала на кровати и плакала. И за эти полгода мать совсем разругалась с дочерью.

"Зачем ты его выгнала? Ты же видела, что он совсем пьяный. Конечно, не понимая, он сел за руль и понёсся сломя голову. Зачем? Зачем ты его выгнала?" — Оксана часто слышала эти слова. Но в глаза ей мать никогда их не говорила. Она произносила это шёпотом, но так отчётливо, что было хорошо слышно всем. Оксана терпела, думала, пройдёт со временем. Но когда Зоя Дмитриевна стала понемногу возвращаться к обычной жизни, не проходило и дня, чтобы она не поругалась с дочерью. Она находила повод, чтобы наругать ей. И Оксана понимала, что причина её злости кроется только в одном. Больше всех переживал Максим. Он метался от матери к сестре, не зная, как вернуть их прежние отношения.

Но за эти полгода случилось ещё одно несчастье. Умерла Вика — лучшая подруга Оксаны. Болезнь съела её за считанные месяцы. Вика жила с четырёхлетней дочерью Катей. Она рано потеряла родителей, и её воспитала бабушка, которая уже покинула этот мир. Отец Кати жил в Европе с новой семьёй. Вика сама после развода прекратила с ним всяческие отношения. И вот маленькая Катя осталась совсем одна. Конечно, Оксана взяла девочку к себе, надеясь, что Денис, отец малышки, заберёт её со временем. Но после разговора с ним Оксане стало ясно, что он был только формально отцом девочки, а Кате нужна настоящая поддержка и любовь. Денис даже не возражал на её предложение удочерить девочку. Это совершенно испортило отношения между Оксаной и Зоей Дмитриевной, которая почему-то наотрез отказывалась принимать Катю в своём доме.

— Сколько хороших парней за тобой ходили, а ты носом воротила, всё тебе не эдак да не так. Что тебе нужно? Воспитывать чужого ребёнка? С ним ты теперь уж точно никому не будешь нужна. Хочешь, как я, остаться без мужской поддержки? После развода с твоим отцом я пять лет прожила одна с вами, пока не встретила Лёшу. А сейчас мне ещё тяжелее. Мне всего сорок семь лет, но я чувствую себя не нужной, как женщина. Это страшно. В доме должен быть настоящий мужчина, — она трясла большими пальцами и жадно хватала воздух.

— Уж лучше я буду одна с Катей, чем с таким как дядя Лёша, — вырвалось у Оксаны.

Зоя Дмитриевна побелела и с нервной дрожью в голосе произнесла:

— Не смей так о нём говорить. Он воспитал тебя. Он был хорошим мужем и отцом.

— Да, мне лично он ничего плохого не сделал. Но видеть, как он избивает мою мать, это как называется? Морально мы с Максиком и так уже пострадали. Разве ты не понимаешь, что это была нездоровая обстановка. Почему ты так привязана к нему? Почему ты винишь меня? Неужели твоя родная дочь тебе менее дорога, чем тот, который тебя бил? — Оксана разрыдалась.

Максим гулял с Катей во дворе, и они не слышали этой надрывающей сцены.

— Я не виню тебя, неправда, — Зоя Дмитриевна резко бросала слова, но по её глазам Оксана видела, что она сама в это не верит.

— Почему ты не любишь меня, мама? Почему? — Оксана вцепилась в ручку кресла и трясла её, желая уменьшить боль в груди, в висках, в сердце. — Ты готова отдать меня за этого глупого соседа по даче Игоря, за гуляку одноклассника Вадика, за своего самодовольного коллегу Павлика, неужели ты не понимаешь, что с ними я не буду счастлива, я сама решу, с кем мне прожить свою жизнь, это только моё дело.

— Ты не заметишь, как пролетит время. А рядом никого не будет, — Зоя Дмитриевна всё так же трясла головой и сжимала руки.

— У меня есть родные, друзья, у меня есть Катя, — почти шёпотом проговорила Оксана.

А за окном правила весна. Солнце било в окна и растворялось по комнате, но оно не могло пробиться в сердца двух женщин, которые были измотаны долгими страданиями. Каждая считала себя правой. Но каждая и была права, только по-своему.

... Оксана с Катей жили уже в другом городе, на другом конце страны, за тысячи километров от матери и брата. Но так было легче морально. Почти два года Оксана совсем не общалась с мамой, только переписывалась и созванивалась с Максиком. А когда приехала по делам на пару дней, встреча с матерью была не враждебной, но и не особо дружелюбной.

Вдали от родных ей было тяжело одной с дочерью, и однажды Оксана поверила, что встретила человека, который понимает и ценит её, и подумывала уже о свадьбе. Но как часто мы обманываемся, пытаемся идеализировать людей. Наверное, к счастью, будто лёгкая пелена спала, и глазам открылась совсем иная картина. Девушка сильно переживала, это и послужило поводом к мыслям о возвращении в свой родной городок. А тут и на предприятии, где трудилась Оксана, началось сокращение штатов. После этого она чаще, чем раньше, вертела в руках маленькую розовую

коробочку. И вот, наконец, окончательно решила на переезд. Тем более что в ателье, где она работала после института, её ждали.

... Оксана погрузила руки в воду, и белые кудряшки пены скрыли на них тоненькие морщинки.

— Что-то девочка больно тощая? Вы что, плохо питались? — вдруг спросила Зоя Дмитриевна.

— Нет, просто у неё такая конституция. Ты же помнишь, какой была Вика, — тихо проговорила Оксана.

— А ты совсем расползлась. Учти, у тебя хорошая расположенность к полноте. Будешь, как отец, колобочек на ножках? — Зоя Дмитриевна аккуратно насыпала чай в заварник.

Оксана улыbnулась. Действительно, по её воспоминаниям, родной отец был тучным человеком.

— Да, я сама знаю. Последнее время много ела по ночам. Такой голод нападал, что не могла уснуть. Пока не наедалась, не успокаивалась.

— Нервы, — совсем тихо произнесла Зоя Дмитриевна.

— Я уже купила абонемент в тренажёрный зал, — продолжала Оксана, как будто совсем не слышала мать.

Почти весь сентябрь стоял солнечный и тёплый. Часто ездили на дачу, в лес за грибами. Но Зоя Дмитриевна редко поддерживала компанию, ссылаясь на новую учебную программу, она сидела допоздна за методическими книгами. Оксана стала спать спокойнее, её уже не мучили по ночам приступы голода. Она вставала рано утром, выходила на маленький узенький балкончик и не могла надышаться воздухом родного города. На душе у девушки становилось легко и спокойно.

Как-то в обед Зоя Дмитриевна позвонила на работу Оксане:

— Приходите сегодня вечером. Я напекла твои любимые пирожки с сюрпризом.

— Маленькие, начинённые клубникой? — улыбаясь, уточнила Оксана. В семье их называли “пирожки с сюрпризом” потому ещё, что, когда Максим был маленький, мама как-то напекла любимые Оксанины пирожки с клубникой, братишка надкусил один, и крупная ягодка упала на его штанишки, он громко воскликнул: “Ничего себе какой пилазок с сьуплизом!”

Сразу обрушились воспоминания: дом, наполненный смехом и ароматами готовившегося ужина, школьная жизнь, занятия музыкой, студенческие будни и вечеринки до утра. Всё это маленькими кусочками вырывалось из её прошлого и мелькало красочными картинками. Лица, обрывки разговоров, удачные шутки, смешные истории...

Как только вошли в квартиру, Оксану обдало знакомым запахом. Но почему-то на сердце стало тревожно. Она снимала с Кати курточку и взглянула в большое зеркало. То самое зеркало в прихожей, которое несколько лет назад смеялось и дразнило. Сразу возник образ отчима, но Оксана постаралась тут же его отогнать.

Пирожки были аппетитными, как всегда: таяли во рту, и ароматная клубника рассыпалась на мелкие зёрнышки.

— Знаешь, Оксана, у нас в этом году появился новый учитель химии — Анатолий Александрович. Очень милый человек. Он вдовец. У него маленькая дочка. Такой внимательный, скромный. Он должен скоро прийти, — Зоя Дмитриевна говорила это спокойно, как будто рассказывала урок перед учениками.

— Мам, давай не будем начинать всё сначала, — чуть помолчав, сказала Оксана.

— По-моему, сама ты никогда не решишь эту проблему, — Зоя Дмитриевна медленно помешивала ложечкой светло-коричневый чай в чашечке.

— Какую проблему? Это для тебя существует такая проблема. Может, лучше тебе выйти замуж? — Оксана уже нервно сжимала кулаки. — Ты для этого меня позвала, чтобы в очередной раз кого-то мне сватать? Неужели мы не можем общаться, не касаясь этой темы?

— Тебе двадцать шесть лет, — как-то более уверенно произнесла Зоя Дмитриевна.

Оксана хотела что-то возразить, но в дверь позвонили. Этот звонок ввел её в какое-то оцепенение, и она не знала, что делать.

— Это, наверное, Анатолий Александрович. Я попросила занести мне якобы нужные учебники. Ты мне ведь поможешь уговорить его остаться? — и Зоя Дмитриевна поспешила открывать дверь.

Оксана сидела и молча мотала головой.

На пороге появился невысокий мужчина средних лет, с большими смешными ушами и крупным носом. Но вид у него был довольно милый, и чувствовалось хорошее воспитание. Он тихо поздоровался.

— Ой, спасибо большое, как раз то, что мне нужно. Может, пройдёте на чашечку чая? Мы как раз сели семьёй, — теперь голос у матери был мягкий и плавный.

— Спасибо, Зоя Дмитриевна. Но мне некогда. Машина сломалась, целый вечер придётся с ней повозиться. А уже почти темно.

— Хоть на полчаса бы остались, у нас отличные пирожки с клубникой, — уговаривала Зоя Дмитриевна. — Это вот моя дочка Оксана. Не замужем. Отличная хозяйка, — она расплылась в улыбке и прижала учебники к груди.

Анатолий Александрович посмотрел на Оксану, сидящую со строгим лицом на диване, и как-то застенчиво опустил глаза:

— Спасибо, как-нибудь в следующий раз, — он опять кинул взгляд на Оксану и повернулся к выходу.

Воцарилась полная тишина. Зоя Дмитриевна кинула книги на диван и тяжело опустилась на стул. По окну забарабанил дождь. Все сидели и слушали его постукивания.

— Спасибо, всё было вкусно, — Максим поднялся из-за стола, — пойду схожу к Димке.

— Мы тоже пойдём. Проводишь немного нас? — Оксана стала собирать посуду со стола.

— А вернулась же всё-таки назад. Тяжело ведь. Я говорила, что ты ещё намучаешься, — Зоя Дмитриевна кивала в такт дождю головой.

— Ты не хочешь, чтобы я приходила? Хорошо, — Оксана развела руками, — знаешь, за этот месяц мы не очень часто виделись, но я так устала от тебя. Что, что ты хочешь от меня? — она уже громко, с надрывом выговаривала слова.

— Я хочу, чтобы ты устроила свою жизнь, чтобы у меня наконец-то появились внуки, — Зоя Дмитриевна грозно посмотрела и положила сцепленные руки на стол.

Катя прикусила губы и юркнула в коридор.

— Хватит, мама! Ты сама оба брака была несчастлива, так почему же меня торопишь? Я твоих ошибок не повторю, — на глазах у Оксаны навернулись слёзы.

— Я была счастлива. Была счастлива, — Зоя Дмитриевна подняла морщинистые руки.

— Это счастьем ты называешь? Мне такого не надо, — отрезала Оксана, — я пыталась понять тебя все эти годы. Знаешь, в тот последний день после ухода дяди Лёши я нашла в твоей руке клочок от его рубашки. Я его сохранила, думала, покажу, когда ты попытаешься снова принять такого “примерного” мужа. Покажу тебе, что так по клочочкам ты теряешь свою жизнь. Что у тебя нездоровая от него зависимость. Но его не стало. И ничего не изменилось, ничего. Теперь ты ещё более зациклилась на моём замужестве. Этот лоскуток я до сих пор храню у себя в шкафу на полке. Я часто его вертела в руках, стараясь проникнуть в твои мысли, — слёзы бежали по щекам Оксаны, но голос был твёрдый, — я, кажется, поняла. Ты боялась одиночества. Те пять лет после развода с отцом ты страдала, и вот, встретив дядю Лёшу, вцепилась в него, не смотря ни на что. Ты прощала ему всё, лишь бы не остаться одной. Это неправильно, я так не хочу.

Зоя Дмитриевна закрыла руками уши и шептала:

— Замолчи, замолчи. Я не хочу тебя слушать.

Оксана выбежала в коридор и остановилась возле зеркала. Снова ей показалось, что оно хохочет и подраживает. Зеркало, которое столько лет было свидетелем ссор, кажется, впитав гнев и ненависть, само стало их излучать. Оно просто злорадствует, когда начинается скандал! Оксана, схватив маленький стульчик, со всего размаху ударила по зеркалу. Послышался звонкий сыплющийся звук. Мелкие и крупные осколки, словно стонали, обрушиваясь на пол. Теперь над этим зеркалом смеялась Оксана. В душе она просто хохотала.

— Ты что наделала? Совсем не держишь себя в руках?! — разгневанная Зоя Дмитриевна выбежала из зала.

— Ксанка, что с тобой? — Максим испуганно смотрел на сестру. Такой он ещё никогда её не видел.

Оксана быстро оделась, схватила Катю и выбежала на улицу. Испуганная девочка молча плакала, боясь что-нибудь сказать, и покорно шла рядом. Только сейчас Оксана почувствовала, что её руки как-то странно горят. Под светом тусклого единственного во дворе фонаря она увидела, что они изранены мелкими осколками, и повсюду выступали маленькие красные линии.

Пробираясь в темноте через детскую площадку, Оксана услышала чей-то пьяный мужской голос:

— Это кто здесь ходит?

— Кто ходит часто по ночам, тот поступает мудро, — послышался второй грубый голос. Рядом раздался противный смех и девушка почувствовала запах спиртного.

Из-за густой темноты Оксана заметила троих мужчин, только когда они подошли почти близко...

— Прикурить не найдётся, мамаша? — просипел мужик с длинными руками, заметив Катю.

— Я не курю. Отойдите с дороги, — решительно потребовала Оксана.

Мужчины тупо улыбались и стояли на месте, но позади послышался голос Максима:

— Ксанка, с тобой всё в порядке? Эй вы, чего пристали, а ну проваливайте, — Максим подбежал к сестре и встал впереди неё вплотную к троице.

— Максим, не надо. Всё нормально. Давайте разойдёмся по-хорошему, — Оксана запаниковала. Она отпихнула чуть назад Катю и вцепилась в брата.

— Ты чего это, салага? Кто тебя звал, заступник? Смелый такой? — длиннорукий схватил его за ворот куртки.

— Хватит, прекратите! — Оксана уже почти кричала.

Кто-то сзади так резко её толкнул, что она оказалась на холодной сырой земле, больно ударившись рукой при падении. Когда девушка поднялась, двое уже набросились на Максима и колотили его с двух сторон. Но натренированный студент ловко давал отпор. Третий снова приблизился к Оксане. Она смогла чуть оттолкнуть его в сторону, и взгляд её упал на его поднятую вверх руку. В темноте она не могла ничего разглядеть, но внутренне почувствовала опасность. Несколько раз длиннорукий ткнул Максима в живот, тот вскрикнул и медленно сполз на землю. Оксана, собрав все свои силы, отпихнула стискивающего её мужика. Скоро она уже была возле Максима. Сжав руки под собой, он лежал, скорчившись. Оксана обернулась и только успела выкрикнуть:

— Ты, скотина, — как почувствовала что-то острое у себя под левой грудью.

Послышались где-то вдали крик Кати и пьяный испуганный голос:

— Алик, ты спятил? Псих ненормальный!

Зоя Дмитриевна безучастно подметала зеркальные осколки с пола. “Вот она, вся моя жизнь”, — почему-то подумала она. Вдруг раздался чей-то крик в подъезде. Она сразу кинулась к двери и широко открыла её, не дожидаясь стука. В квартиру влетела Катя с диким возгласом: “Маму убили!”.

... С того дня прошло две недели. Совсем похолодало, и снег с серьёзными намерениями окутал землю. Правда, иногда солнце выбивалось из-за туч и начинало припекать. Но холодные потоки воздуха пронизывали город ледяными порывами.

Оксана до сих пор лежала в реанимации. Она так и не пришла в себя. Врачи ничего определённого не могли сказать, всё будет зависеть от того, когда она придёт в сознание.

Зоя Дмитриевна перебирала Оксанины вещи и складывала в шкаф в её комнате. Она недавно перевезла их из малосемейки. Вдруг на глаза ей попала маленькая розовая коробочка. Женщина аккуратно открыла её и замерла в нерешительности. Там лежал... клочок рубашки её мужа. Коробочка выпала из её рук, а по испещрённому мелкими морщинами лицу катились слёзы. Катя, сидевшая на полу возле выдвижного ящика, укладывая свои кофточки, спросила:

— Зоя Дмитриевна, а куда положить летние вещи? Они ведь мне не скоро понадобятся.

Зоя Дмитриевна опустилась на пол возле девочки, уткнулась головой в её острое плечико, тихо-тихо плача, прошептала:

— Зови меня бабушкой, Катя. Слышишь, зови меня бабушкой, — она крепко прижала девочку к себе, а взгляд её упал на стоявшую на столе фотографию Максима в чёрной рамочке.

Что хочет сказать число?

Ася медленно брела по пустынной улице. Невесело подмигивал полуразбитый фонарь возле подъезда. Осенью девушку всегда обуревали противоречивые чувства: то ей хотелось бросить всё и уехать к брату в Севастополь, то — открыть свою кулинарию восточных сладостей. Однако необходимая сумма вложений опускалась занавесом между Асей и кулинарной витриной. Но чаще всего в это время года её тянуло залезть под тёплое одеяло, включить кассету с шумом приboя и пить чай с душистой мятой. Но так как учёба на четвёртом курсе университета отнимала немало времени, то нежиться долго не приходилось. Ася настойчиво зубрила юридическое дело, хотя знала, что вряд ли это её призвание. Куда с большим интересом она зачитывалась журналами, где часто публиковались любопытные материалы с броскими заголовками: “Высеченные нашими предками знаки на скалах так и не разгаданы учёными...” или “Вот уже который день из космоса доходят сигналы, а приборы не могут зафиксировать их значение...”. Книжные полки девушки были забиты брошюрками о непознанном мире.

Ася остановилась у подъезда и наблюдала, как ветер настойчиво разбрасывает листву. После нескольких часов, проведённых в библиотеке в поисках материала для курсовой работы, мысли, как листья, пестрели и не хотели уgomониться. Знакомый мужской голос заставил её очнуться:

— Привет, Ася! Опять с книжками? Не надоело?

Никита жил в соседнем доме. С первого дня приезда, когда Ася перебралась из пригорода, чтобы поступить в университет, они подружились, что называется, стали дворовыми друзьями. У Никиты был свой небольшой цех по перетяжке мягкой мебели. Особой прибылью дело не давало, да и местные “братки” и налоговые инспектора частенько нескромно стучали в закрытую дверь. Но что больше всего ценила Ася в Никите — это его оптимизм. Он всегда улыбался и шутил. Только когда Кристина прошлой осенью помахала ручкой, сказав: “Надоело! Хочу в Европу!”, и укатила с заезжим иностранцем в Ригу, Никита пал духом. Он забросил цех и практически ни с кем не общался. Ася старалась помочь своему другу, чем могла. Но вот наступила весна, появились первые почки, и что-то проснулось и в парне. Он снова стал улыбаться, и прежний Никита с удвоенной энергией принялся за свою работу.

— Ну, что раскисла? Или сегодня не те разряды над Землёй? Погода хмурится: это какой-то сигнал, призыв?

— Если думаешь, что разозлишь меня, то напрасно. Знаешь, я сегодня сидела в библиотеке и, на минутку закрыв глаза, представила, что лежу на лугу, даже почувствовала запах скошенной травы и цветов.

— Тебе надо отдохнуть, развеяться и выкинуть все глупости из головы. Я сейчас спешу, но вечером, в семь жду у себя. Будет великолепный гусь в яблоках.

— Какой сегодня праздник? Я что-то пропустила?

— Сегодня моему дедушке было бы сто лет. Он не дожил четыре года до юбилея.

— Вот это да! Как здорово, что ты помнишь об этом. Гусь в честь столетия. Сто лет. Сто... Да, я сегодня три раза сталкивалась с этой цифрой. Доехала до библиотеки на 100-м маршруте. В библиотеке в журнале читателей была под номером 100 и в гардеробе получила бирку с цифрой 100. Как интересно...

— Опять заморачиваешься? Иди отдыхай. Через два часа жду у себя.

— А кто будет?

— Как обычно, Миха с Яной, обе Осипенко, и Стасик обещал заглянуть, если не уедет в Ташкент.

— Янка опять будет доставать Миху из-за его длинноногой секретарши?

— Из-за такой секретарши поволноваться стоит! Ну всё, спешу. До вечера.

— Пока.

Дома никого не было. На трюмо лежали записка и сто рублей. Ася жила у своей дальней родственницы, которая была двоюродной племянницей какого-то троюродного брата бабушки по маминной линии. Вообще о её существовании вспомнили, когда Асе нужно было где-то жить на время учёбы. Нужен был присмотр, как говорила мама, иначе никуда бы не отпустила. Если мама за что-то бралась, она могла уговорить любого. Но тётя Дуся была и сама Асе рада. В прошлом она активно занималась общественной деятельностью. Но случилось так, что четыре года назад она осталась одна, без семьи и почти без друзей. И тут появилась Ася.

Прочитав записку: “Я у подруги на Самоварной. Придёт т. Катя, принесёт мне лекарство, отдай ей сто рублей”, Ася задумчиво разглядывала денежную купюру: “Опять 100. Совпадение? Надо расслабиться и лечь спать. Может, и раньше у меня было много таких совпадений, просто сегодня я обратила на это внимание. Если это знаки из космоса, то что они могут означать? Вот, например, перед смертью многие чувствуют, что... Так, стоп. Какая ещё смерть? Такой ход мыслей ни до чего хорошего не доведёт. Нужно успокоиться, выпить чаю и уснуть. Спокойствие, мята, кровать. Спокойствие, мята, кровать”. Ася помотала головой. После чашки пахучего чая девушка свернулась клубочком и провалилась в темноту.

Когда Ася проснулась, на улице уже совсем стемнело, и шёл мелкий дождь. Промелькнула мысль никуда не идти, но какая-то непонятная сила заставила её встать, одеться и выйти из квартиры.

Ася запрыгала по ступенькам, но вдруг замерла на первой лестничной площадке. При тусклом свете на полу виднелась начертанная мелом цифра 100. Девушка сделала шаг назад. В горле пересохло и в голове зашумело: “Что за шутки? Это уже не смешно”. Входная дверь была открыта, за ней темно и сыро. Ася резко выбежала и помчалась к Никите. На углу возле автостоянки стояла открытая машина. По радио передали сигналы точного времени, и город был оповещён о семи часах вечера. Неподалёку от машины стояли двое мужчин: высокий, худощавый, с бородой и коренастый в спортивной шапочке, о чём-то вполголоса разговаривали. Пробегая мимо них, Ася услышала последнюю фразу. Коренастый хриплым, нервным голосом произнёс: “Мне такая жизнь надоела”. “Мне тоже”, — подумала Ася. По радио звучала популярная песня: “Сто дней до приказа...”.

Она быстро вбежала на 4-й этаж и отрывисто застучала в дверь. Большие испуганные зелёные глаза, растрёпанные каштановые волосы, тяжёлое дыхание и забрызганная грязью одежда — Ася была не совсем настроена на весёлый праздник. Никита заволновался:

— Да что ты обращаешь внимание на всякие мелочи? Ты только себя изводишь!

— Может, от этого зависит что-то важное? Я должна понять, почему эту цифру я так часто вижу, слышу. Но я не знаю, с чего начать.

— Да нечего тут понимать! Это ничего не значит. Как можно понять **ничего**? Пусто. Ноль без палочки.

— Если бы. Как раз-таки с палочкой, да ещё и два ноля.

Никита криво улыбнулся. Ася уткнулась головой в его крепкое плечо. И вдруг ей стало так спокойно, и она опять почувствовала запах луговых трав.

— Прости. Сегодня надо веселиться, а я всё порчу, — виновато прошептала она.

Гости шумели в соседней комнате. Послышался Михин голос: “Ну что, гусь к нам не летит?”.

— Ася, успокойся и пойдём ужинать. Всё будет хорошо. У меня есть отличная новость. Но я скажу тебе её позже.

У Аси не было аппетита. Она изо всех сил старалась казаться обычной.

Яна, как всегда, после пары рюмочек стала отпускать шуточки в адрес секретарши Михи, а Миха только пыхтел и повторял:

— Ну, ты же знаешь, что я не могу её уволить. Она какая-то родственница нашего генерального директора.

Стасик забавлял анекдотами сестёр Осипенко. Они отрывисто гоготали, и Ася уже не разбирала, кто гогочет сильнее: Маша или Даша. Она уставилась на спичечный “лимузин”, стоявший на подоконнике. Эдакая забавная вещица — “лимузин” из спичек. Какой-то довольный клиент подарил его Никите, пожелав, чтобы сжёг его на счастье, когда родится сын. “Жаль, пылится, ждёт своего часа”, — между прочим подумала Ася.

Уже весёленькая, Яна подняла рюмку:

— Давайте выпьем за наших детей. Настоящих и будущих. Чтобы они были здоровыми и долгожителями, как твой дед. Представляете, наш Тёмочка уже сто слов в минуту читает.

Ася вздрогнула и разлила стакан сока на скатерть. Красная жидкость поползла по столу. Девушка машинально взглянула на часы: без двадцати девять.

Яна завизжала:

— Асе не наливать! Занялась порчей имущества, — и навернула рюмочку.

У Аси застучало в висках. Она нервно заморгала и переводила взгляд то на лимузин, то на гуся, то на Яну. Лимузин, гусь, Яна. Лимузин, гусь, Яна.

— Какая я неуклюжая. Принесу салфетки. — Она отправилась на кухню и села на стул возле окна.

Никита, подойдя, нежно обнял девушку за плечи:

— Давай завтра вместе сходим к врачу. Это всё из-за твоих книжек. Начиталась всякого. Выдумала знаки какие-то. И это наваждение — плод твоего возбуждённого воображения.

Ася стучала пальцем по подоконнику. Что-то мешало ей сидеть, и она медленно встала. На стуле лежал маленький плоский калькулятор. Девушка, не заметив, села на него. На табло высветилась знакомая цифра 100.

— И это мне мерещится, — спокойно сказала Ася, указав на табло калькулятора.

Никита замолчал. А девушка мысленно повторяла три слова: лимузин, гусь, Яна.

Машинально она вдруг произнесла: “Автостоянка”.

— Что? — спросил Никита.

— Автостоянка! — возбуждённо вскрикнула Ася, — лимузин — авто, гусь — сто, так как к столетию бабушки, а Яна — это Янка. Если не быть зацикленным на 100, то гусь никак не ассоциируется с этой цифрой.

Никита, не понимая, смотрел на Асю.

— Что с тобой? Какая автостоянка? Какой лимузин, гусь? При чём тут Янка?

Мозг лихорадочно выдал: семь вечера. Автостоянка. Двое мужчин. Нервный разговор. Сто минут спустя — без двадцати девять. Кровавый сок.

Ася схватила Никиту за руку:

— Ни о чём не спрашивай, у меня нет времени объяснять. Но я точно знаю, возле автостоянки напротив что-то случилось. Я должна туда идти. Ты со мной?

— Я тебя никуда не пущу!

— Оставайся, если хочешь. И вызови милицию и “скорую”, наверное, она тоже понадобится.

Ася только сейчас вспомнила сон, который она видела перед тем как прийти к Никите. Два быка стоят друг против друга. Между ними что-то сверкает и слепит глаза. И вдруг один бык пронзает рогом другого. А рядом она и почему-то у неё совсем седые волосы.

— Что ты такое говоришь? Это тебе нужен врач, и срочно!

— Всё, я побежала!

— Хорошо. Я иду с тобой. Если ты ошибаешься, завтра идём к врачу.

— Идёт.

Ася взглянула на настенные часы. Ровно девять вечера. Потеряно двадцать минут. Может, ещё не поздно.

Сёстры Осипенко всё так же гоготали. Никто и не заметил, как открылась и захлопнулась дверь.

Через пару минут Ася с Никитой были возле автостоянки. Казалось, ноги не принадлежали девушке, они сами вели её, куда считали нужным. Вот Ася очутилась возле мусорных баков. На сырой земле на спине лежал тот худощавый, с бородой — ... с ножом в груди. К счастью, “скорая” приехала быстро. Мужчину удалось спасти, но считанные минуты отделяли его от смерти. Продлился бы разговор с Никитой подольше...

Как установили врачи, предположительно удар был нанесён без двадцати минут девять вечера.

После того, как Ася описала коренастого и его машину, были установлены его личность и адрес. Опергруппа задержала мужчину в его квартире.

История была банальной. Худощавый работал инкассатором в одной фирме. В этот день в восемь вечера он должен был забрать немалую сумму денег. В его распоряжении были машина и вооружённый охранник. Об этом он узнал за день и рассказал случайно своему закадычному, но не особо удачливому другу (тому коренастому). Обиженный на жизнь, тот предложил скрыться с деньгами. Он ему в этом поможет, а сумму пополам, на каждого по сто тысяч рублей.

В семь вечера инкассатора охватили сомнения, поэтому так нервничал коренастый, пытаясь его переубедить. В конце концов худощавый согласился. Охранник был олушён и связан. В полдевятого вечера двое друзей с деньгами сидели в машине коренастого возле автостоянки. И опять страх сковал худощавого. Он решил во всём признаться. Коренастый, не сумевший переубедить напарника, догнал его возле мусорных баков и всадил нож в грудь.

Пропажу денег будут связывать только с инкассатором, ведь охранник не видел коренастого в лицо. А так как худощавый мёртв, как был уверен коренастый, то и его никто не будет искать. Поэтому он и не торопился покидать город. Все деньги были найдены при обыске у задержанного.

На следующий день, после того как стала известна вся эта история, Ася сидела у Никиты на кухне и отчуждённо смотрела в окно.

— Да, история непонятная, — произнёс протяжно Никита.

— А по-моему, всё банально. Лёгкие деньги, и никакой человечности.

— Нет, я про твои знаки. Я просто в шоке от этого. Ведь твоя цифра 100 спасла жизнь человеку.

— Нет, скорее погубила. Разве деньги могут сделать человека счастливым? Так не бывает. Счастье — это любовь, доброта, мир.

Никита пристально смотрел на Асю. Она чувствовала тепло его взгляда и её охватила нежность. Никита стал таким родным и близким. Девушке захотелось прижаться к его груди и забыть обо всём. Только он и она.

Ася тихо спросила:

— Ты вчера говорил, что у тебя есть хорошая новость. Какая?

Никита как будто очнулся:

— Ах, да. Ты знаешь, у меня к тебе предложение. Полетели вместе в Кгольм.

— В какой Кгольм? — не поняла Ася.

— Конечно, не Кгольм... Просто первые три буквы тебе хорошо известны. Вернее, это цифра. Боюсь уже её произносить. Ты опять чего-нибудь надумаешь.

— В Стокгольм? — удивилась Ася.

— Да. Ты согласна?

— Подожди. Откуда у тебя такие деньги на поездку?

— Ты же знаешь, что мои родители развелись, когда я был маленький. Сначала отец нам помогал, а потом куда-то исчез. Мы с матерью из Украины переехали сюда. Пять лет назад мама умерла, и я остался практически один. Вчера я узнал, что мой отец нашёлся. Он мне позвонил. Все эти годы, оказалось, он искал нас. Сейчас живёт в Стокгольме, преуспевающий банкир. Мечтает меня увидеть и выслал приличную сумму денег. И я хочу полететь с тобой.

— Я бы с удовольствием. Но вы столько не виделись с отцом! У вас свои семейные воспоминания. Я буду себя чувствовать лишней.

— Знаешь, вчера я как будто прозрел. Все эти годы ты была рядом, а я не мог понять, что нас связывает — просто дружба или что-то большее? Но я всегда знал, что не должен тебя терять. А вчера понял, что женщина, которую я ждал всю жизнь, — это ты. Я хочу любить тебя, заботиться о тебе, чтобы всякие глупости и не думали посещать твою очаровательную головку. Я люблю тебя, люблю, как никого не любил.

Никита нежно держал Асю за руку. А ей казалось, что её сердце от радости готово выпрыгнуть из груди. Она не верила, что это происходит с ней. От его взгляда у девушки кружилась голова, ей казалась всё происходящее счастливым сном. Но вдруг Ася почувствовала запах цветов. На подоконнике зацвели фиалки...

... Полтора года спустя Ася сидела в уютной гостиной, в камине пылал "лимузин".

Ася медленно листала маленькую чёрную книжицу с незатейливым названием "Сто тысяч почему" ...

г. Астана.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (3172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (3272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.com

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Учредители:

В. Р. Гундарев и ТОО «Издательство «Фолиант».

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27. 01. 2003 г.

Сдано в набор 04. 01. 2007 г.

Подписано к печати 15. 02. 2007 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 713.

Номер набран и свёрстан в ТОО

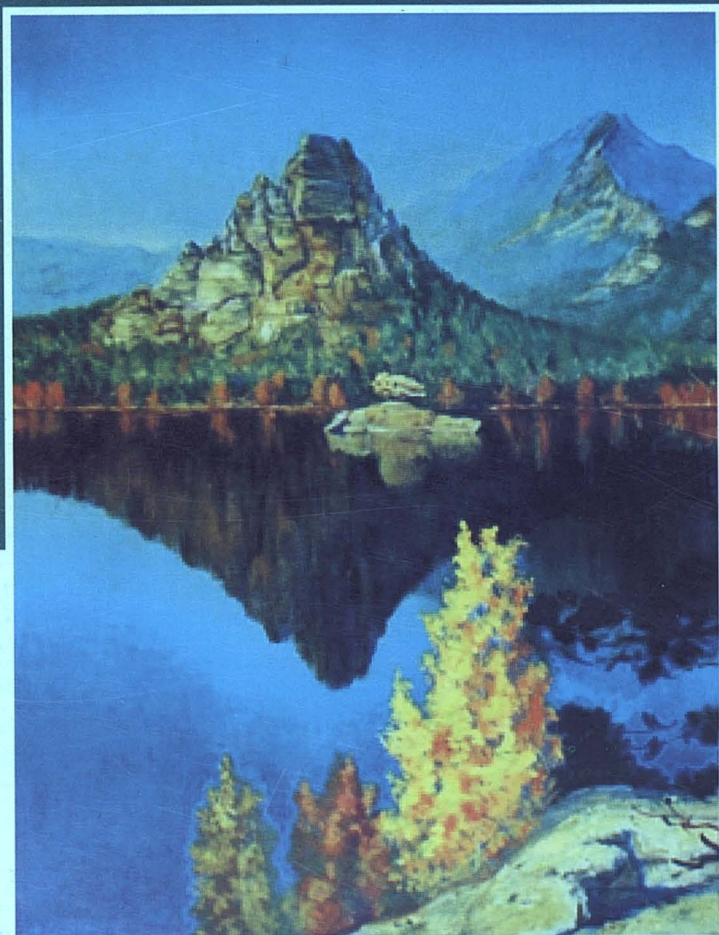
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.

НИВА

№3, 2007

В следующих номерах:

Н. Зайцев. Бесовщина (повесть)

М. Розен. Элемент неожиданности (повесть)

А. Лалаева. Четыре рассказа

А. Устинов. Казахи и русские: эпоха Кунаева

В. Шестериков. Розы и ракеты

О. Григорьева. Цветаевский теплоход

Б. Канапьянов. Кулагер (Судьба Поэта)